Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8
ИСТОРИЯ

№ 1 • 2019 • ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Астахов М.А. История поздней Реконкисты сквозь призму византийского опыта (читая книгу Р.М. Шукурова «Тюрки в византийском мире») 3

Абрамова И.Л. Манифест 5 апреля 1797 г. в исторической литературе: а был ли указ о трехдневной барщине? 21

Винюкова Н.В. И.И. Фудель о проблеме воцерковления интеллигенции 39

Стрекалов И.Н. Г.С. Хрусталёв-Носарь в 1905 г.: к предыстории создания Петербургского Совета рабочих депутатов 54

Алмазов М.Г. «С сегодняшнего дня ежедневные советы у меня»: к вопросу о роли военно-полицейских совещаний в период Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. 75

Омельянчук И.В. Социальный состав монархических организаций Владимирской губернии в 1905–1907 гг. 85

Леонтьева Н.И. Советские специальные лагеря в Германии в 1945–1948 гг. 105

Гильмитдинова А.Х. К вопросу о критериях элитных погребальных памятников ранних кочевников Южного Урала VI–IV вв. до н.э. 123

Окрошидзе Л.Г. Портреты Генриха VII и принца Уэльского Артура: легитимизация и глорификация власти в живописи 138

Карев А.А. К вопросу об истоках исторической картины в России 146

Научная конференция «Экономическая история античности в мировой историографии» (МГУ, 31 января 2018 г.) (*М.В. Дурново*) 160

CONTENTS

Astakhov M.A. History of the Late Reconquista in Light of the Byzantine Experience (reading the book by R.M. Shukurov "The Turks in the Byzantine World") 3

Abramova I.L. The Manifesto of April 5, 1797 in Historiography: Was There Really a Three-Day Corvée Edict? 21

Vinyukova N.V. J.I. Fudel on the Transition of "Intelligentsia" to the Church 39

Strekalov I.N. G.S. Khrustalev-Nossar in 1905. To the History of the Creation of the St. Petersburg Soviet of Workers' Deputies 54

Almazov M.G. "From Today on, I Will Hold Daily Councils": Revisiting the Role of the Military-Police Councils in the December Armed Uprising 1905 75

Omeliyanchuk I.V. Social Composition of Monarchical Organizations in Vladimir Guberniya in 1905–1917 85

Leont'yeva N.I. Soviet Special Camps in Germany in 1945–1948 105

Gilmitdinova A.H. To the issue of the Elite Burial Sites of Early Nomads in the South Urals in the 6th–4th Centuries 123

Okroshidze L.G. Portraits of Henry VII and Arthur, Prince of Wales: Legitimization and Glorification of Power in the Painting 138

Karev A.A. On the Origins of History Painting in Russia 146

Scientific Conference "Economic History of Antiquity in the World Historiography" (MSU, January 31, 2018) (*M.V. Durnovo*) 160

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2019

М.А. Астахов*

ИСТОРИЯ ПОЗДНЕЙ РЕКОНКИСТЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВИЗАНТИЙСКОГО ОПЫТА (читая книгу Р.М. Шукурова «Тюрки в византийском мире»)

M.A. Astakhov

HISTORY OF THE LATE RECONQUISTA IN LIGHT OF THE BYZANTINE EXPERIENCE (reading the book by R.M. Shukurov "The Turks in the Byzantine World")

Аннотация. Данное исследование направлено на выявление исторических закономерностей, характерных для зона контакта и взаимопроникновения разных цивилизационных моделей, приводящих к прогрессивному доминированию и превалированию одной их них, которая в итоге вытесняет или поглощает своего антагониста. Предпринята попытка сравнения исторического опыта Испании и византийского мира в XIII–XV вв., на которую автора вдохновила книга российского византиниста Р.М. Шукурова «Тюрки в византийском мире (1204–1461)». Сравнительно-исторический анализ процессов, происходивших на Пиренеях в эпоху поздней Реконкисты (с начала XIII в.) и в византийском мире на последних этапах его существования, несмотря на существенную типологическую разницу государственных образований, выявил множество общих черт: от схожей политической судьбы мусульманской Испании и Византии до особого характера интенсивного межкультурного, межязыкового и, шире, межцивилизационного взаимодействия в этих землях, расположенных на противоположных концах Средиземноморья. Особенно важным автору представляется вывод Р.М. Шукурова о «латентной тюркизации» поздневизантийского общества, происходившей фактически изнутри: тюркский элемент постепенно включался в византийское мироустройство, становясь его неотъемлемой частью и предопределяя в конечном итоге экзистенциальный проигрыш империи. Экстраполирование подобной схемы на историю испанского Средневековья могло бы оказаться плодотворным

* *Астахов Марат Андреевич*, независимый исследователь, Москва
Astakhov Marat Andreyevich, independent scholar, Moscow
+7-916-469-47-52; marat1089@mail.ru

для понимания судьбы Аль-Андалуса: гибель последнего мусульманского государства на Пиренейском полуострове, Гранадского эмирата, объясняется не только политическими или экономическими причинами, но и «подготовленностью» гранадского общества к завоеванию на фоне более чем 250-летнего взаимодействия с христианским миром. Для более глубокого изучения и понимания исторической роли государств, подобных Гранаде или Византии, а также других зон межцивилизационного взаимодействия, в целом важно и продуктивно формулировать междисциплинарные проблемы, которые не могут быть решены в рамках одной конкретной области науки (например, медиевистики, византинистики или востоковедения), но требуют их активного взаимодействия.

Ключевые слова: Реконкиста, Гранадский эмират, Византия, тюрки, межкультурные и межконфессиональные взаимодействия, межцивилизационный конфликт, языковая и культурная ассимиляция.

Abstract. The present study aims at finding historical patterns in the zones of contact and interpenetration of different civilizational models, which eventually lead to progressive dominance and the prevalence of one of them and displacement or absorption of the other. The author inspired by Russian byzantinist R.M. Shukurov's book *The Turks in the Byzantine World (1204–1461)* attempts at comparing historical experiences of Spain and the Byzantine world in the 13th–15th centuries. He comparatively analyzes the processes that took place in the Pyrenees in the late Reconquista era (from the early 13th century) and in the Byzantine world during the last stage of its existence. Despite significant typological differences of state formations in these regions, the study reveals many common features, ranging from the political fates of Muslim Spain and Byzantium to the special nature of the intensive intercultural, interlingual and, more broadly, intercivilizational interaction in these lands at opposite ends of the Mediterranean. The author considers especially important R.M. Shukurov's idea of the so-called "latent Turkicization" of the late Byzantine society, which actually unfolded from the inside: the Turkic element was gradually incorporated in the Byzantine world, became its integral part and determined the failure of the Empire. This model can be also useful for understanding the fate of Al-Andalus. The fall of the last Muslim state on the Iberian Peninsula, the Emirate of Granada, can be explained not only by political or economic reasons, but also by the "readiness" of Granada's society to be conquered after more than 250-year interaction with the Christian world. A deeper study and better understanding of the historical role of the states like Granada or Byzantium, as well as other similar zones require to solve interdisciplinary problems not only within one specific academic field (Medieval, Byzantine, Oriental studies etc.), but through the interaction of various disciplines.

Keywords: Reconquista, Emirate of Granada, Byzantine Empire, Turks, cross-cultural and interconfessional interaction, intercivilizational conflict, cultural and language assimilation.

* * *

В 2017 г. в издательстве МГУ имени М.В. Ломоносова вышла в свет книга российского ученого-византиниста Р.М. Шукурова «Тюрки в византийском мире (1204–1461)»[1]. В основе монографии лежит докторская диссертация[2] «Тюрки в византийском мире в XIII–XV вв.» (2011) и многолетние исследования автора по данной проблеме.

В настоящей статье мы не предполагаем дать развернутую рецензию, тем более что подобная уже существует на английский вариант вышедшей книги[3]. Занимаясь другим регионом, странами Пиренейского полуострова, казалось бы, не имеющими прямого отношения к византийскому миру, замечаешь очевидные параллели с материалом, представленным в исследовании Р.М. Шукурова, особенно в том, что касается взаимодействия обществ, разных по культуре и доминирующей конфессии. Некоторые фундаментальные выводы, а также исследовательская стратегия автора, на наш взгляд, могут быть весьма успешно применены и к изучению испанской истории, что позволит по-новому взглянуть на ее традиционные сюжеты.

Целью Р.М. Шукурова было выйти за рамки бинарной исследовательской стратегии изучения «влияний» и показать византийско-тюркскую встречу не только как взаимодействие двух исключительно внешних по отношению к друг к другу элементов: подобный подход до сих пор используется многими византинистами. Напротив, по мысли автора, тюркское начало было одним из действенных социально-культурных элементов, трансформировавших византийское общество изнутри, составной частью *самой* поздневизантийской цивилизации. При этом исследователь не только не отвергает, но наоборот подчеркивает наличие цивилизационного конфликта, оказавшегося в конечном итоге гибельным для одной из сторон (с. 16). В практическом плане основной задачей было продемонстрировать наличие на византийских территориях тюрков, принявших византийское подданство и расселенных византийской администрацией в империи, а также оценить их влияние в культурном отношении (с. 18–19).

---

[1] *Шукуров Р.М.* Тюрки в византийском мире (1204–1461). М., 2017. Далее по тексту в скобках указаны ссылки на страницы данной публикации.

[2] Материалы диссертации Р.М. Шукурова также вошли в его книгу, опубликованную на английском языке в международном академическом издательстве “Brill”: *Shukurov R.* The Byzantine Turks, 1204–1461. Leiden, 2016.

[3] *Варьяш И.И.* Новые подходы к изучению межкультурного взаимодействия в Средние века // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 6 (50). — URL: http://history.jes.su/s207987840001532-4-1 (дата обращения: 23.03.2019).

Используя разнообразные по жанру (актовый материал, нарративные тексты, церковные и монастырские документы, прозаические и поэтические трактаты, географическую и астрологическую литературу, памятники изобразительного искусства) и происхождению (византийские, восточные, славянские, картвельские и западноевропейские) источники, автор успешно решает поставленную проблему. Особенностью исследовательского подхода Р.М. Шукурова является широкое использование данных ономастики (в особенности антропонимики и топонимики), этимологический и лингвистический анализ данных среднегреческого, а также новогреческого языков на предмет выявления слов восточного происхождения, языковых заимствований и области их употребления. Такая стратегия оказывается весьма плодотворной и, может быть, даже единственно применимой в рамках решения поставленных задач, поскольку византийская научная классификация известных народов основывалась в целом на географическом детерминизме, на включении новых объектов в наличное, унаследованное от античности знание (с. 58), в то время как язык имел второстепенное значение, а языковые различия не проблематизировались византийской научной рефлексией (с. 100–101).

Автор убедительно доказывает, что тюркская (как огузская, так и кыпчакская) иммиграция оставила заметный след в истории поздней Византийской и Трапезундской империй. Тюрки проникали в пределы византийского мира сначала как рабы, купцы, путешественники, перебежчики, пограничные воины, а с XI в., и особенно в поздневизантийский период, вплоть до второй половины XIV в. — как наемники и союзники (с. 138), которых активно привлекали к участию в гражданских войнах и конфликтах (с. 199). Византия не видела в подобном проникновении угрозы — наоборот, приток тюркских иммигрантов объяснялся растущим желанием империи компенсировать недостаток собственного людского ресурса, обусловленный территориальными потерями (с. 301).

Византийскими подданными могли быть только лица, исповедующие православие: в данном вопросе власть, особенно в Константинополе, придерживалась вплоть до самого падения строгой позиции. На византийском Понте существовали группы криптомусульман, лишь формально принявших христианство, но продолжавших тайно придерживаться ислама. Возникновение данного феномена было неизбежным для Трапезундской империи ввиду ограниченности территориальных и демографических ресурсов и практической невозможности расселения новых подданных с целью дальнейшей ассимиляции (с. 403–404).

Сами тюрки, как анатолийцы, так и пришедшие с севера, долгое время охотно принимали византийское подданство и подвергались ассимиляции, видя в Византии источник высоких административных и военных технологий, утонченного быта, элитарной культуры и рассматривая империю как одну из «дверей» в средиземноморскую цивилизацию. Служба такому государству, несмотря на упадок его военной и экономической мощи, была почетна и престижна (с. 302–303). Показательно, что даже в середине XIV в. дети и подданные османского правителя Орхана воспринимали Константинополь как вожделенный «туристический» объект (с. 309). Тюркские прониары исчезают с византийской социальной сцены только во второй половине XIV в. в связи с коллапсом прониарной системы вследствие турецких завоеваний (с. 324–325).

Соседство с тюрками, как внутреннее, так и внешнее, привело в конечном счете к тому, что византийцы на поздних этапах существования империи переняли многие тюркские, и в целом восточные, культурные обычаи, придворный этикет, определенные детали в пище и одежде, еще до падения Константинополя и Трапезунда в греческий язык вошло большое количество тюркизмов, а сама тюркская речь в XIV–XV вв. потеряла свое «чуждое» для греческого уха звучание и стала непременным и влиятельным элементом византийского культурно-лингвистического поля. Можно говорить об «ориентализирующем» сдвиге в византийской повседневной ментальности (с. 509).

Подобный процесс, красноречиво названный автором «латентной тюркизацией», привел в итоге к тому, что византийское общество оказалось «готовым» к завоеванию еще минимум за столетие до того, как это завоевание непосредственно произошло. Не следует, однако, говорить о какой-либо «тюркофилии» в византийском обществе — напротив, в своей политике в отношении восточных соседей византийцы придерживались прагматического подхода. Речь идет об уступке культурой своих элементов, об их обмене на чужие, о важной для понимания формуле «обретение чужого — это всегда отказ от части своего»: в этом плане Р.М. Шукуров уместно ссылается на теоретические работы представителя московско-тартуской семиотической школы, культуролога В.Н. Топорова, посвященные проблемам межкультурного влияния. Подсознательная открытость византийского общества тюркскому миру, его мнимая освоенность в контексте византийской ментальности в конечном итоге стали одним из существенных факторов экзистенциального проигрыша Византийской империи и ее падения (с. 513–514).

Вывод Р.М. Шукурова о постепенном проникновении тюркских этнического, языкового и культурного элементов в византийское цивилизационное поле как одном из ключевых факторов, облегчивших дальнейшее политическое превосходство османов и ведение ими успешных завоевательных кампаний, на наш взгляд, может оказаться весьма плодотворным для изучения ситуации на другом конце средиземноморского мира, а именно в Испании.

После битвы при Лас Навас де Толоса 1212 г. и изгнания альмохадов из Испании в начале 1230-х гг. на Пиренейском полуострове осталось лишь одно мусульманское государство — Гранадский эмират, просуществовавшее более 250 лет вплоть до своего падения в 1492 г. На первый взгляд далекая от Византии Гранада, тем не менее, уже современниками событий XIII–XV вв. связывалась с Константинополем и Левантом. Как отмечает израильский исследователь С. Асланов, хронисты крестовых походов с самого их начала описывали события на Ближнем Востоке и в Испании как часть общей борьбы с исламом. Например, анонимный хронист XIV в., «тирский тамплиер», радовался завоеваниям христиан на Пиренейском полуострове и считал их местью за потерянный Левант[4]. В дальнейшем (в конце XV — XVI вв.) тема утраченного города стала общим местом в литературных произведениях выходцев из поверженных Константинополя и Гранады[5].

После падения Константинополя кастильский король Энрике IV в 1458 г. фактически проигнорировал амбициозный проект папы Римского Каликста III по масштабному крестовому походу против османов: вместо этого монарх решил начать войну с гранадцами, которую считал местью за действия турок[6]. Кроме того, кастильским послам удалось убедить Святой Престол в том, что Энрике IV был чуть ли не единственным христианским правителем, способным побороть османов, однако для этого необходимо сначала разбить Гранаду. Красочное описание данной дипломатической миссии можно найти у кастильского историка Алонсо де Паленсия (1423–1492), известного оппонента короля Энрике IV: «*Весьма неравнодушно выслушал Понтифик Каликст благоговейные речи послов, заявивших, что все экспедиции против Турка будут тщетны, кроме той, что готовит Энрике, поскольку, если гранадцы будут побеждены и изгнаны*

---

[4] *Aslanov C.* Eyewitness vs. Mediated Narratives of Lost Cities at the End of the Middle Ages: Acre, Constantinople, Granada // Partial Answers: Journal of Literature and the History of Ideas. Vol. 7, № 2. 2009. P. 171–172.

[5] Ibid. P. 184.

[6] *Benito Ruano E.* Granada o Constantinopla // Hispania: Revista española de historia. № 79. 1960. P. 296.

из того достойного внимания уголка Испании (т.е. Гранады. — М.А), и будет свободной Испания, тогда Энрике сам обуздает мощь Турка, а также покорит парфян, мидян и фригийцев, в давнем владении находящихся…»[7]. Примечательно, что гуманист Алонсо де Паленсия употребляет по отношению к современным ему народам Малой Азии и Ближнего Востока античные названия (парфяне — Parthi, мидяне — Medi, фригийцы — Phrigii, в нормативном латинском варианте — Phryges), что схоже с византийской исторической традицией (с. 75–84).

Прагматический характер целей Энрике IV очевиден, если принять во внимание, что на Пиренейском полуострове существовала довольно устойчивая традиция отказов от участия в крестовых походах на Ближний Восток в пользу борьбы со «своими» сарацинами. К примеру, члены городского совета Валенсии в 1311 г. схожим образом отвечали на призыв к крестовому походу в Святую землю, отмечая, что *«из-за нехватки воинов, которые отправятся из Испании в названый поход в Святую Землю, могут последовать огромные ущерб и опасность для земель Испании»*, и прося Святой Престол позволить сначала *«очистить земли Гранады и другие места, которые держат сарацины»*[8]. Под подобные проекты освобождения Испании часто просили у папы Римского определенную часть средств, собираемых Церковью на борьбу с неверными.

Мы не будем останавливаться на подробностях проектов крестовых походов против османов после 1453 г. и реакции на призывы Рима со стороны испанских королей[9]. Однако важно подчеркнуть, что после падения Константинополя предстоящее завоевание Гранады под сильным воздействием как церковной, так и светской пропаганды стало восприниматься как законная месть мусульманам, как своеобразная компенсация за утрату христианами Великого Города, а пи-

---

[7] *Alonso de Palencia*. Gesta Hispaniensia ex annalibus suorum dierum colligentis. Madrid: Academia de la Historia, 1835. P. 67–68: "nec negligentius Pontifex Calistus praebuit aures timidis sermonibus legatorum asseverantium omnes fore irritas adversus Turcum expeditiones præter eam, quam Henricus moliebatur: nam devictis Granatensibus et ab illo angulo Hispaniae haud negligendo pulsis, libera Hispania, vel ipse Henricus coerceret potentiam Turci atque Parthos Medosque et Phrigios, veteri possessione contentos, premeret…"

[8] Epistolari de la València medieval. Vol. 1 / Introd., ed., notes i apèndix per A. Rubio Vela. València: Institut Interuniversitari de Filologia Valenciana; Barcelona: Publicacions de la Abadia de Montserrat, 2003. P. 235–236 (doc.107): "…per lo mirvament dels hòmens d'armes qui hiran de la Espanya en lo dit viatge de la Terra Santa, se porie seguir molt gran dan e perill a les parts d'Espanya...», «...purgar les parts de Granada e les altres que tenen sarrahins..."

[9] Об упомянутом проекте Каликста III и отношении к нему другого пиренейского монарха, арагонского короля Альфонсо V Великодушного, см.: *Navarro Sorní M.* Calixto III Borja y Alfonso El Magnánimo frente a la cruzada. Valencia, 2003.

ренейские правители, сражавшиеся с сарацинами, ставились Святым Престолом в пример остальной Европе[10]. Судьбы Константинополя и Гранады таким образом в политическом и идеологическом плане оказались тесно связаны.

Несмотря на то что Византия эпохи Палеологов и Гранадский эмират были двумя типологически разными государствами[11], они имели определенные схожие черты в своем историческом развитии. Обе страны были лишь наследницами былого величия времен раннего Средневековья, обе они находились в противоположных концах Средиземноморья, занимая стратегически важное положение и являясь своеобразными мостами между Европой и Азией, Европой и Африкой, и поэтому привлекали на протяжении всего своего существования внимание завоевателей. Как следствие, в XIII–XV вв. они постепенно утрачивали свои территории, сдавая неприятелю город за городом, теряя человеческие и экономические ресурсы, что влекло за собой и внутренние политические кризисы. Кроме непосредственных завоевателей (османов и Кастилии) за влияние в Византии и Гранаде боролись и крупные средиземноморские морские державы: итальянские республики Генуя и Венеция, а также Арагонская Корона[12].

Однако в рамках данной статьи нам представляется особо важным обратить внимание на то, что и Византия и Гранадский эмират (как и пиренейские страны в целом) находились на границе между Западом и Востоком и были зонами контакта и взаимопроникновения разных цивилизационных моделей.

На территории христианских государств Испании проживали сарацины, которые стали подданными христианских королей в результате завоеваний Реконкисты, а их право было включено в общее правовое пространство (по крайней мере, в Арагонской Короне[13]). В мусульманской Испании еще со времен арабских завоеваний оста-

---

[10] *Rincón González M.D.* La divulgación de la Toma de Granada: objetivos, mecanismos y agentes // Anuario de estudios medievales. 2010. N 40 (2). P. 604.

[11] Византия — прямая наследница Римской империи, сохранившая многие черты политики по интеграции/ ассимиляции иностранцев и по предоставлению гражданства, восходящие еще к I в. до н.э. — III в. н.э. Гранадский эмират — средневековое политическое образование с собственной концепцией государства и подданства, вассально-сюзеренными отношениями, которые хотя и основывались на исламской правовой традиции, однако подверглись значительному влиянию со стороны западно-христианского мира.

[12] *Martínez Carrasco C.* Granada y Constantinopla en la baja Edad Media: una historia comparada // Revista del Centro de Estudios Históricos de Granada y su Reino. 2014. N 26. P. 455.

[13] Об этом подробнее см.: *Варьяш И.И.* Сарацины под властью арагонских королей. Исследование правового пространства XIV в. СПб., 2016.

вались жить христиане (мосарабы) — подданные мусульманских правителей. Для последнего этапа существования Аль-Андалуса (т.е. эпохи Гранадского эмирата) данных об их существовании почти нет: Ибн аль-Хатиб в XIV в. писал, что христианская община практически исчезла из-за гонений периода альмохадов, однако есть обрывочные данные о неких гранадских крестьянах начала XIV в., которые исповедовали христианство и платили джизью[14]. Помимо этого в древней гранадской топонимике сохранились следы христианского влияния[15]. Эти данные не позволяют с точностью отрицать существование или говорить о сохранении «автохтонного» христианского населения в последнем мусульманском государстве на территории Испании. Кроме того, так же, как и в византийском мире, в государствах Пиренейского полуострова, включая Гранадский эмират, постоянно или временно проживало множество купцов, пленников и рабов, паломников, ренегатов, эмигрантов, наемников.

Как христианские, так и мусульманские правители пользовались услугами представителей этнических и религиозных меньшинств в самых различных сферах: дипломатии (купцы и ренегаты), управлении государством (ренегаты), охране границ и участии в военных действиях (наемники) и т.д. Сарацины Арагонской Короны очень часто принимали участие в посольствах в Гранадский эмират[16], как и тюркские подданные Палеологов и Великих Комнинов представляли своих императоров в отношениях с миром Востока (с. 326). У гранадского эмира была личная гвардия из ренегатов, а визирь Абул Ридван, служивший в XIV в. подряд трем властителям Альгамбры, был в прошлом знатным кастильцем из рода Бенегас (Venegas), перешедшим в плену в ислам[17]. Короли Кастилии для защиты дворцов и границ использовали в том числе и «гвардию мавров» (как мусульман, так и принявших христианство), состоявшую из кастильских сарацин, а также бывших гранадских пленников[18]. Схожие «гвардейские» формирования тюрок были и в Византии: так называемые янычары

---

[14] *Ladero Quesada M.A.* Granada: historia de un país islámico (1232–1571). Madrid, 1979. P. 45–46.

[15] *Arié R.* Les minorités religieuses dans le royaume de Grenade (1232–1492) // Revue du monde musulman et de la Méditerranée. 1992. N 63–64: Minorités religieuses dans l'Espagne médiévale / Dir. de M. Marín, J. Pérez. P. 51–52.

[16] *Астахов М.А.* Арагонская дипломатическая служба и арагонско-гранадские отношения в эпоху поздней Реконкисты // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 8 (52). — URL: http://history.jes.su/s207987840001605-4-1 (дата обращения: 23.02.2018).

[17] *Arié R.* Op. cit. P. 53.

[18] Об этом подробнее см.: *Echevarría Arsuaga A.* Caballeros en la frontera. La guardia morisca de los Reyes de Castilla (1410–1467). Madrid, 2006.

присутствовали в свите василевса Иоанна VIII в константинопольском дворце, а затем сопровождали императора в его поездке на Ферраро-Флорентийский собор в Италию (с. 449).

Явление эмиграции также широко присутствовало в обоих концах Средиземноморья. Хрестоматийным примером политической эмиграции в Византию является бегство сельджукского султана Изз ал-Дина Кайкавуса II (1246–1262) и его детей (с. 111–114). Из Гранадского эмирата в Арагонскую Корону, особенно в ее южную часть — Валенсийское королевство, наиболее близко расположенное к границе с исламским миром, довольно часто бежали различные мятежные представители знатных родов, партия которых проигрывала в бесконечных интригах при дворе эмира. Они охотно принимались королем, поскольку Арагон рассчитывал на них в своей борьбе с Кастилией за влияние в Гранаде[19].

В эмират тайно или официально могли эмигрировать арагонские сарацины: у многих находились там родственники, кто-то хотел глубже постигнуть исламскую культуру и арабский язык, некоторые бежали от преследований. Королевская власть занимала по данному поводу противоречивую позицию и так или иначе могла ограничивать не только миграцию мудехаров, но и любые их путешествия за пределы Короны, прежде всего по экономическим причинам. Однако, как показывают современные исследования, грамот, разрешавших арагонским сарацинам выезд из страны (главным образом, для совершения хаджа), было не меньше, чем запрещавших[20]. Кроме того, гранадские эмиры в мирных договорах с Арагоном и Кастилией особо оговаривали право мудехаров на выезд и недопустимость каких-либо запретов по данному поводу — правители Гранады в целом претендовали на духовное лидерство среди всех мусульман Пиренейского полуострова[21]. Впрочем, как мы показали в своей недавней работе, существовавшие в мирных договорах положения о свободе передвижения всего населения (по крайней мере, в соглашениях между Гранадой и Арагонской Короной) были

---

[19] *Salicrú Lluch R.* Caballeros granadinos emigrantes y fugitivos en la Corona de Aragón durante el reinado de Alfonso el Magnánimo // Actividad y vida en la frontera. II Estudios de Frontera. Jaen, 1998. P. 727–728.

[20] *Варьяш И.И.* Паломнические практики сарацин в правовых памятниках Арагонской короны (XIV–XV вв.) // Одиссей. Человек в истории. 2015–2016. М., 2017. С. 35. Подробнее об ограничении свободы передвижения сарацин в Арагонской Короне см. также: *Варьяш И.И.* Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. М., 2001. С. 116–118.

[21] *López de Coca Castañer J.E.* Los mudéjares valencianos y el reino nazarí de Granada. Propuestas para una investigación // En la España Medieval. 1982. N 2. P. 661, 664.

скорее декларативными, толковались и исполнялись в зависимости от конкретной ситуации[22].

Не только мусульмане-сарацины могли эмигрировать в Гранадский эмират. Туда могли уезжать и христиане (исповедующие или бывшие): лишенные наделов землевладельцы, еретики, отступники и сектанты[23], авантюристы и те, кого в испанской историографии образно называют «безумно влюбленными» (locos enamorados)[24] — обычно приграничные жители, полюбившие, невзирая на вероисповедание, юношу или девушку из соседнего городка или местечка по другую сторону границы и решившиеся по этой причине на бегство. Вообще, пограничное население на Пиренейском полуострове в целом было довольно, если можно так выразиться, подвижным. Это сопоставимо с феноменом восточной византийской периферии — акритскими лимитрофными зонами, в которых движение населения через границу в обоих направлениях было достаточно интенсивным. С X–XI вв. здесь были нередки случаи переходов в стан противника пограничного населения по тем или иным причинам: с византийской стороны воинов-акритов (ακρίται), с мусульманской — защитников «границы ислама» (Thughūr al-Islām) (c. 137).

Иноязычное и инокультурное население, таким образом, было широко представлено и на территории всех стран Пиренейского полуострова, и в византийском мире. Именно поэтому у исследователя в сущности не должно вызывать удивления то, что в христианских пиренейских королевствах и в Гранадском эмирате не только жители приграничных, но и внутренних районов неплохо владели языками

---

[22] *Астахов М.А.* Мирные договоры в истории дипломатических отношений Арагонской Короны и Гранадского эмирата во второй половине XIV — первой половине XV вв. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXVI Всерос. межвуз. конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (12–14 декабря 2016 г.) / Под ред. Г.Е. Лебедевой. Ч. II. СПб., 2016. С. 17–21.

[23] Хрестоматийным примером может служить кастильский монах Алонсо де Мелла, основатель движения «еретиков Дуранго» (los herejes de Durango), которого иногда называют «предшественником Реформации в Испании». В начале 1440-х гг. он бежал от преследований в Гранаду, откуда написал кастильскому королю Хуану II письмо с изложением своих взглядов: в нем он подверг критике католический клир и монахов, а также восхвалял сарацин, которые, по его мнению, служат Иисусу Христу гораздо преданнее, чем христиане (под «служением» он, по всей видимости, понимал почитание мусульманами пророка Исы ибн Марьям). Об Алонсо де Мелла см., напр.: *Echevarría Arsuaga A.* The Fortress of Faith: The Attitude Towards Muslims in Fifteenth Century Spain. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 75–77.

[24] *García Fernández M.* Sobre la alteridad en la frontera de Granada (Una aproximación al análisis de la guerra y la paz, siglos XIII–XV) // Revista da Faculdade de Letras: Historia. 2005. N III (VI). P. 225.

соседей (романсе и арабским), а многие византийцы ко времени падения империи были в той или иной мере туркофонами (с. 522). Подобно Иоанну Кантакузину, хваставшему своими познаниями в языке анатолийских тюрок (с. 27–28) вплоть до возможности к месту цитировать пословицы (с. 492), некоторые гранадские визири также любили украшать свою речь кастильскими поговорками. Арабский язык в Гранадском эмирате на протяжении более 250 лет существования этого государства вообще постоянно «романизировался»: вбирал в себя многочисленные слова «христианского» происхождения, использовавшиеся не только в поэзии или канцелярских документах, но и в повседневной речи[25]. Влияние же арабского на романские языки в обсуждении даже не нуждается: арабизмы проникли буквально во все сферы деятельности человека, причем большинство из них осталось в активном запасе современного испанского языка[26].

Мы, разумеется, отдаем себе отчет в том, что помимо очевидных сходств между Гранадой (и пиренейскими странами в целом) и византийским миром было немало различий. Вообще, одной из важнейших задач компаративной истории на современном этапе развития науки является преодоление зависимости от универсальных, внеисторических категорий, от европоцентризма, акцентуация различий в большей степени, нежели общих черт[27].

Как отметила О.И. Варьяш, отличительной чертой пиренейской контактной зоны по сравнению с другими опытами является то, что «чужое» здесь облекалось в первую очередь в форму конфессии, причем «встретившиеся» религии были монотеистическими. Именно конфессиональный уровень инаковости, отраженный также в нравственных и правовых установках, определял на Пиренеях длительность неслиянного взаимопроникновения культур[28]. При этом, как отмечалось выше, подданными христианских королей и гранадских эмиров могли быть исповедующие и христианство, и ислам, и иудаизм. В византийском же мире вплоть до его падения правовая система не предусматривала присутствия на территории империи мусульман (которых формально отождествляли с язычниками) в качестве подданных (с. 107). Не вдаваясь в подробности и описание отдельных казусов (например, существования криптомусульманства), отметим,

---

[25] *Arié R.* Historia y cultura de Granada Nazarí. Granada, 2004. P. 121–122.

[26] *Виноградов В.С.* Лексикология испанского языка. М., 2003. С.74.

[27] *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 275.

[28] *Варьяш О.И.* К вопросу о природе и факторах стабильности пиренейской контактной зоны // Варьяш О.И. Пиренейские тетради. Право, общество, власть и человек в средние века. М., 2006. С. 300–301.

что в империи господствовал принципиально иной, гораздо более универсалистский подход по отношению к конфессиональной принадлежности подданных, нежели на Пиренейском полуострове[29].

Определенная разница заметна и в степени ассимиляции. Мудехары-мусульмане в Арагонской Короне XIII–XV вв. в повседневной жизни не сильно отличались от христиан: они говорили на романсе, носили одежду и прически, подобные христианским. Они не были иммигрантами, подобно тюркам, и проживали на своих землях многие столетия. Данные обстоятельства и общая склонность средневекового общества к созданию знаковых систем побуждали королевскую власть принимать ограничительные законы (которые, тем не менее, нельзя назвать анахроничным термином «дискриминационные»): сарацинам предписывалось носить определенные наряды, головные уборы и прически, селиться отдельно от христиан[30].

Впрочем, такие законы действовали непостоянно, то принимались, то отменялись, например в угоду внешнеполитическим обстоятельствам (ради поддержания добрососедских отношений с Гранадой, правитель которой позиционировал себя как защитник всех мусульман Пиренейского полуострова). Имеются сведения о введении ограничительных законов в отношении «людей книги», проживавших в Гранаде: по крайней мере, такие предписания точно применялись к иудеям; об ограничительных мерах, направленных на христиан, известно по магрибским и египетским источникам[31].

---

[29] Следует, однако, принимать во внимание и то, что Великая Схизма 1054 г. и в особенности крестоносное движение и образование Латинской Романии с сопутствующей конфронтацией между латинской церковью и «схизматиками-греками» заметно повлияли на ромейское мировоззрение и привели к осознанию роли этнического и конфессионального фактора, по крайней мере, в отношениях с латинским Западом. Понятие «латинянин» как представитель западноримской, «ущербной» ветви христианства, религии чужого языка предполагало принадлежность подданных империи к «истинной», православной и именно — грекоязычной церкви (см.: *Литаврин Г.Г.* Политическая теория в Византии с середины VII до начала XIII в. // Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. М., 1989. С. 83.) В критических ситуациях, особенно во времена конфликтов с Западом, простые византийские подданные проявляли гораздо большую терпимость к мусульманам, чем к носителям «ущербного» единоверия — латинянам (см.: *Литаврин Г.Г.* Особенности развития культуры Византии во второй половине VII–XII в. // Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. С. 632–633). Эти мотивы конфликта нашли отражение в «Исторических записках» византийского историка Георгия Пахимера (1242 — ок. 1310), где он констатирует, что греки для латинян были не более чем «белыми агарянами» (*Pachymérès Georges*. Relations historiques / Ed. A. Failler; trad. V. Laurent. T. 2. Paris: Belles Lettres, 1984. P. 471).

[30] *Варьяш И.И.* Правовое пространство… С. 114–115.

[31] *Arié R.* Les minorités religieuses… P. 52, 56.

Тюрки, иммигрировавшие на территорию византийского мира, были гораздо более неоднородны в культурном плане. Уровень цивилизации в Анатолии благодаря исламу и главенству иранской культуры в городах был неизмеримо выше, чем в «скифских» степях половецкого и монгольского Севера, однако границы империи были одинаково проницаемы, и каких-либо предпочтений в отношении «варваров» у византийцев не было. Естественно, что анатолийские тюрки гораздо быстрее адаптировались к византийским реалиям (с. 337–338).

В XI–XIII вв. принимавшие христианство, становившиеся «римлянами» тюрки-иммигранты, тем не менее, в глазах византийцев были теми, кого с определенной долей условности можно назвать этническим меньшинством: они были обособлены по языку, обычаям, власти старались расселять их компактно по территории империи, явно учитывая их этническую общность и т.д. Если на то была необходимость, то в документах их могли особо именовать: например, «римлянами иностранного происхождения», в отличие от римлян, «рожденных от римлян» (с. 338–341). Однако уже второе поколение иммигрантов могло быть полностью эллинизированным в культурном и языковом плане (с. 336). В XIV–XV вв. ситуация с ассимиляционными процессами меняется: тюрки проникают в империю уже не как иммигранты, но как наемники и федераты, тюркоязычное население достигло такой численности, что могло влиять на языковую ситуацию в Византии (что уже отмечалось выше).

Все же, несмотря на перечисленные различия, очевидные сходства в развитии пиренейских государств и византийского мира дают основания для глубокой рефлексии. В частности, мы думаем, что вывод о «латентной тюркизации» представленный в монографии Р.М. Шукурова, мог бы быть плодотворно экстраполирован на пиренейский материал.

Гранадское общество, несмотря на более чем 250-летнее противостояние напору Реконкисты, по своей сути оказалось «готовым» к завоеванию гораздо раннее 1492 г. — в данном случае можно говорить о «латентной христианизации». Гранадские мусульмане, как и их собратья по вере, оставшиеся жить в христианских королевствах, оказались вписаны в, если так можно выразиться, единое пиренейское политическое, экономическое, правовое, дипломатическое, культурное пространство. Не стоит забывать и то, что согласно Хаэнскому трактату 1246 г., гранадский эмир признавал себя вассалом Кастилии, обязывался платить дань и оказывать военную помощь. Хотя положения договора соблюдались довольно условно: военная помощь кастильцам оказывалась редко, взимание дани не было

периодичным и не обходилось без конфликтных ситуаций, а сами выплаты оформлялись как «акт милости» по отношению к соседу со стороны мусульманского правителя[32], — Гранадский эмират так или иначе оказался встроен в европейскую систему вассальных связей, не переставая быть частью исламского мира.

Можно перечислить много причин исторического поражения мусульманской Испании в конце XV в.: традиционно в их числе называются внутренняя нестабильность, усиление напора Реконкисты после объединения Кастилии и Арагонской Короны, изменение экономической ситуации на Средиземном море в связи с начавшимися географическими открытиями, с одной стороны, и возвышением Османской империи — с другой, месть за продвижение турок и падение Константинополя и т.д. Однако картина, на наш взгляд, являлась бы неполной без понимания цивилизационного вектора развития Аль-Андалуса, т.е. его последней части — Гранадского эмирата — в позднее Средневековье. Как и византийский мир, мусульманская Испания была открыта для инокультурного влияния, изменялась дистанция (особенно в XV в.) между своими и чужими[33], культура «Другого» становилась частью культуры «Своего».

Вхождение Гранадского эмирата в общее с христианскими государствами цивилизационное пространство было одновременно преимуществом и серьезным риском для последнего мусульманского оплота в Испании. С одной стороны, Гранада была связующим мостом, занимала выгодное стратегическое положение между Востоком и Западом, с другой — все больший культурный поворот в сторону христиан при неспособности противостоять им в политическом и военном плане предопределили ее экзистенциальный проигрыш — т.е. судьбу, схожую с Византией. Вернемся к упомянутому Р.М. Шукуровым русскому философу В.Н. Топорову, который так сформулировал суть контакта между культурами: «“Принимающая” сторона уступает свое место “чужому”, получая за это выигрыш в виде некоего нового, нужного ей элемента, а… “дающая”… сторона выигрывает в приобретении нового… для нее пространства, позволяющего в принципе и в ряде отношений доминировать над [берущей] стороной…» (с. 513).

Вышесказанное в отношении мусульманской Испании и ее цивилизационного пути является не окончательным утверждением,

---

[32] *López de Coca Castañer J.* El reino de Granada: ¿un vasallo musulmán? // Fundamentos medievales de los particularismos hispánicos. Ávila, 2005. P. 346.

[33] *Зеленина Г.С.* От аутодафе к аутингу через Аушвиц. Переизобретение Другого в истории и историографии // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории — 2014–2016. Вып. 11 / Под ред. О.И. Тогоевой , И.Н. Данилевского. Институт всеобщей истории РАН. М., 2016. С. 106.

а лишь постановкой проблемы, причем довольно перспективной, на наш взгляд. В этом плане книга Р.М. Шукурова действует на исследователя поистине вдохновляюще: колоссальный объем задействованных источников, широкий набор методов, с помощью которых успешно решаются стоящие перед автором задачи, — подобные труды, действительно, хочется видеть не только в области византинистики.

Монография Р.М. Шукурова показывает, что на современном этапе развития науки недостаточно изучения той или иной проблемы, того или иного партикулярного сюжета в рамках узкой дисциплины (западной медиевистики, византинистики, востоковедения, филологии, этнографии и т.п.). К сожалению, даже в наши дни, история, например, мусульманской Испании все еще изучается отдельно медиевистами, отдельно арабистами, по сути, замкнутыми коллективами, существующая коммуникация между дисциплинами оставляет желать лучшего. В то же время, как отмечает Л.П. Репина, важно не просто взаимодействие между дисциплинами, заимствования ими методов друг друга для решения внутридисциплинарных проблем — необходимо применение трансдисциплинарного подхода, «при котором сама проблема исследования не может быть сформулирована и решена в границах любой из сотрудничающих дисциплин»[34]. Исследование Р.М. Шукурова как раз является блестящим примером успешного применения подобного подхода.

В завершении своей книги Р.М. Шукуров пишет о перспективах дальнейшего исследования. Будущим исследователям предлагается применить набор подходов и методик, опробованных в исследовании, к изучению и других этнических групп (персов, арабов, славян, армян, латинян, сирийцев) в составе византийского населения, как в позднюю эпоху, так и в предыдущие столетия (с. 525). Нам представляется возможным распространить эти идеи и на другие контактные зоны, в частности, на Испанию. Постановка трансдисциплинарных проблем, комплексное изучение самых различных по своему происхождению источников, использование данных ономастики, лингвистического анализа и т.п. вне всякого сомнения будут способствовать глубокому и цельному восприятию и пониманию тех или иных феноменов прошлого и настоящего.

[34] *Репина Л.П.* Указ. соч. С. 29. См. также заключение в данной монографии: «Перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия».

References

Arié R. *Les minorités religieuses dans le royaume de Grenade (1232–1492)* // *Revue du monde musulman et de la Méditerranée*. N 63–64: Minorités religieuses dans l'Espagne médiévale. 1992, pp. 51–61.

Arié R. *Historia y cultura de Granada Nazarí*. Granada: Universidad de Granada. Fundación El Legado Andalusí, 2004. 304 p.

Aslanov C. *Eyewitness vs. Mediated Narratives of Lost Cities at the End of the Middle Ages: Acre, Constantinople, Granada* // *Partial Answers: Journal of Literature and the History of Ideas*. 2009. Vol. 7. N 2, pp. 169–187.

Astakhov M.A. *Aragonskaya diplomaticheskaya sluzhba i aragonsko-granadskiye otnosheniya v epokhu pozdney Rekonkisty* [Aragon Diplomatic Service and Aragonese-Granadan Relations during the late Period of Reconquista] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 2016. T. 7. Vyp. 8(52). — URL: http://history.jes.su/s207987840001605-4-1

Astakhov M.A. *Mirnyye dogovory v istorii diplomaticheskikh otnosheniy Aragonskoy Korony i Granadskogo emirata vo vtoroy polovine XIV — pervoy polovine XV vv.* [The Truces in the History of Diplomatic Relations between the Crown of Aragon and the Emirate of Granada in the Second Half of the 14th — First Half of the 15th Centuries] // *Problemy istorii i kul'tury srednevekovogo obshchestva. Materialy XXXVI Vserossiyskoy mezhvuzovskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Kurbatovskiye chteniya" (12–14 dekabrya 2016 g.)* [Problems of the History and Culture of Medieval Society. Proceedings of the 36th All-Russian Inter-University Conference of Students, Postgraduates, and Young Scholars "Kurbatov Reading" (12–14th December 2016)] / Ed. by G.Ye. Lebedeva. Ch. II. Saint Petersburg: ID Pravo, 2016, pp. 13–33.

Benito Ruano E. *Granada o Constantinopla* // *Hispania: Revista española de historia.* 1960. N 79, pp. 267–314.

Echevarría Arsuaga A. *The Fortress of Faith: The Attitude Towards Muslims in Fifteenth Century Spain*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. 254 p.

Echevarría Arsuaga A. *Caballeros en la frontera. La guardia morisca de los Reyes de Castilla (1410–1467)*. Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia, 2006. 315 p.

Epistolari de la València medieval / Introd., ed., notes i apèndix per A. Rubio Vela. Vol. 1. València: Institut Interuniversitari de Filologia Valenciana; Barcelona: Publicacions de la Abadia de Montserrat, 2003. 414 p.

García Fernández M. *Sobre la alteridad en la frontera de Granada (Una aproximación al análisis de la guerra y la paz, siglos XIII–XV)* // *Revista da Faculdade de Letras*: *Historia*. 2005. III(VI), pp. 213–235.

Ladero Quesada M.A. *Granada: historia de un país islámico (1232–1571)*. Madrid: Editorial Gredos, 1979. 283 p.

López de Coca Castañer J.E. *Los mudéjares valencianos y el reino nazarí de Granada. Propuestas para una investigación* // *En la España Medieval.* 1982. N 2, pp. 643–666.

López de Coca Castañer J. *El reino de Granada: ¿un vasallo musulmán?* // Fundamentos medievales de los particularismos hispánicos. Ávila: Fundación Sánchez Albornoz, 2005, pp. 313–346.

Martínez Carrasco C. *Granada y Constantinopla en la baja Edad Media: una historia comparada* // *Revista del Centro de Estudios Históricos de Granada y su Reino.* 2014. N 26, pp. 437–456.

Mata Carriazo J. *Un alcalde entre los cristianos y los moros en la frontera de Granada* // *Al-Andalus: revista de las Escuelas de Estudios Árabes de Madrid y Granada*. 1948. Vol. 13. N 1, pp. 35–96.

Navarro Sorní M. *Calixto III Borja y Alfonso El Magnánimo frente a la cruzada*. Valencia: Ajuntament de València, 2003. 282 p.

Repina L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nyye teorii i istoriograficheskaya praktika* [History at the Border of the 20th – 21st Centuries: Social Theories and Historiographical Practices]. Moscow: Krug, 2011. 560 p.

Rincón González M.D. *La divulgación de la Toma de Granada: objetivos, mecanismos y agentes* // *Anuario de estudios medievales*. 2010. N 40(2), pp. 603–615.

Salicrú Lluch R. *Caballeros granadinos emigrantes y fugitivos en la Corona de Aragón durante el reinado de Alfonso el Magnánimo* // Actividad y vida en la frontera. II Estudios de Frontera. Jaen: Diputación Provincial, 1998, pp. 727–748.

Shukurov R.M. *Tyurki v vizantiyskom mire (1204–1461)* [The Turks in the Byzantine world, 1204–1461]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2017. 631 p.

Shukurov R. *The Byzantine Turks, 1204–1461*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2016. 513 p.

Torres Fontes J. *Instituciones y sociedad en la frontera murciano-granadina*. Murcia: Real Academia Alfonso X el Sabio, 2004. 536 p.

Varyash I.I. *Pravovoye prostranstvo islama v khristianskoy Ispanii XIII–XV vv.* [The Legal Space of Islam in Christian Spain in the 13th–15th Centuries]. Moscow: URSS, 2001. 188 p.

Varyash I.I. *Novyye podkhody k izucheniyu mezhkul'turnogo vzaimodeystviya v Sredniye veka* [New Approaches to the Study of Intercultural Interaction in the Middle Ages] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 2016. T. 7. Vyp. 6(50). — URL: http://history.jes.su/s207987840001532-4-1

Varyash I.I. *Saratsiny pod vlast'yu aragonskikh koroley. Issledovaniye pravovogo prostranstva XIV v.* [The Saracens under the Kings of Aragon. A Study of the Legal Space in the 14th Century]. Saint Petersburg: Yevraziya, 2016. 390 p.

Varyash I.I. *Palomnicheskiye praktiki saratsin v pravovykh pamyatnikakh Aragonskoy korony (XIV–XV vv.)* [Piligrimage of the Saracens as Portrated in the Legal Sources of the Crown of Aragon, the 14th–15th Centuries] // *Odissey. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History]. 2015–2016. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2017, pp. 33–48.

Varyash O.I. *K voprosu o prirode i faktorakh stabil'nosti pireneyskoy kontaktnoy zony* [On the Question of the Nature and Factors of Stability of the Pyrenean Contact Zone] // Varyash O.I. *Pireneyskiye tetradi. Pravo, obshchestvo, vlast' i chelovek v sredniye veka* [Pyrenean Notebooks. Law, Society, Power, and Man in the Middle Ages]. Moscow: Nauka, 2006, pp. 293–301.

Zelenina G.S. *Ot autodafe k autingu cherez Auschwitz. Pereizobreteniye Drugogo v istorii i istoriografii* [From Auto-da-fé to Outing via Auschwitz. Reinvention of the Other in History and Historiography] // *Kazus: Individual'noye i unikal'noye v istorii* [Casus: The Individual and Unique in History]. 2014–2016. Vyp. 11 / Ed. by O.I. Togoeva, I.N. Danilevskiy]. Moscow: Indrik, 2016, pp. 82–112.

Поступила в редакцию
14 января 2018 г.

И.Л. Абрамова*

МАНИФЕСТ 5 АПРЕЛЯ 1797 г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: А БЫЛ ЛИ УКАЗ О ТРЕХДНЕВНОЙ БАРЩИНЕ?

I.L. Abramova

THE MANIFESTO OF APRIL 5, 1797 IN HISTORIOGRAPHY: WAS THERE REALLY A THREE-DAY CORVÉE EDICT?

Аннотация. Предметом изучения в статье является состояние историографии правления императора Павла I, в частности, одного из самых значительных и самых спорных законодательных актов монарха — Манифеста 5 апреля 1797 г. Краткий обзор внушительного массива литературы, посвященной скоротечному и трагичному царствованию сына Екатерины Великой, позволяет говорить о том, что дискуссии о сущности внутренней политики монарха и, в частности, об отношении к проблеме крепостного права, о ее месте и роли в решении российским абсолютизмом этого вопроса в предыдущее и последующее время далеки от завершения. Это касается и оценки Манифеста 5 апреля 1797 г. Несмотря на значительное расширение за последнее время круга исследований, посвященных этому документу, единства среди историков нет. В ряде работ наблюдается явная идеализация как образа самого императора, так и его политики в отношении крестьянства. Павел Петрович из консерватора, стремящегося защитить крепостничество от удара, превращается в прогрессиста, положившего начало претворению на практике идеи постепенного облегчения положения частновладельческих крестьян, завершившейся их полным освобождением. В качестве главного аргумента сторонники этой версии приводят вышеназванный указ императора. Однако анализ текста Манифеста, программных документов цесаревича Павла, исторической ситуации периода опубликования указа и его практического применения, а также утвердившиеся в исторической науке оценки ключевых моментов внутренней политики императора позволяют вступить в полемику с такой точкой зрения. Основная задача работы — обратить внимание на ряд моментов, оказавшихся пока вне поля зрения современных историков, и, следовательно, попытаться дать более

* *Абрамова Ирина Львовна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Abramova Irina L'vovna, PHd Candidate in History, Associate Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University

+7-910-002-91-60; abramova@bmstu.ru

объективный и взвешенный взгляд на проблему оценки Манифеста и всей крестьянской политики Павла I. Новизна исследования заключается в совмещении историографического обзора и источниковедческого анализа текста указа, что позволяет сделать вывод о причинах существования в литературе столь противоположных оценок павловского царствования и необходимости его дальнейшего, более глубокого изучения.

Ключевые слова: Манифест о трехдневной барщине, Павел I, законодательство, крепостничество, консерватизм, социальная демагогия, абсолютизм.

Abstract. The subject of the article is the state of the historiography of the reign of Emperor Paul I, in particular, one of the most significant and controversial legislative acts of this monarch — the Manifesto of April 5, 1797. A brief overview of the impressive historiography devoted to the fleeting and tragic reign of Catherine the Great's son suggests that the debate about the nature of domestic policy of the monarch, and, in particular, about the problem of serfdom, its place and role in the settlement of this issue by the Russian absolutism in the previous and subsequent time, is far from being resolved. This also applies to the assessment of the Manifesto of April 5, 1797. Despite the significant expansion of the range of studies focused on this document in recent years, historians have not reached unanimity. In a number of works there is a clear idealization of both the image of the Emperor himself and his policy on peasantry. Rather than being a Conservative seeking to protect serfdom from damage, Pavel Petrovich is presented as a Progressive, who marked the beginning of the implementation into practice of the idea of gradually alleviating the condition of privately owned peasants, culminating in their complete liberation. Supporters of the latter version cite as the main argument the above-mentioned edict of the Emperor. However, the analysis of the Manifesto text, the program documents of Tsesarevich Paul, the historical situation when the decree was published and applied in practice, as well as the assessment of the key points of the Emperor's internal policy established in historiography allow the author to enter into polemics with this point of view. Therefore, the main task of the work is to draw the attention of researchers to a number of points that have been neglected by modern historians, and try to give a more objective and balanced view on the problem of assessing the Manifesto and the entire Paul's policy on peasants. The novelty of the study lies in the combination of the historiographic review and the textual analysis of the decree that leads to an understanding why the historiography has provided such conflicting assessments of Paul's reign, and demands further in-depth research.

Keywords: Manifesto on three-day corvée, Paul I, legislation, serfdom, conservatism, social demagogy, absolutism.

* * *

История формирования, существования и отмены системы крепостного права в России интересует ученых не одно столетие. Поэтому историография вопроса насчитывает десятки тысяч ис-

следований. Изучались как процессы, приведшие к складыванию и отмене крепостничества, так и отдельные законодательные акты, ставшие вехами в его истории. В данной статье мы хотим остановиться на Манифесте императора Павла I, подписанного им в день коронации 5 апреля 1797 г.

В исторической литературе он часто именуется Манифестом о трехдневной барщине. Это, пожалуй, самый изученный из всех актов Павловского правительства, касающихся частновладельческих крестьян. В то же время — самый спорный. До сих пор среди историков и юристов нет общего мнения по поводу причин принятия указа и его места в общем русле политики царизма в отношении помещичьих крестьян. Такая ситуация объясняется целым рядом причин.

Во-первых, обстоятельства смерти императора почти на столетие наложили табу на научное изучение этого времени.

Во-вторых, сложность отношений порфироносной матери и сына-наследника во многом обусловили слишком прямолинейное объяснение причин и характера правительственной деятельности Павла I в ряде работ, посвященных его царствованию.

В-третьих, огромное влияние на изучение этого времени оказывала общественно-политическая ситуация в России. В периоды реформ, революций, Гражданской войны, перестроечные и постперестроечные годы взгляды и оценки Павловской эпохи претерпевали кардинальные изменения.

В задачи данной статьи не входит детальное исследование историографии последних лет XVIII столетия. Но без общей картины мнений историков о царствовании Павла в целом сложно понять причины столь противоречивых оценок конкретных действий императора и его окружения при решении как вопросов внешней, так и внутренней политики, в частности, крестьянского. Поэтому кратко подытожим те точки зрения на личность императора и характер его правления, которые на данный момент сложились в исторической литературе. Их можно разделить на три группы.

Первая. Павел I был невменяем, поэтому искать логики в его действиях нельзя. В более мягкой форме — логика заключается в разрушении всего, сделанного Екатериной. Отсюда гонения на дворян и прокрестьянские настроения. Эта точка зрения получила свое наиболее оформленное воплощение в работах историков охранительного направления[1].

---

[1] *Шильдер Н.К.* Император Павел I. СПб., 1901; *Брикнер А.Г.* Смерть Павла I. СПб., 1907; *Ковалевский П.И.* Император Петр III, Павел I. Психиатрические этюды из истории. Т. 1. СПб., 1909; *Чиж В.О.* Император Павел I // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 88; *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855. СПб., 1906 и др.

Вторая. Павел I имел продуманную программу действий, в основе которой лежала борьба с дворянскими привилегиями и улучшение положения крестьянства. Но не всегда теория и практика совпадали. Эта точка зрения получила развитие в трудах историков либерального толка[2].

Оба взгляда сближаются в годы Первой мировой войны и революционного кризиса. Царь-тиран окончательно превращается в царя-демократа[3].

Третья. Советская историография не выделяет правление Павла как нечто выпадающее из общей канвы внутренней политики абсолютизма и вписывает его в исторический процесс развития России XVIII в., признав продолжением консервативной политики Екатерины II. В исторической литературе утверждается точка зрения на правление Павла Петровича как на продуманную заранее систему мер, направленную на сохранение абсолютизма и крепостничества в России в новых социально-экономических условиях кризиса феодально-крепостного хозяйства. Идеализированный либералами царь-демократ уступил место реалистичному царю-консерватору, прекрасно владеющему социальной демагогией[4].

---

[2] *Беляев И.Д.* Крестьяне на Руси. М., 1860; *Ключевский В.О.* Новая русская история. СПб., 1883–1884; *Он же.* Краткое пособие по русской истории. М., 1967; *Семевский В.Н.* Положение крестьянства в царствование Екатерины II. Т. 1, 2. СПб., 1864; *Он же.* Пожалование населенных имений в царствование императора Павла I // Русская мысль. 1882. № 12; *Якушкин В.Е.* Очерки по истории русской поземельной политики XVIII–XIX вв. М., 1890; *Лаппо-Данилевский А.С.* Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // Крестьянский строй Т. I. Сб. статей А.С. Лаппо-Данилевского, В.И. Семевского и И.М. Страховского. СПб., 1905 и др

[3] *Шумигорский Е.С.* Император Павел Первый. Жизнь и царствование. СПб., 1907; *Клочков М.В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916; *Он же.* Дворянское самоуправление в царствование Павла I. Пг., 1914.

[4] *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Отклики Пугачевщины. Крестьянское движение при Павле I. М., 1932; *Самойлов В.И.* Внутренняя и внешняя политика Павла I. Хлебниково, 1947; *Рубинштейн Н.Л.* Крестьянское движение в России во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 1956. № 11; *Окунь С.Б.* Очерки истории СССР конец XVIII — первая четверть XIX в. Л., 1954; *Павленко Н.И.* Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сб. статей / Под ред. Н.М. Дружинина, Н.И. Павленко, Ю.В. Черепнина. М., 1964. С. 389–427; *Он же.* К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 4. С. 54–74; *Окунь С.Б., Панина Э.С.* Указ 5апреля 1797 г. и его эволюция // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964; *Прудников Ю.Ф.* Комплектование русской армии в 1794–1804 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972; *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. Политическая борьба в России Конец XVIII — начало XIX столетия. СПб., 1992.

Взгляд на эпоху Павла I как эпоху утверждения консерватизма в политике царизма получил свое распространение и в зарубежной историографии[5].

Постсоветская историография отразила всю сложность положения исторической науки в постперестроечное время. Несмотря на господствовавший в предыдущий период вывод о закономерности деятельности Павла I, в литературе вновь возникает версия о царе-деспоте и сумасброде, борце с дворянскими привилегиями[6].

Получает развитие и версия о царе-демократе, продуманно облегчавшего положение крестьян и положившего начало повороту в правительственной деятельности, приведшему в конце концов к их полному освобождению[7].

Но сохраняется и оценка политики Павловского правительства как консервативной, стремящейся сохранить абсолютизм и крепостничество в новых условиях[8].

В целом, в настоящий момент утвердилась точка зрения на правление Павла Петровича как на попытку воплощения в жизнь той политической программы, которая была выработана цесаревичем задолго до вступления на престол. Внутренняя политика монарха оценивается как связанная с особенностями развития страны. Но

---

[5] *Потоцкий Н* Император Павел Первый. Буэнос Айрес, 1957; *Рэгсдейл Х*. Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 годах // Отечественная история. 2001. № 3; *Dukes P*. The making of Russian Absolutism, 1613–1801. London, 1990; *McGrew R.E.* Paul I of Russia. 1754–1801. Oxford, 1992; *Idem*. Paul I: A reassessment of his life and Reign / Ed. *H. Ragsdale*. Pittsburg, 1979

[6] *Шахмагонов Н.Ф* Павел I и Сталин. М., 1999*; Оболенский Г.Л*. Император Павел I. М., 1989; *Сергеев В.И*. Павел I: Гроссмейстер Мальтийского ордена. Ростов-на-Дону, 1999; и др.

[7] *Каменский А.Б*. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. М., 1999; *Анисимов Е.В*. Императорская Россия. СПб., 2011; *Скоробогатов А.В*. Цесаревич Павел Петрович: политический дискурс и социальная практика. М., 2004; *Долгих А.Н*. Российское самодержавие и крестьянский вопрос: 1796–1825 гг. Дисс. … доктора ист. наук. Самара, 2010; *Артоболевский А.А*. Манифест о трехдневной барщине Павла I: предпосылки появления и условия реализации. Дисс. … канд. ист. наук. Пенза, 2006; *Рожнов А.А*. К 220-й годовщине Акта о престолонаследии и Манифеста о «Трехдневной барщине» // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. №1 (44). С. 40–44; и др.

[8] *Сорокин Ю.А*. Российский император Павел I. Дисс. … канд. ист. наук. Томск, 1989; *Он же*. «Непросвещенный абсолютизм» Павла I: (Проблематика и опыт изучения). Учеб. пособие. Омск, 1994; *Он же*. Павел I. Личность и судьба. Омск, 1996; *Костыря Л.П*. Консервативная утопия Павла I и ее крах // Российский консерватизм: Теория и практика: Сб. науч. статей / Под ред. В.Ф. Мамонова. Челябинск, 1999. С. 35–46; *Она же*. Консерватизм в России на рубеже XVIII –XIX веков. Дисс. … канд. ист. наук. М., 1998; *Михайлова Н.В*. Либерализм в России на рубеже XVIII–XIX веков Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 1998.

если часть историков считает ее консервативной, то другая придерживается мнения, что именно с этого момента российский абсолютизм сделал «антикрепостнический» поворот в правительственной деятельности, и главная заслуга в этом принадлежит самому императору.

Что касается историографии Манифеста 5 апреля 1797 г., то в большинстве работ говорилось о нем лишь в канве изучения царствования Павла I или крестьянского вопроса. Именно так обращался к Манифесту в 80–90-е гг. прошлого века и автор данной статьи в своих работах, посвященных сословной политике сына Екатерины[9].

Однако к единому мнению о роли и значении этого документа историки так и не пришли.

Наиболее ярко эта ситуация нашла свое воплощение в исследованиях, непосредственно посвященных Указу 5 апреля. Это работы М. Клочкова, С. Окуня, А.В. Скоробогатова, А.Н. Долгих, А.А. Артболевского и А.А. Рожнова[10]. Ими были предприняты попытки изучения истории создания, публикации, практического применения и влияния Манифеста на дальнейшее законодательство царизма в вопросе вмешательства государства в отношения помещика и крестьян. Но точки зрения разделились. Если С. Окунь оценивает документ как пример удачной социальной демагогии с целью спасения крепостничества, то остальные считают его отправной точкой в движении правительства к облегчению положения крепостных вплоть до полного их освобождения.

Таким образом, в современной историографии мы наблюдаем определенный крен в оценке Манифеста 5 апреля. Большинство авторов однозначно трактуют его как указ о трехдневной барщине, что видно даже из названия, употребляемого ими при упоминании документа. Однако и законодатель, и предшествующие исследователи не были так однозначны в своих оценках.

Обратимся к тексту самого указа. В объявленном 5 апреля 1797 г. Манифесте говорится следующее:

«БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ МЫ ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ Император и Самодержец ВСЕРОССИЙСКИЙ, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем НАШИМ верным подданным.

Закон Божий в десятословии НАМ преподанный научает НАС седмый день посвящать ему; почему в день настоящий торжеством

---

[9] *Абрамова И.Л.* Сословная политика Павла I. Дисс. … канд. ист. наук. М, 1990; *Она же.* Политика самодержавия в отношении частновладельческих крестьян в 1796–1801 гг. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1989. №4. С. 47–57.

[10] *Клочков М.В.* Указ. соч.; *Окунь С.Б., Панина Э.* Указ. соч.; *Скоробогатов А.В.* Указ. соч.; *Долгих А.Н.* Указ. соч.; *Артоболевский А.А.* Указ. соч.; *Рожнов А.А.* Указ. соч.

веры Христианской прославленный, и в который МЫ удостоилисявосприять священное мира помазание и Царское на Прародительском Престоле НАШЕМ венчание, почитаем долгом НАШИМ пред Творцом и всех благ подателем подтвердить во всей Империи НАШЕЙ о точном и непременном сего закона исполнении, повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более что для сельских изделий остающиеся в неделе шесть дней по равному числу оных в обще разделяемыя, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям. Дан в Москве в день Святыя Пасхи 5 е Апреля 1797 года.

ПАВЕЛ.»[11]

Как видим, основная часть документа посвящена запрету принуждать крестьян к работе в воскресные дни. Скорее всего, это объясняется глубокой религиозностью самого императора. Для многих современников, особенно из окружения Екатерины, соблюдение религиозных правил было номинальным, в то время как Павел Петрович относился к вере с глубоким почтением. (В Гатчинском дворце долгое время хранился коврик, на котором молился будущий император, с потертостями от его колен). Широко распространенная 7-дневная барщина не могла не вызвать возмущения нового царя нарушением именно церковных норм. Поэтому особо подчеркивается требование о точном и непременном сего закона исполнении.

О равном разделении дней для сельских изделий сказано в порядке совета, как бы в оправдание запрета работы по воскресеньям: ведь остаются еще шесть дней, которые при добром распоряжении достаточны будут. Император как будто стремится смягчить столь жесткую предыдущую формулировку. Поэтому в реляциях Сената о посылке Манифеста и отчетах с мест о его получении суть документа выражена словами: «чтоб помещики не принуждали крестьян своих к работе по воскресным дням и о равном количестве дней работы на себя и на помещика»[12]. Именно так его воспринял бюрократический аппарат в центре и на местах.

А «советом сказанное» в Манифесте разделение поровну рабочей недели отмечали как современники, так и историки в последующие столетия.

---

[11] Полное собрание законов Российской империи. Т. 24. СПб., 1830. С. 587, № 17. 909.

[12] Российский Государственный исторический архив. Ф. 1330. Оп.1. Д. 6.

Реакция современников на указ императора далеко не однозначна. Так, Радищев обращал внимание, что «законоположение сие», где «только запрещено работать в выходные дни, да советом сказано, что довольно трех дней на господскую работу», «не важное будет иметь действие, ибо состояние ни земледельца, ни дворянства не определено»[13]. А один из придворных поэтов того времени уравнивает в практическом применении деление рабочих дней недели и запрет работы в воскресенье и воспевает это как главную заслугу Павла I:

Крестьян на тяжку призрел долю,
На пот их с кровию воззрел,
Воззрел и дал им полну волю
Свободным в праздник быть от дел;
Рассек на части их недели,
Чтоб три дня барщину потели,
А три дня жали свой загон;
Детей и сирых бы кормили,
А в праздник слушать бы ходили
Святой божественный закон[14].

Однозначно как указ о трехдневной барщине восприняло Манифест только одно сословие страны — крестьянство. Поэтому судебные инстанции были завалены крестьянскими жалобами на невыполнение помещиками царского распоряжения. Однако и сам император, и царская бюрократия не разделяли их взглядов. В делах, сохранившихся в 5-м уголовном департаменте Сената по таким жалобам крестьян, основные решения — отказать как «недельным», подателей сослать в Сибирь с зачетом помещикам за рекрутов[15]. Более подробно этот вопрос разобран в кандидатской диссертации автора. Поэтому в рамках статьи мы ограничимся лишь констатацией данного факта.

Таким образом, ни правительство, ни сам император не стремились придать Манифесту значения вводившего трехдневную барщину. Бюрократический аппарат и дворянство в основной своей массе таковым его и не считали. Да и большинство прогрессивно настроенных современников отмечали, что реально запрещалась лишь

---

[13] *Радищев Н.А.* Описание моего имения // Полное собрание сочинений. Т. 2. Пг., 1907. С. 265.

[14] *Руссов С.В.* Ода Государю Императору Павлу Петровичу, на высокоторжественнейший день всевысочайшаго Его Императорского Величества на всероссийский престол вошествия … // Бартенев П.И. Осьмнадцатый век. Исторический сборник. М., 1869. С. 483.

[15] РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 184. 287; Ф. 1347. Оп. 64. Д. 373.

работа в воскресные дни. Даже праздничные церковные дни в круг выходных не включались.

Откуда же взялась столь безапелляционная трактовка Манифеста как вводящего трехдневную барщину? Открываем Полное собрание законов Российской империи, Т. 24. И здесь, в преамбуле к указу, читаем, как понимали его составители ПСЗ в 20–30-е гг. XIX в. На первое место вынесено положение «о трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика, и о непринуждении к работе в дни воскресные»[16]. Вот оно, первое на законодательном уровне восприятие Манифеста как закона о трехдневной барщине. Работа Комиссии по кодификации законов Российской империи под руководством М. Сперанского стала той отправной точкой, с которой Манифест начинает рассматриваться под данным углом зрения.

Это объясняется многими обстоятельствами. Прошедшие со времени его принятия более 30 лет принесли колоссальные изменения и в экономическую, и в социальную, и в общественную жизнь России. Если в конце XVIII в. вопрос о крепостном праве поднимался на уровне философско-нравственном, а само существование крепостничества представлялось политической элите страны краеугольным камнем русского абсолютизма, и только Радищев предложил перевести его в практическую плоскость, то в первой половине XIX столетия отношение к проблеме резко меняется. Либеральная критика наиболее тяжелых форм крепостного права русскими просветителями «столетья безумного и мудрого» сменяется революционной практикой декабристов. Рядом с апологетикой неограниченного абсолютизма Н.М. Карамзина возникает проект реформ М.М. Сперанского. Резко изменяется международная обстановка: от наполеоновских войн и серии латиноамериканских и европейских революций до заключения Союза трех императоров и превращения России из освободителя в жандарма Европы. Все это не могло не активизировать общественно-политическую мысль не только в поколении «небитых дворян» и широких демократических слоях общества, но и в правительственных и придворных кругах. Здесь, особенно под влиянием тщательного изучения доводов декабристов в пользу изменений в системе крепостного права самим Николаем I и тех сведений о настроениях политической элиты общества, которые доставлялись царю шефом жандармов А.Х. Бенкендорфом, все отчетливей оформляется мысль о необходимости реформаторского преобразования страны сверху на законном основании, во избежание революционного выступления политической оппозиции и бунта народных низов. Она нашла

[16] ПСЗ. Т. 24. СПб., 1830. С. 587, № 17. 909.

свое воплощение в создании и деятельности Секретного Комитета 6 декабря 1826 г. Согласно собственноручной записке Николая I, главной сферой деятельности сей организации был пересмотр всего государственного устройства и управления. Еще конкретней задача решения крестьянского вопроса поставлена перед Комитетом 1835 г. Работавший в обстановке строжайшей секретности Комитет наметил три этапа в ликвидации крепостного права сверху. Первый уже реализован, так как крепостное право регулируется положениями актов, внесенных в свод законов. Второй должен наступить с введением норм и правил, регулирующих взаимоотношения помещика и крестьянина и при сохранении крепостного права дающих определенную социально-экономическую и личную гарантию крестьянам от притязаний со стороны помещика. И третий — личное освобождение крестьян без земли. Вот оно, объяснение трактовки Манифеста в ПСЗ как закона о трехдневной барщине. Найден прецедент вмешательства власти в отношения помещиков и крестьян на законодательном уровне, практически сведенного к нулю во времена Екатерины. Для правительства Николая I это база будущих реформ для спасения самих устоев самодержавия. Поэтому восприятие и трактовка Манифеста в 1797 г. и в 1830-е гг. были различными. Это первое, на что хотелось бы обратить внимание.

Второе. И в отечественной, и в зарубежной историографии Павловского правления утвердилась точка зрения, что император вступил на престол с четко разработанной политической программой действий.

Основными документами, подтверждающими это положение, принято считать завещательные записки цесаревича 1788 г. Особое место среди них занимает «Наказ об управлении государством»[17]. В одной из своих статей автор уже обращал внимание, что в «Наказе» намечены основные моменты в изменении положения крестьян казенных, приписных, экономических, дворцовых, но нет ни слова об изменении положения крестьян помещичьих. Поэтому трактовка фразы: «Крестьянство содержит собою все прочия части и своими трудами, следственно особаго уважения достойно и утверждения состояния не подверженнаго нынешним переменам его, из благодарности Отечества и для того, чтоб тем лутче трудились и государство имело тем вернее снабжение», как желание императора изменить положение крестьянства в сторону его улучшения, вряд ли правомерна. В крайнем случае, она еще возможна в отношении тех категорий

[17] *Павел Петрович.* Наказ Марии Федоровне об управлении государством на случай его смерти // Вестник Европы. 1867. Март. Т. 1. С. 316.

крестьянства, которые не входили в разряд частновладельческих. Да и то, скорее для того, чтоб «тем лутче трудились и государство имело тем вернее снабжение», чем «из благодарности Отечества». Поэтому вряд ли в бытность наследником престола, а затем и императором Павел ощущал возможность перевода философского дискурса в практическое русло.

Более того, все исследователи однозначно отмечают, что начало правления императора ознаменовалось такой массовой раздачей крестьян, какая перекрыла щедрые екатерининские пожалования за все годы ее почти 35-летнего царствования.

Наконец, большинство исследователей сходится во мнении о консервативных взглядах Павла Петровича. Тем более, широко известно глубоко отрицательное отношение тогда еще наследника престола к Великой Французской революции и тем свободам, которые она несла.

Откуда же вдруг появился тезис о его стремлении облегчить участь крестьян и о повороте политики самодержавия в сторону ограничения барщины?

Нам кажется, это связано с довольно широко распространенным в исторической литературе взглядом на ту эпоху как на время наступления на права дворян. Некоторые исследователи прямо называют внутреннюю политику императора антидворянской. Мягко говоря, это не соответствует истине. Автор статьи разбирал этот вопрос в своей диссертации, поэтому здесь лишь коротко замечу: законодательная и практическая деятельность и самого императора, и правительства была направлена на укрепление авторитета дворянства в русском обществе как сословия в целом. Нет ни одного указа, отменяющего или ущемляющего права и привилегии, дарованные дворянству Жалованной грамотой Екатерины II или иными законодательными актами предшествовавшего времени.

Следуя своей идее службы государству, Павел попытался на практике вернуть первое сословие в подобающее его званию состояние — служение Отечеству и государю, поднять, а не ущемить его авторитет за счет наведения порядка в служебной его деятельности. Но русское дворянство за столетие существенно изменилось и в самоидентификации, и в отношении к власти. Кроме того, в литературе неоднократно отмечалась разница в отношении к императору дворянства столичного и провинциального. Поэтому все более утверждающаяся в исторических работах характеристика Павловского правления как времени борьбы с дворянскими привилегиями, мягко говоря, не корректна. И, как нам представляется, эта тема еще ждет своего исследователя.

Третье. Говоря о деидеологизации исторической науки, некоторые историки вместе с водой выливают и ребенка. Принцип историзма при анализе исторического источника признается необходимым во всех современных работах. Но почему-то большинство исследователей Павловской эпохи упорно старается не замечать тот факт, что начало царствования нового императора, кстати так же, как и его матери, совпало с подъемом крестьянских волнений, прежде всего волнений частновладельческих крестьян. А если вспомнить упорное нежелание Павла что-либо менять в судьбе помещичьих крестьян, его мнение об отеческой полиции помещиков, то, как нам кажется, именно волнения и бунты заставили императора в день коронации издать свой знаменитый Манифест. Адресован он был не столько помещикам, сколько крестьянам и заключал в себе прекрасный пример социальной демагогии, направленной на сохранения краеугольной основы абсолютизма — крепостного права — при резком ухудшении социальной ситуации в стране. Сын показал себя достойным учеником великой матери. Почти екатерининское: для Европы — «русский крестьянин в супе имеет каждый день курицу, а по праздникам и индейку», а для России — «казанская помещица»! Поэтому оценка А.А. Артболевского, данная нашей точке зрения на Манифест как на одну из популистских акций самодержавия по отношению к крестьянству, с полным отрицанием его социального содержания, нам кажется в корне не верной[18]. В Манифесте заключается глубокое социальное содержание. Его очень точно сформулировал в своей совместной с Э. Паниной статье С.Б. Окунь. Смыл указа заключался не в нанесении удара по крепостничеству, а в защите его от этого удара[19].

Не будем забывать и того факта, что в общественном сознании уже зародилась мысль, высказанная Радищевым, о неразрывности совместного угнетия общества крепостничеством и самодержавием. Поэтому, как нам представляется, социальное значение Манифеста ярко отражает консервативную линию во внутренней политике царизма, начатую во второй половине екатерининского царствования, по сохранению российского абсолютизма в условиях разложения феодально-крепостной системы. К тому же, в литературе, особенно последнего времени, утвердился взгляд на стремление Павла I построить полицейское государство, в основе которого лежало крепостное право. В связи с этим, о каком стремлении императора ограничить то, что он старался сохранить, можно говорить? Все последующее законодательство конца столетия подтверждает это

[18] *Артболевский А.А.* Указ. соч. С. 12.

[19] *Окунь С.Б., Панина Э.* Указ. соч. С. 291.

мнение. Ни разу больше Павел Петрович не обращается к вопросу, связанному с барщинным хозяйством, не проявляет интереса к реализации Манифеста на практике, чего не скажешь о других указах. Да и в последующее время его преемники стараются увести обсуждение этой проблемы из общественной плоскости в узкокелейную — Секретных комитетов, итогом работы которых станут превентивные меры, не затрагивающие основ крепостного права и самодержавия, не говоря уже о каких либо конкретных практических действиях, реально меняющих положение помещичьих крестьян.

Четвертое. Многими историками особо подчеркиваются условия оглашения Манифеста. Принятый в день коронации, он не может быть рассмотрен как обычный законодательный акт, а должен был однозначно восприниматься подданными как непреложный закон, считают авторы этих работ. В таком случае возникает вопрос: как же Павел, склонный до мелочей прописывать в законах все обстоятельства их исполнения, мог так «необдуманно» выпустить сей важный закон с более чем туманными формулировками? Сравним тот же Акт о Престолонаследии, или Учреждение об императорской фамилии, или Установление о российских орденах, обнародованные вместе с Манифестом[20]. Здесь мы видим детальнейшую, если не сказать мелочную, роспись подробностей. А в Манифесте — расплывчатое «тем более достаточны будут». Юристы и историки права еще в прошлом веке отмечали, что закон, не предусматривавший наказание за установленные в нем нормы действия, не является законом в полном смысле этого термина. Поэтому нам кажется ошибочной оценка А.А. Рожнова, однозначно определяющего Манифест как указ о трехдневной барщине. Нам представляется, что император в полной мере отдавал себе отчет о реальной действенности такого законодательного акта. И, следовательно, его стремлением было не защитить крестьян от своеволия помещиков, а спасти помещиков от разгула недовольства крестьянской стихии.

Наконец, пятое и последнее. В одной из своих работ мы касались темы корреляции роста крестьянских волнений и появления законов, касающихся помещичьих крестьян. Почему эта связь нам кажется столь важной? Потому, что она объясняет, в каких исторических реалиях был издан интересующий нас акт. И если особо подчеркивается день принятия Манифеста как день вступления на престол, то почему же обходится молчанием тот факт, что именно на это время падает пик волнений помещичьих крестьян? В 1797 г. было 177 выступлений крестьян, в 1798 г. — 12, в 1799 г. — 10, в

[20] ПСЗ. Т. 24. С. 587–589, № 17910; С. 525–568, № 17906; С. 569–587, № 17908.

1801 г. — всего 7[21]. Таким образом, количество вооруженных мятежей в 1797 г. достигает своего апогея. А потом постепенно сходит на нет. Эта сторона проблемы как-то выпала из поля зрения современных историков. Справедливости ради надо отметить, что среди причин принятия Манифеста все же отмечают крестьянское недовольство, а именно, постоянные жалобы и челобитные, случаи неповиновения и вооруженные мятежи. Вот только неясно, почему исследователи считают, что челобитные производили на царя больший эффект, чем вооруженные мятежи, которые как-то стыдливо отнесены на последнее место в ряду факторов, якобы вызвавших появление Манифеста. В этом ключе интересны резолюции монарха на жалобах крестьян о несоблюдении указа о трехдневной барщине, найденные нами в делах Уголовного департамента Сената и упоминаемые выше. Еще раз подчеркнем: почти все дела были отправлены в архив с резолюцией «недельные», а авторы жалоб сосланы в Сибирь[22].

Нами отмечалась связь между количеством восстаний и появлением и исчезновением социальной демагогии в законодательстве Павловского правительства, постепенное затухание законодательной активности в вопросе положения крестьян по мере угасания волнений. Выявлена и прямая корреляция ужесточения крепостнических отношений в законодательной, судебной и практической деятельности властей как в центре, так и на местах с падением социальной напряженности в обществе[23].

Поэтому нам представляется спорным утверждение, что «ключевой причиной появления Манифеста выступил субъективный фактор — роль личности императора. Павел I осознавал проблемы крепостных крестьян, позитивно относился к идеям некоторого улучшения их положения и был активным сторонником реализации подобных мер, так как они соответствовали образу “идеального государства” в его политической доктрине. Именно политической воле Павла I Россия была обязана появлением Манифеста о трехдневной барщине»[24]. Вряд ли самодержец испытывал потребность в переходе к практическим действиям в этом вопросе. Об этом свидетельствуют и документы времен ожидания трона. Скорее всего, именно крайне накаленная социальная обстановка вынудила царя на открытое, на законодательном уровне вмешательство в отношения помещиков и крестьян. К этому

---

[21] *Коренева Е.А.* Крестьянское движение в России в 1796–1798 гг. Дисс. … канд. ист. наук М., 1954.

[22] РГИА. Ф. 1346. Оп. 43. Ч. 1. Д. 66, 87, 210; Ф. 1347. Оп. 64. Ч. 1. Д. 343; Оп. 98. Д. 290.

[23] *Абрамова И.Л.* Указ. соч. С. 56.

[24] *Артоболевский А.А.* Указ. соч. С. 5.

выводу приводит и тот факт, что угасание активности в законодательной деятельности правительства по крестьянскому вопросу в целом, и положения помещичьих крестьян в частности, полностью совпадает с подавлением крестьянского возмущения в стране.

Анализ исторической обстановки, политической программы и взглядов императора, восприятия разными социальными слоями и бюрократией Манифеста 5 апреля, его практического применения, дальнейшего развития законодательной линии российского абсолютизма в этом вопросе приводит нас к выводу о том, что Павел отнюдь не стремился перевести дискуссию по крестьянскому вопросу из отвлеченной в практическую плоскость. Вмешаться в отношения помещика и крестьянина его заставила накалившаяся социальная обстановка в стране. Более того, главная задача такого вмешательства — не облегчение участи крепостных, а спасение крепостников и самого абсолютизма от новой пугачевщины. При первой же возможности эта деятельность сводится правительством на нет. Даже Екатерина, позволившая себе «поиграть» в либерализм и «выпустить пар» недовольства русской просвещенной элиты наиболее мрачными сторонами крепостничества в философской, морально-нравственной, отвлеченной сфере литературных дискуссий, под влиянием пугачевщины и Великой французской революции быстро сворачивает общественный дискурс и переходит к открыто консервативной внутренней политике. Что уж тогда говорить про Павла Петровича, предлагавшего пушками расстрелять санкюлотов. Император не собирался каким-либо образом менять положение помещичьих крестьян, да и вряд ли осознавал их проблемы. Однако сложившаяся внутриполитическая ситуация вынудила правительство пойти на ряд мер для сохранения существующего режима. Это правительству удалось.

Запас прочности крепостничества оказался достаточно велик, чтобы проблема ограничения эксплуатации помещичьих крестьян на уровне широкого общественного обсуждения возникла лишь спустя почти пять десятилетий. А окончательно разрешилась только в 1861 г.

Таким образом, нам представляется важным привлечь внимание исследователей к дальнейшему всестороннему изучению Манифеста 5 апреля 1797 г. Объективная оценка этого документа во многом определяет и объективность оценки внутренней политики российского самодержавия конца XVIII в., ее связи с предшествующим и последующим периодами исторического развития монархии, харктеристику личности сына Екатерины и его роли в истории России, развития русской общественно-политической мысли XVIII–XIX столетий и ряда других вопросов истории Российской империи этого времени.

References

Abramova I.L. *Soslovnaya politika Pavla I* [Paul I's Policy toward the Estates]. *Diss. … kandidata istoricheskih nauk* [Diss. for Candidate Degree in History]. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova, 1990. 222 p.

Abramova I.L. *Politika samoderzhaviya v otnoshenii chastnovladel'cheskikh krest'yan v 1796–1801 gg.* [The Policy of Autocracy toward the Privately Owned Peasants in 1796–1801] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. History. 1989. № 4, pp. 47–57.

Anisimov Ye.V. *Imperatorskaya Rossiya* [Imperial Russia]. Saint Petersburg: Piter, 2011. 672 p.

Artobolevskiy A.A. *Manifest o trekhdnevnoy barshchine Pavla I: predposylki poyavleniya i usloviya realizatsii* [Paul I's Manifesto on Three-Day Corvée: Prerequisites for the Emergence and Conditions of Implementation]. *Diss. … kandidata istoricheskih nauk* [Diss. for Candidate Degree in History]. Penza: Penzenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni V.G. Belinskogo, 2006. 181 p.

Belyayev I.D. *Krest'yane na Rusi* [Peasants in Russia]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1860. 296 p.

Brikner A.G. *Smert' Pavla I* [Paul I's Death]. Saint Petersburg: M.V. Pirozhkov, 1907. 161 p.

Bryullova-Shaskol'skaya N.V. *Otkliki Pugachevshchiny. Krest'yanskoye dvizheniye pri Pavle I* [The Pugachevschina's Responses. The Peasant Movement under Paul I]. Moscow: Izdatel'stvo politkatorzhan, 1932. 45 p.

Chizh V.O. *Imperator Pavel I* [Emperor Paul I] // *Voprosy filosofii i psikhologii*. 1908. Vol. 88, pp. 221–290.

Dolgikh A.N. *Rossiyskoye samoderzhaviye i krest'yanskiy vopros: 1796–1825 gg.* [Russian Autocracy and the Peasant Question: 1796–1825]. *Diss. … doktora istoricheskih nauk* [Diss. for Doctor Degree in History]. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy universitet, 2010. 495 p.

Dukes P. *The Making of Russian Absolutism, 1613–1801*. London: Longman, 1990. 197 p.

Eydel'man N.Ya. *Gran' vekov. Politicheskaya bor'ba v Rossii. Konets XVIII – nachalo XIX stoletiya* [The Edge of the Centuries. Political Struggle in Russia in the Late 18th and Early 19th Centuries]. Saint Petersburg: Ekslibris, 1992. 384 p.

Kamenskiy A.B. *Ot Petra I do Pavla I: Reformy v Rossii XVIII veka. Opyt tselostnogo analiza* [From Peter I to Paul I: The Reforms in Russia in the Eighteenth Century. An Attempt at a Holistic Analysis]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 1999. 320 p.

Klochkov M.V. *Ocherki pravitel'stvennoy deyatel'nosti vremeni Pavla I* [Essays on the Governmental Activities under Paul I]. Petrograd: Senatskaya tipografiya, 1916. 630 p.

Klochkov M.V. *Dvoryanskoye samoupravleniye v tsarstvovaniye Pavla I* [The Autonomy of the Nobility under Emperor Paul I] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1912. № 12, pp. 329–375.

Klyuchevskiy V.O. *Novaya russkaya istoriya ot Smutnogo vremeni do Yekateriny* [A New Russian History from the Time of Troubles to Catherine]. Moscow: Barskov, 1883–1884. 323 p.

Koreneva Ye.A. *Krest'yanskoye dvizheniye v Rossii v 1796–1798 gg.* [Peasant Movement in Russia in 1796–1798]. *Diss. … kandidata istoricheskih nauk* [Diss. for Candidate Degree in History]. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova, 1954. 187 p.

Korf S.A. *Dvoryanstvo i yego soslovnoye upravleniye za stoletiye 1762–1855* [The Nobility and Its Estate Government over the Century in 1762–1855]. Saint Petersburg: Tipografiya Trenke i Fyusno, 1906. 702 p.

Kostyrya L.P. *Konservativnaya utopiya Pavla I i yeye krakh* [Paul I's Conservative Utopia and Its Collapse] // *Rossiyskiy konservatizm: Teoriya i praktika: Sbornik nauchnykh statey* [Russian Conservatism: Theory and Practice: A Collection of Scholarly Articles] / Ed. by V.F. Mamonov. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 1999, pp. 35–46.

Kostyrya L.P. *Konservatizm v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vekov* [Conservatism in Russia at the Turn of the Eighteenth to the Nineteenth Century]. *Diss. … kandidata istoricheskih nauk* [Diss. for Candidate Degree in History]. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2000. 197 p.

Kovalevskiy P.I. *Imperator Petr III, Pavel I. Psikhiatricheskiye etyudy iz istorii* [Emperor Peter III, Paul I. Psychiatric Studies of History]. Vol. 1. Saint Petersburg: A. Myl'nikov, 1909. 133 p.

Lappo-Danilevskiy A.S. *Krest'yanskiy vopros v Rossii vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX vv.* [The Peasant Question in Russia in the Second Half of the 18th and the First Half of the 19th Centuries // *Krest'yanskiy stroy* [Peasant System]. T. I. Sbornik statey A.S. Lappo-Danilevskogo, V.I. Semevskogo i I.M. Strakhovskogo. Saint Petersburg.: Beseda, 1905. 456 p.

McGrew R.E. *Paul I of Russia. 1754–1801*. Oxford: Clarendon Press, 1992. 344 p.

McGrew R.E. *Paul I: A Reassessment of His Life and Reign* / Ed. by H. Ragsdale. Pittsburgh: University Center for International Studies, University of Pittsburgh, 1979, 189 p.

Mikhaylova N.V. *Liberalizm v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vekov* [Liberalism in Russia at the Turn of the 18th to the 19th Century]. *Avtoreferat diss.… kandidata istoricheskih nauk* [An Abstract of the Diss. for Candidate Degree in History]. Moscow: MADI, 1998. 26 p.

Obolenskiy G.L. *Imperator Pavel I* [Emperor Paul I]. Moscow: Drofa, 1995. 213 p.

Okun' S.B. *Ocherki istorii SSSR. Konets XVIII – pervaya chetvert' XIX v.* [Essays on the History of the USSR. The Late 18th and the First Quarter of the 19th Centuries]. Leningrad: Uchpedgiz, 1954. 416 p.

Okun' S.B., Panina E.S. *Ukaz 5 aprelya 1797 g. i yego evolyutsiya* [The Decree of April 5, 1797 and Its Evolution] // *Issledovaniya po otechestvennomu istochnikovedeniyu* [Researches in Domestic Source Studies]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964, pp. 283–299.

Pavlenko N.I. *Idei absolyutizma v zakonodatel'stve XVIII v.* [The Ideas of Absolutism in the 18th-Century Legislation] // *Absolyutizm v Rossii (XVII–XVIII vv.): Sbornik statey* [Absolutism in Russia (the 17th – 18th Centuries): A Collection of Articles] / Ed. by N.M. Druzhinin, N.I. Pavlenko, L.V. Cherepnin]. Moscow: Nauka, 1964, pp. 389–427.

Pavlenko N.I. *K voprosu o genezise absolyutizma v Rossii* [On the Genesis of Absolutism in Russia] // *Istoriya SSSR*. 1970. № 4, pp. 54–74.

Pototskiy N. *Imperator Pavel Pervyy* [Emperor Paul the First]. Buenos Ayres: Nasha strana, 1957. 72 p.

Prudnikov Yu.F. *Komplektovaniye russkoy armii (1794–1804 gg.)* [Recruitment for the Russian Army (1794–1804)]. *Diss. … kandidata istoricheskih nauk* [Diss. for Candidate Degree in History]. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova, 1972. 260 p.

Ragsdale H. *Prosveshchennyy absolyutizm i vneshnyaya politika Rossii v 1762–1815 godakh* [Enlightened Absolutism and Russian Foreign Policy in 1762–1815] // *Otechestvennaya istoriya*. 2001. № 3, pp. 3–25.

Rozhnov A.A. *K 220-y godovshchine Akta o prestolonasledii i Manifesta o "Trekhdnevnoy barshchine"* [In Honour of the 220th Anniversary of the Law of Succession and the Manifesto on "Three-day Corvée"] // *Uchenyye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*. 2017. № 1(44), pp. 40–44.

Rubinshteyn N.L. *Krest'yanskoye dvizheniye v Rossii vo vtoroy polovine XVIII v.* [Peasant Movement in Russia in the Second Half of the 18th Century] // *Voprosy istorii*. 1956. № 11, pp. 35–51.

Samoylov V.I. *Vnutrennyaya i vneshnyaya politika Pavla I* [Domestic and Foreign Policy of Paul I]. Khlebnikovo: Tipografiya VPI SA, 1947. 30 p.

Semevskiy V.I. *Polozheniye krest'yanstva v tsarstvovaniye Yekateriny II* [The Peasants' Condition under Empress Catherine II]. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1864. T. 1. 643 p.; T. 2. 826 p.

Semevskiy V.I. *Pozhalovaniye naselennykh imeniy v tsarstvovaniye imperatora Pavla I* [The Granting of Inhabited Estates under Emperor Paul I] // *Russkaya mysl'*. 1882. № 12, pp. 153–192.

Sergeyev V.I. *Pavel I: Grossmeyster Mal'tiyskogo ordena* [Paul I, the Grandmaster of the Order of Malta]. Rostov-on-Don: Feniks, 1999. 509 p.

Shakhmagonov N.F. *Pavel I i Stalin: istoriya dvukh zlodeyskikh ubiystv* [Paul I and Stalin: the Story of the Two Villainous Murders]. Moscow: *S. n.*, 1999. 61 p.

Shil'der N.K. *Imperator Pavel I* [Emperor Paul I]. Saint Petersburg: Izdaniye A.S. Suvorina, 1901. 606 p.

Shumigorskiy Ye.S. *Imperator Pavel Pervyy. Zhizn' i tsarstvovaniye* [Emperor Paul the First. The Life and Reign]. Saint Petersburg: Tipografiya V.D. Smirnova, 1907. 264 p.

Skorobogatov A.V. *Tsesarevich Pavel Petrovich: politicheskiy diskurs i sotsial'naya praktika* [Tsesarevich Pavel Petrovich: Political Discourse and Social Practice]. Moscow: Izdatel'stvo RGGU, 2004. 346 p.

Sorokin Yu.A. *Rossiyskiy imperator Pavel I* [Russian Emperor Paul I]. *Diss. … kandidata istoricheskih nauk* [Diss. for Candidate Degree in History]. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet, 1989. 192 p.

Sorokin Yu.A. *"Neprosveshchennyy absolyutizm" Pavla I (Problematika i opyt izucheniya): Uchebnoye posobiye* ["Unenlightened Absolutism" of Paul I (The Problems and the Experience of Study): A Handbook]. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet, 1994. 90 p.

Sorokin Yu.A. *Pavel I. Lichnost' i sud'ba* [Paul I. The Person and Fate]. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet; Moscow: Mysl', 1996. 210 p.

Yakushkin V.Ye. *Ocherki po istorii russkoy pozemel'noy politiki XVIII–XIX vv.* [Essays on the History of Russian Land Policy in the 18th and 19th Centuries]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K°, 1890. 150 p.

Поступила в редакцию
13 июня 2018 г.

Н.В. Винюкова*

И.И. ФУДЕЛЬ О ПРОБЛЕМЕ ВОЦЕРКОВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

N.V. Vinyukova

J.I. FUDEL ON THE TRANSITION OF "INTELLIGENTSIA" TO THE CHURCH

Аннотация. Автором ставится проблема «возвращения интеллигенции в Церковь» в условиях нарастающей секуляризации российского общества рубежа XIX–XX вв. на примере жизненного пути и публицистики священника Иосифа Ивановича Фуделя. Новизна исследования определяется как отсутствием фундаментальных работ, раскрывающих тему перехода дореволюционной интеллигенции «внутрь церковной ограды», путей и масштабов этого процесса, так и слабой изученностью биографии выбранного персонажа, деятельность которого ярко иллюстрирует поднятый вопрос. Личность и мировоззрение И.И. Фуделя рассматриваются в контексте общественно-церковной жизни того времени. Он имел оригинальный взгляд на проблему роли «интеллигенции», будучи представителем «ортодоксального» направления русской мысли (связанного, в первую очередь, с кружком М.А. Новоселова, отстоящего от модернистских и политических течений эпохи «религиозно-философского ренессанса»). Основу источниковой базы статьи составляют: публицистика Фуделя 1880-х — 1900-х гг., его письма и воспоминания о нем; используются некоторые ключевые статьи по теме (работы И.С. Аксакова, сборники «Вехи» и «Интеллигенция в России»). Всё это позволило проследить его переход «внутрь» Церкви (духовный и социальный) из интеллигентской среды Московского университета, движение его мысли от соотнесения себя с изначально критикуемой интеллигенцией — к попыткам конструктивного диалога с ней и «внутренней миссии» Церкви. Отец Иосиф поставил перед собой масштабную и практически неразрешимую в тот период задачу создания «народной интеллигенции», которая, преодолев этап секуляризации, вернулась бы к религиозности на новом этапе своего духовного и

* *Винюкова Надежда Валерьевна*, редактор исторической программы «Кто мы?» на телеканале «Россия-Культура»

Vinyukova Nadezhda Valer'yevna, Editor, History TV Program "Kto my?" [Who are we?], TV Channel "Rossiya-Kul'tura"

+7-903-272-06-98; nadinvin1@ya.ru

интеллектуального развития. Позиция Фуделя не была исключительной, но и не являлась достаточно распространенной, чтобы преодолеть разобщенность Церкви и интеллектуалов. Несмотря на это, деятельность Фуделя по сближению Церкви с интеллигенцией — посредством проповеди (в том числе общественной и публицистической), миссии, издания литературы, личного примера — представляет собой важный и на индивидуальном уровне успешный пример взаимоотношений двух сторон.

Ключевые слова: Иосиф Фудель, интеллигенция, Русская Православная Церковь, внутренняя миссия, русская общественная мысль, народничество, славянофильство.

Abstract. The author states the problem of "the churching of intelligentsia" amidst the growing secularization of the Russian society at the turn of the twentieth century, and draws on the example of the life and journalistic essays of priest Iosif Ivanovich Fudel. The novelty of the work lies in the absence of treatises which would explore the topic of the pre-revolutionary intelligentsia becoming churchly, the ways and scale of this process, as well as the insufficient knowledge about the biography of the person whose activities vividly illustrate the chosen topic. Fudel's personality and his system of beliefs are investigated in the context of socio-ecclesiastical life of his time. He had an original view on the issue of intelligentsia's role, as he represented a conservative current within the Russian thought (which was first and foremost connected with Mikhail Novoselov's circle and differed from the modernist and political currents of the "religious-philosophical Renaissance" age). At the heart of the source study base are Fudel's political writings from the 1880–1900s, as well as his letters and memoirs about him. Some key articles on the topic are also used (works by Ivan Aksakov, collections of articles *Vekhi* and *Intelligentsia in Russia*). This made it possible to follow Fudel's transition (spiritual and social) from the intelligentsia circles of the Moscow University to the Church, and the evolution of his thought from identifying with the initially criticized intelligentsia to the attempts at the meaningful dialogue with it and "internal mission" of the Church. Father Iosif set a great challenge, at that moment a practically impossible task of creating "folk intelligentsia", which overcoming the stage of secularization would again become churchly at a new stage of its spiritual and intellectual evolution. Fudel's standpoint was not exceptional, neither was it widespread enough to be able to overcome the alienation between the Church and the intellectuals. Nonetheless, Fudel's work on bridging the gap between the Church and the intelligentsia — by way of preaching (*inter alia*, public and journalistic), mission, publication of literature, personal example — represents an important and individually successful case of relations between the two parties.

Keywords: Iosif Fudel, intelligentsia, Russian Orthodox Church, internal mission, Russian public thought, Narodnik movement, Slavophilism.

* * *

В рамках данной статьи мы не будем касаться истории понятия «интеллигенция» — сложности его меняющихся коннотаций в Новейшее время посвящены целые сборники[1]. Мы заострим внимание на проблеме взаимоотношений той общественной группы, которую на рубеже XIX–XX вв. было принято называть «интеллигенцией», с Русской Православной Церковью. Пример И.И. Фуделя (1864–1918), человека с высшим образованием, принявшего сан и всю жизнь ставившего тему воцерковления интеллигенции как одну из главных для Церкви, ярко иллюстрирует эту проблему.

Личность отца Иосифа, видного московского священника рубежа веков, автора около 250 статей в различных изданиях, затрагивалась в историографии лишь в связи с его сыном, духовным писателем С.И. Фуделем[2], или с философом К.Н. Леонтьевым[3], близким другом и посмертным издателем произведений которого он был. Имеется также несколько статей о нем в энциклопедиях[4].

Единственный исследователь, углубившийся в биографию И.И. Фуделя, — О.Л. Фетисенко, филолог и издательница «Полного собрания сочинений К.Н. Леонтьева»[5], а также автор крупной монографии о нем[6]. Ею было издано и отдельное «Приложение» к Собранию[7] с публикацией переписки Леонтьева и Фуделя, в предисловии

---

[1] Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. Материалы международ. конф. Неаполь, май 1997 / Сост. Б.А. Успенский. М., 1999; Русская интеллигенция: История и судьба / Рос. акад. наук. Науч. совет по истории мировой культуры; отв. ред. Д.С. Лихачев. М., 1999; Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности / Отв. ред. Д.А. Сдвижков М., 2001.

[2] *Балашов Н. В., прот., Сараскина Л. И.* Сергей Фудель. М., 2011.

[3] *Фетисенко О.Л.* Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века. СПб., 2012; Пророки Византизма: переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012; *Резвых Т.Н.* «Я чувствовал себя как бы его внуком — через сына — через о. Иосифа…» (Отец Сергий Дурылин — исследователь творчества К.Н. Леонтьева) // Христианство и русская литература. Сб. 7. СПб., 2012. С. 274–356.

[4] ЭСБЕ. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. Т. XXXVIa, 1902. С. 856; *Половинкин С.М.* Фудель Иосиф Иванович // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995; *Хатунцев С.В.* Фудель И.И. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 550.

[5] *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. СПб., 2000–2012.

[6] *Фетисенко О.Л.* Гептастилисты…

[7] «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост., вступит. статья, подг. текста и комм. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012.

к которому последнему было уделено особое место[8]. В этих работах впервые делается попытка детальной реконструкции биографии Фуделя, в основном на материалах, попавших в руки автора благодаря изучению наследия Леонтьева, — а значит, охватывается лишь ранний период жизни отца Иосифа. Как отмечает в «Гептастилистах» сама Ольга Леонидовна, ее книга целиком «леонтьевоцентрична»[9]. Понятно, что образ И.И. Фуделя рассматривается преимущественно в связи с Леонтьевым, который оказал на Фуделя значительное влияние и составил протекцию в принятии сана. Однако детали их четырехлетней дружбы и, главное, степень идейной преемственности еще заслуживают отдельного исследования.

Касаясь общей историографии темы, стоит отметить работу Б.И. Колоницкого, примечательную с точки зрения исторической семантики: в ней рассматривается восприятие термина «интеллигенция» его современниками на рубеже XIX–XX вв[10]. Этот вопрос затрагивается и в обзорной работе В.В. Типикина[11]. Непосредственно проблема взаимоотношений интеллигенции и церкви стала широко обсуждаться в постсоветское время, в этом отношении интересен сборник, вышедший по результатам конференции «Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее, будущее»[12].

Немаловажное значение имеет работа И.В. Воронцовой о русской религиозно-философской мысли начала XX в.[13] Описывая различные направления христианского модернизма русских «богоискателей», отдельное внимание автор уделяет и консервативной составляющей развития религиозной мысли «внутри Церковной ограды» — деятельности М.А. Новоселова и «Кружка ищущих христианского просвещения» (или «Самаринского кружка»), членом которого состоял и И.И. Фудель. В этом кружке автор справедливо видит подтверждение существованию альтернативного «новым христианам» пути религиозной активности[14]. Не затронутым Воронцовой осталось «Братство

---

[8] *Фетисенко О.Л.* «Отче и друже мой»: отец Иосиф Фудель — друг, ученик и издатель К. Леонтьева // «Преемство от отцов»... С. 52.

[9] *Фетисенко О.Л.* Гептастилисты... С. 11.

[10] *Колоницкий Б.И.* Идентификации российской интеллигенции и интеллигентофобия (конец XIX — начало XX в.) // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001.

[11] *Тепикин В.В.* Интеллигенция: культурный контекст. Иваново, 2008.

[12] Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее, будущее: Материалы XV Междунар. науч.-теор. конференции, Иваново, 23–25 сент. 2004 г. / Отв. ред В.С. Меметов. Иваново 2004.

[13] *Воронцова И.В.* Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. М., 2008.

[14] Там же. С. 312.

Святителей Московских», в состав руководства которого входил Фудель. Задачи и деятельность этого братства рассматриваются в статье З.М. Дашевской[15].

Особый интерес представляет статья Ф.А. Гайды, в которой протягивается нить от народнических представлений об интеллигенции 1880-х гг. (Г. Успенский, Н. Михайловский) к «новому христианству» начала XX в. (Д. Мережковский)[16]. При этом проводится противоположная линия — критики народничества с его секулярным пониманием миссии интеллигенции (В.А. Тернавцев, А.С. Глинка (Волжский), С. Булгаков). Последнее направление важно для понимания мировоззренческой эволюции И.И. Фуделя. Следует сказать, что в этой полемике речь шла в основном о так называемом народничестве «либеральном» (в марксистской традиции) или «легальном» (в современной): его теоретики, Н.К. Михайловский, И.И. Каблиц, В.П. Воронцов, С.Н. Кривенко и др., отстаивали доктрину мирного, эволюционного пути к социалистическим идеалам. Об этом течении, в том числе и его критике справа, не исключая И. Фуделя, написал ряд работ Г.Н. Мокшин[17].

Отметим, что, рассматривая проблему через призму личности отца Иосифа, мы не ставим задачей раскрыть здесь такие масштабные и ныне широко исследуемые темы, как религиозно-философские собрания, общества и печать, а также политико-философская эволюция интеллигенции «от марксизма к идеализму»[18]. В рамках данной работы невозможно и представить мировоззрение И.И. Фуделя в

---

[15] *Дашевская З.М.* Обзор деятельности Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа (1909–1917 гг.) // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Вып. 5. М., 2012. С. 131–150.

[16] *Гайда Ф.А.* Христианство и миссия интеллигенции в публицистике русского освободительного движения (1882–1909) // «Наши новые христиане»: Толстой, Достоевский, Леонтьев и последующие. Христианский модернизм и христианский консерватизм второй половины XIX — первой половины XX в. Ясная Поляна, Россия, 19–22 апреля 2015. Рукопись.

[17] *Мокшин Г.Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX — начале XX вв. Воронеж, 2010; *Он же.* Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж, 2007; *Он же.* Русское легальное народничество 60–90-х гг. XIX века: очерки истории и историографии. Воронеж, 2005.

[18] *Колеров М.А.* Сборник «Проблемы идеализма» [1902]: История и контекст. М., 2002; *Колеров М.А.* Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех», 1902–1909. СПб., 1996; От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): исследования, материалы, указатели. М., 2017; *Флоровский Г.В., прот.* Пути русского богословия. М., 2009; *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение XX века. Paris, 1991; *Лазарева А.Н.* Интеллигенция и религия. К историческому осмыслению проблематики «Вех». М., 1996; *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М., 2009.

его целостности. Автор ставит целью статьи раскрыть взгляд на проблему «интеллигенции» деятеля, который был представителем малоизученного ортодоксального направления русской мысли (связанного, в первую очередь, с кружком М.А. Новоселова), отстоящего от модернистских и политических течений.

Специфически русское понимание «интеллигенции» выводит ее за рамки социального явления, профессиональной категории, придавая ей мировоззренческую окраску. «Русскую интеллигенцию» рубежа XIX–XX вв. вполне можно рассматривать как явление светской, имперской культуры — это обостряет драматизм ее столкновения с традицией и вызывает вопросы о совместимости с ней. Часто говорят о том, как интеллигенция соотносила себя с народом или властью[19], реже касаются ее взаимоотношений с Церковью[20]. Между тем еще первые «оформившиеся» интеллигенты — западники и славянофилы — разошлись, в том числе, и на почве отношения к религии.

В отечественной публицистике закрепляется образ интеллигента, упорно отстраняющегося от народного (церковного) духа (И.С. Аксаков называл этот тип «интеллигенцией» еще в 1860-х, что, однако, не мешало ему употреблять этот же термин и в отношении всего «общества»[21]). В представлениях рубежа веков словосочетание «церковная интеллигенция» скорее походило на оксюморон, о ее «нарождении» можно было только мечтать[22].

В движении интеллигенции к «идеалистической морали» нельзя не отметить сборник «Проблемы идеализма» (1902), для всех авторов которого было характерно обращение к метафизическим проблемам. Отчетливо тип внерелигиозного интеллигента был выписан, в частности, авторами генетически связанного с ним сборника «Вехи» (1909). Любопытно, что сборник, при некоторой своей разрозненности, имеет и противоречие относительно религиозности интеллигента. Рельефно выделяется позиция двух авторов — П.Б. Струве и

---

[19] *Каблиц И. (Юзов).* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886; Интеллигенция в России. СПб., 1910; *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981; *Щетинина Г.И.* Идейная жизнь русской интеллигенции: конец XIX — начало XX в. М., 1995.

[20] *Гайда Ф.А.* Христианство и миссия интеллигенции в публицистике русского освободительного движения; *Он же.* Интеллигенция и Церковь: из истории взаимоотношений. — URL: http://www.pravoslavie.ru/46664.html (дата обращения: 22.11.2017).

[21] *Аксаков И.С.* В чем недостаточность русского патриотизма? // День. 1864. № 42. 17 октября; *Он же.* Наше знамя — русская народность / Сост. и комм. С. Лебедева. М., 2008. С. 520, 586–587, 605.

[22] *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. СПб., 2011. С. 98.

С.Л. Франка. Для них «интеллигент» принципиально нерелигиозен: они восстают даже против фигурального употребления слова «религиозность» (зачастую используемого вне идеи Бога, в смысле фанатизма, «героизма», страстной преданности идее, будь то анархизм или социализм)[23].

Рассмотреть проблему взаимоотношений интеллигенции и Церкви представляется плодотворным на примере конкретной личности. Мы обратимся к опыту Иосифа Ивановича Фуделя — «интеллигентного» человека, вышедшего на альтернативный дискурсу об интеллигенции путь развития в конце 1880-х гг.

Он происходил из неправославной семьи (отец — православный, но нерелигиозный немец, мать — польская католичка), окончил Московский императорский университет, недолго проработал юристом и принял сан: поступок для юноши с университетским образованием в то время весьма неординарный. Накануне — увлечение славянофилами и Ф.М. Достоевским, женитьба на воцерковленной девушке, Е.С. Емельяновой, повлиявшей на его становление в вере и ставшей его соратницей во всем, знакомство и дружба с философом К.Н. Леонтьевым, поездки в Оптину пустынь. Поменяв свой социальный статус, отец Иосиф не оставил литературный труд, в котором хорошо прослеживается центральная для него тема возвращения интеллигенции в Церковь.

Если обратиться к его студенческим статьям 1886–1887 гг., объединенным позже в брошюру «Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли», можно заметить, что они пестрят словом «интеллигенция». «Интеллигенты» там — образованные, казалось бы, «лучшие люди». И автор ощущает себя одним из них, но с определенными оговорками: «“Служение народу” не только наша интеллигентная обязанность, но и наша человеческая, христианская, нравственная обязанность», — уточняет он[24]. Идея «служения народу» звучит вполне в народническом духе, только проводится в христианском преломлении.

Состояние современного интеллигентного общества видится Фуделю критическим, хотя и небезнадежным. Интеллигент «привык рабски следовать за Европой», погряз в «безверии и скептицизме»; он «фразер» и чурается настоящей работы (большинство среди молодежи, по выражению Фуделя, — «интеллигентные буржуа», «“крепостники” интеллигентного труда»). Он пишет о несостоятельности

---

[23] *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. С. 190–191; *Франк С.Л.* Этика нигилизма // Там же. С. 216–217.

[24] *Фудель И.* Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888. С. 172.

современного народничества, старого «либерально-западнического направления» (славянофильство — вот «истинное народничество»)[25]. «Русский интеллигент <…> представляет из себя тип идеального интернационала», — назидательно отметил Фудель-студент[26]. Достижимым, сулящим подлинный национальный подъем, Фудель видит только «православного народника» (а следовательно, православного интеллигента) — это узловая идея юношеской работы[27].

Фудель возлагал на образованного человека надежду на осознанную перемену ценностей, самостоятельное обновление. «Когда все образованные люди станут ездить в Оптину, когда духовенство получит руководящую роль, когда общество не будет смотреть на Церковь издали, а будет жить в ней, тогда на этой почве получатся новые культурные всходы, точно так же, как в Средние века католичество было основой культурного своеобразия Западной Европы. Тогда и быт наш изменится, и науки получат новый толчок в известную сторону (Вами проповедуемый пессимизм в науке), и искусство будет иметь почву (религиозный характер музыки, развитие церковных песнопений, новые виды Богослужений, новые темы для живописи, новые темы для романов, трагедий и т. д.)», — писал молодой Фудель К.Н. Леонтьеву[28]. С ростом революционного подполья и «материализма» в 1890–1900-х гг., с одной стороны, и с накоплением жизненного и внутрицерковного опыта самого Фуделя — с другой, эти ожидания померкнут, оставив все же дорогу личному пути, на котором изредка встречались единомышленники, многие из которых были также «интеллигентами, вернувшимися в церковь» (К. Леонтьев, Л. Тихомиров, С. Рачинский, М. Новоселов, П. Флоренский, С. Дурылин и др.).

Фудель не всегда отождествлял «интеллигенцию» с целым «обществом» (т.е. со всеми образованными людьми): «Чуждо Церкви не общество, а только часть общества. Именно та часть, которую принято называть иностранным и глубоко-пошлым словом “интеллигенция”»[29]. «Европействующий интеллигент» появляется для Фуделя именно в контексте проблемы взаимоотношений интеллигенции и Церкви. Расхожее представление о пропасти между интеллигенцией и народом переосмысляется им как ее разрыв с Церковью — основоположницей народной жизни: «Полный разброд мысли, отвлеченные фразы, прикрывающие недостаток убеждений,

[25] Там же. С. 53, 81, 91, 127, 129.

[26] Там же. С. 72.

[27] Там же. С. 157.

[28] Фудель — Леонтьеву. 20 февраля 1891 г. // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. С. 293.

[29] *Фудель И.* Вопросы церковной жизни // Русское обозрение. 1892. Июль. С. 288.

полузнание, полуневежество и, поверх всего этого, доктринерская гордость мысли. Но все это разнообразие оттенков, вся смесь различных мнений и фраз объединяется одним началом — полной разобщенностью и *несоответствием всех этих мнений с мировоззрением народа*»[30].

Примечательно, что для Фуделя этот разрыв мог быть преодолен. На понятие времени (с негативной коннотацией) у Фуделя накладывалось широкое представление об «интеллигенции» как образованном обществе, заложенное традицией 1860–1870-х гг. В 1904 г., говоря о важности учительства, он писал: «“Ищите прежде всего Царствия Божия и правды его”!... И “Царствие Божие внутрь вас есть”! Вот это предстоит русскому народу во всей его целости, т. е. и простому народу, как непосредственному хранителю в тайниках своих новых начал жизни, так и в союзе с ним интеллигенции, как сознательной истолковательнице этих начал»[31].

Критика интеллигенции Фуделем в целом соответствовала тону славянофильской и консервативной пореформенной печати. Принципиальным оставался вопрос: что делать в этой ситуации национального «раскола». Деятельная натура Фуделя шла вразрез с чрезмерным охранительством К.П. Победоносцева или стремлениями К.Н. Леонтьева «подморозить Россию»[32]: в их представлении соединение интеллигенции с народом принесло бы только вред[33]. Этому «пессимистическому реализму» Фудель противопоставлял свою деятельность (служение, просвещение, благотворительность) и «религиозный идеализм»: веру в то, что соединение с народом преображенной христианским духом интеллигенции (которая воспитает в крестьянине сознательного христианина) выведет страну на самобытный путь развития. Эта задача, по сути, ставилась со времен первых славянофилов.

К началу XX в. можно говорить о существовании в имперской России консервативного проекта «национальной» (церковной) интеллигенции, за неимением единой платформы — несколько аморфного. Так, Союз русских людей (его «Воззвание» 1905 г. среди прочих видных московских общественных деятелей подписал Фудель) призывал к образованию «истинно-русской интеллигенции», т.е. «людей про-

---

[30] *Фудель И.* Народное образование и школа. М., 1897. С. 69.

[31] *Фудель И.* Нравственно-культурное значение учительства. М., 1904.

[32] *Леонтьев К.Н.* Передовые статьи Варшавского дневника 1880 года // Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т. 7. М., 1912. С. 124.

[33] Подробнее см.: *Винюкова Н.В.* И.И. Фудель о народном образовании (1890-е — начало 1900-х гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 4. С. 100–109.

свещенных, сознательно проникнутых теми чувствами, чаяниями и стремлениями, которые свято бережет в тайниках души своей православный народ русский и которые делают порою из безграмотного крестьянина-простеца богатыря-подвижника»[34]. Не один публицист тогда чаял подобного обновления, каждый по-своему: надежды на появление «новой интеллигенции» возлагал М.Н. Катков, о задачах «государственной интеллигенции»[35] писал К.П. Победоносцев[36], о необходимости «церковной интеллигенции» — С.Н. Булгаков[37].

Отделяя себя от «интеллигенции», Фудель все же был выходцем из ее среды, по меньшей мере, человеком с университетским образованием. Он всю жизнь сохранял некоторые присущие ему «интеллигентные» наклонности: помимо типа мышления, которому свойственна повышенная оценочность суждений[38] и, в какой-то степени, мессианство, неприятие насилия и формализма (неизбежных спутников государственной системы); определенного рода демократизм, который можно заметить в центральной для его публицистики идее братств, в стремлении к оживлению инициативы мирян в приходах; помимо этого, Фудель всю жизнь сохранял любовь к художественной культуре и литературному труду.

Все эти черты не мешали Фуделю строго нести свое служение. «В краткой формуле можно было бы так охарактеризовать всю совокупность его пастырской, проповеднической, литературной и школьной деятельности: апология чистого христианства», — писал его сын[39]. С.Н. Дурылин вспоминал, что в отце Иосифе «не было вовсе ничего от сословной ленцы и грязцы», «никакими бытовыми красками не было испещрено его священство», «это был всегда, не только в храме, но и в жизни, — не поп, не "наш добрый батюшка", — а истинный иерей Божий»[40]. Личность Иосифа Фуделя глубоко затронула Дурылина. Для него о. Иосиф был особенно важен как

---

[34] Вестник союза русских людей. 1906. №1. С. 10.

[35] *Победоносцев К.П.* Церковь и государство // Московский сборник. М., 1896. С. 4.

[36] *Колоницкий Б.И.* Идентификации российской интеллигенции и интеллигентофобия (конец XIX— начало XX в.) // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 160.

[37] *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. С. 98–99.

[38] *Лотман М.Ю.* Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм. М., 1999.

[39] *Фудель С.И.* Воспоминания. М., 2016. С. 29.

[40] *Дурылин С.Н.* Отец Иосиф Фудель. — URL: http://politconservatism.ru/upload/iblock/dbb/dbb508257bb36c8548ef16190c498bc0.pdf (дата обращения: 12.10.2017). С. 38.

носитель подлинного знания о К. Леонтьеве. Последний факт сыграл решающую роль в развитии их отношений и в том образе, который составил и передал Дурылин о Фуделе, сопрягая его с К. Леонтьевым. В размышлениях Дурылина ярко проявляется его увлеченность леонтьевскими идеями, к которым он возводит широко распространенные настроения «христианского пессимизма» начала XX в., свойственные в конце жизни и Фуделю. Между тем в Леонтьеве Фудель более всего ценил его значимость для приближения интеллигенции к Церкви[41].

Заметного слоя «народной интеллигенции» Фудель так и не увидел[42]. На вышедший в 1909 г. сборник «Вехи» он дал сдержанный положительный отзыв, оставив ряд сомнений: «Действительно ли потрясение было так велико, что интеллигенция разбужена им?»[43]. Его размышления напоминают посыл статьи К.К. Арсеньева из оппонирующего «Вехам» сборника «Интеллигенция в России» (1910): «Ни “богоискателям”, ни “богостроителям” не удается возбудить сколько-нибудь широкое, и глубокое движение; никому из них не дано “глаголом жечь сердца людей”. Нет этого дара и у господствующей церкви»[44].

Но Фудель не остался исключительно на позициях критики. Находясь внутри Церкви, он стремился к ее большему сближению с интеллигенцией посредством проповеди, в том числе и публицистической. Именно в печати «колеблющийся интеллигент ищет разрешения смущающих его сомнений», а для Церкви в ней открывается широкое поле для «внутренней миссии» — среди интеллигенции[45]. «Только огненное ораторское слово проповедника способно всколыхнуть стоячее болото интеллигентного самомнения и равнодушия к Церкви», — писал он[46].

Фудель участвовал в проведении воскресных миссионерских бесед (в одном из трех подразделений московского пастырско-миссионерского кружка, организованного епархиальным миссионером И.Г. Айвазовым в 1908 г.[47]) и отмечал важность этих бесед не столько

---

[41] *Фудель И. И.* Памяти К.Н. Леонтьева // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. Кн. 1. С. 359.

[42] Дом Русского Зарубежья (ДРЗ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

[43] Там же. Л. 51.

[44] *Арсеньев К.К.* Пути и приемы покаяния // Вехи; Интеллигенция в России: Сборник статей 1909— 1910 / Сост., комм. Н. Казаковой; предисл. В. Шелохаева. М., 1991. С. 223.

[45] ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 28–32.

[46] Там же. Л. 19–20.

[47] *М.П.М.* Московские миссионерские беседы // Миссионерское обозрение. 1908. № 12. С. 1759.

для иноверцев, сколько для «простых православных». Он понимал, что в наступившую эпоху главное — вразумлять и возвращать «своих»: развивать невежественного крестьянина, впитавшего православный быт с молоком матери, но не имеющего сознательной веры, стучаться в души верящих в прогресс интеллигентов.

Устремления Фуделя были направлены навстречу интеллигенции, хотя он сознавал, что «нападение» интеллигенции на «народную почву»[48] означало ее же «нападение» на Церковь: наступило время «особенной напряженности противоцерковных и противорелигиозных стремлений крайних элементов нашего общества, стремлений, граничащих с открытой борьбой»[49]. Но он видел и признаки благоприятного для Церкви настроения: встречаются люди хотя и неверующие, «но в то же время не уклоняющиеся от умственного общения и откровенной беседы с искренно-верующими»[50]. Ведь «есть неверие книжников и фарисеев, и есть неверие апостола Фомы», — приводил Фудель сравнение Вл. Соловьева[51]. С этими идеями он выступал на орловском Миссионерском съезде в 1901 г. Основная мысль его речи заключалась в том, что духовенству «надо идти навстречу малейшему наклону в нашу сторону людей колеблющихся»[52], но при одном важном условии — снисходительности и любви.

В этом отношении примечательна его деятельность совместно со своим другом, бывшим толстовцем и будущим новомучеником М.А. Новоселовым по разработке программы «Религиозно-философской библиотеки». Это был уникальный издательский проект начала XX в., призванный через избранные произведения, как Отцов Церкви, так и известных современников, от славянофилов до западников и социалистов (это могли быть как И.В. Киреевский или А.С. Хомяков, так и А.И. Герцен или Л.Н. Толстой), приводить читающую публику к «вечным» вопросам и христианским ответам. Вокруг Новоселова со временем соберется «Кружок ищущих христианского просвещения», который в своем составе пересекался с межприходским братством Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа (существовавшего в 1909–1918 гг.). Оно стремилось вовлекать мирян в богослужение и церковную благотворительность, участвовало в подготовке Поместного собора.

---

[48] *Фудель И.* Народное образование и школа. М., 1897. С. 94.

[49] *Фудель И.* Миссия среди интеллигенции // Миссионерское обозрение. 1901. Июль. С. 497.

[50] Там же. С. 498.

[51] Там же. С. 500.

[52] Там же. С. 501.

Как можно заметить, за понятием «интеллигенция» на рубеже веков стояло определенное мировоззрение — то, что Г.П. Федотов позже назовет «беспочвеннностью»[53]. Этот приговор дореволюционной интеллигенции отрицает существование «церковной интеллигенции» как реальности. Но «антиинтеллигентский» пафос тех, кто тогда мечтал о ее нарождении, и их деятельность все же говорят о такой возможности, что подтверждает пример отца Иосифа и его окружения.

Получается, что от «духа» «интеллигенции» (в современном ему понимании) Иосиф Фудель отошел, как социально, так и духовно. И все же он оставлял интеллигенции шанс. Фудель верил в возможность церковной жизни образованных людей, он жаждал ее, а главное — сам был ее представителем. Противопоставляя «православное народничество» всевозможным «интеллигентским» течениям (народникам, революционерам, либералам, модернистам), Фудель надеялся избыть «вечные» параллели «интеллигенция–власть» и «интеллигенция–народ» посредством преодоления, по его мнению, центральной оппозиции — «интеллигенция–Церковь».

References

Balashov N.V. (archpriest), Saraskina L.I. *Sergey Fudel'*. Moscow: Russkiy put', 2011. 256 p.

Dashevskaya Z.M. *Obzor deyatel'nosti Bratstva svyatiteley moskovskikh Petra, Aleksiya, Iony i Filippa (1909–1917 gg.)* [An Overview of the Activities of the Brotherhood of Holy Hierarchs of Moscow Peter, Alexy, Jonah, and Philip, 1909–1917] // *Svet Khristov prosveshchayet vsekh: Al'manakh Svyato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta* [The Light of Christ Enlightens All: The Almanac of St. Philaret Orthodox Christian Institute]. Is. 5. 2012, pp. 131–150.

Durylin S.N. *Otets Iosif Fudel'* [Father Iosif Fudel] — URL: http://politconservatism.ru/upload/iblock/dbb/dbb508257bb36c8548ef16190c498bc0.pdf

Fetisenko O.L. *Geptastilisty: Konstantin Leont'yev, yego sobesedniki i ucheniki: Idei russkogo konservatizma v literaturno-khudozhestvennykh i publitsisticheskikh praktikakh vtoroy poloviny XIX – pervoy chetverti XX veka* [Heptastilists: Konstantin Leontiev, His Interlocutors and Disciples: The Ideas of Russian Conservatism in Literary, Artistic and Journalistic Practices of the Second Half of the 19th and the First Quarter of the 20th Centuries]. Saint Petersburg: Pushkinskiy Dom, 2012. 784 p.

Fetisenko O.L. *"Otche i druzhe moy": otets Iosif Fudel' — drug, uchenik i izdatel' K. Leont'yeva* ["Father and Friend of Mine": Father Iosif Fudel, K. Leontiev's Friend, Disciple and Publisher] // *"Preyemstvo ot ottsov": Konstantin Leont'yev i Iosif Fudel': Perepiska. Stat'i. Vospominaniya* ["Succession from Fathers": Konstantin Leontiev and Iosif Fudel: Correspondence. Articles. Memoirs] / Compil., foreword, comm. and ed. by O.L. Fetisenko. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2012, pp. 5–67.

[53] *Федотов Г.П.* Трагедия Интеллигенции // Версты. Париж, 1927. №2. С. 150.

Florovskiy G.V. (archpriest). *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Moscow: Puti russkoy tsivilizatsii, 2009. 848 p.

Gayda F.A. *Intelligentsiya i Tserkov': iz istorii vzaimootnosheniy* [Intelligentsia and the Church: from the History of Relations] — URL: http://www.pravoslavie.ru/46664.html

Intelligentsiya v istorii: obrazovannyy chelovek v predstavleniyakh i sotsial'noy deystvitel'nosti [Intelligentsia in History: An Educated Person in Perceptions and Social Reality] / Ed. by D.A. Sdvizhkov. Moscow.: IVI RAN, 2001. 312 p.

Intelligentsiya i tserkov': proshloye, nastoyashcheye, budushcheye: Materialy XV Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii, Ivanovo, 23–25 sent. 2004 g. [Intelligentsia and the Church: Past, Present, Future: Proceedings of the 15th International Scientific and Theoretical Conference, Ivanovo, 23–25 Sept. 2004] / Ed. by V.S. Memetov. Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2004. 329 p.

Kablits I. (Yuzov). *Intelligentsiya i narod v obshchestvennoy zhizni Rossii* [Intelligentsia and the People in the Social Life of Russia]. Saint Petersburg: Bibliotechnyy fond, 1886. 304 p.

Khatuntsev S.V. *Fudel' I.I.* [Fudel I.I.] // *Russkiy konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka. Entsiklopediya* [Russian Conservatism of the Middle of the 18th – Early 20th Centuries. Encyclopedia] / Ed. by V.V. Shelokhayev. Moscow: ROSSPEN, 2010, p. 550.

Kolerov M.A. *Sbornik "Problemy idealizma" (1902): Istoriya i kontekst* [Collected Papers *Problems of Idealism* (1902): History and Context]. Moscow: Tri kvadrata, 2002. 222 p.

Kolerov M.A. *Ne mir, no mech: Russkaya religiozno-filosofskaya pechat' ot "Problem idealizma" do "Vekh", 1902–1909* [Not Peace, but a Sword: The Russian Religious-Philosophical Press from *Problemy idealizma* to *Vekhi*, 1902–1909]. Saint Petersburg: Aleteya, 1996. 373 p.

Kolonitskiy B.I. *Identifikatsii rossiyskoy intelligentsii i intelligentofobiya (konets XIX – nachalo XX v.)* [Identifications of the Russian Intelligentsia and Phobia of Intelligentsia in the Late 19th and Early 20th Centuries] // *Intelligentsiya v istorii: obrazovannyy chelovek v predstavleniyakh i sotsial'noy deystvitel'nosti* [Intelligentsia in History: an Educated Person in Perceptions and Social Reality]. Moscow: IVI RAN, 2001, pp. 150–170.

Lazareva A.N. *Intelligentsiya i religiya. K istoricheskomu osmysleniyu problematiki "Vekh"* [Intelligentsia and Religion. On the Historical Understanding of the Problems Posed by *Vekhi*]. Moscow: Institut filosofii RAN, 1996. 85 p.

Leykina-Svirskaya V.R. *Russkaya intelligentsiya v 1900–1917 godakh* [Russian Intelligentsia in 1900–1917]. Moscow: Mysl', 1981. 285 p.

Losev A.F. *Vladimir Solov'yev i yego vremya* [Vladimir Soloviev and His Time]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2009. 617 p.

Lotman M.Yu. *Intelligentsiya i svoboda (k analizu intelligentskogo diskursa)* [Intelligentsia and Freedom (On the Analysis of the Intelligentsia Discourse)] // *Russkaya intelligentsiya i zapadnyy intellektualizm: Istoriya i tipologiya. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Neapol', may 1997* [Russian Intelligentsia and Western Intellectualism: History and Typology. Proceedings of the International Conference. Naples, May 1997] / Compiled by B.A. Uspenskiy. Moscow: O.G.I., 1999, pp. 122–152.

Mokshin G.N. *Evolyutsiya ideologii legal'nogo narodnichestva v posledney treti XIX – nachale XX vv.* [The Evolution of the Ideology of Legal Populism in the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries]. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2010. 299 p.

Mokshin G.N. *Ideologi legal'nogo narodnichestva o russkoy intelligentsii* [The Ideologists of Legal Populism about the Russian Intelligentsia]. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2007. 357 p.

Polovinkin S.M. *Fudel' Iosif Ivanovich* [Fudel Iosif Ivanovich] // *Russkaya filosofiya. Malyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Russian Philosophy. Small Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka, 1995.

Problemy idealizma [Problems of Idealism] / Compil. and comm. by O.K. Ivantsova, Foreword by V.V. Vostrikova, Comm. by V.V. Sapov. Moscow: ROSSPEN, 2010. 815 p.

Rezvykh T.N. *"Ya chuvstvoval sebya kak by yego vnukom — cherez syna — cherez o. Iosifa…" (Otets Sergiy Durylin — issledovatel' tvorchestva K.N. Leont'yeva)* ["I Felt Myself Like His Grandson — through His Son — through Father Iosif…" (Father Sergey Durylin, Researcher of K.N. Leontiev's Works)] // *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. Collected vol. 7. Saint Petersburg: Nauka, 2012, pp. 274–356.

Shchetinina G.I. *Ideynaya zhizn' russkoy intelligentsii: konets XIX – nachalo XX v.* [The Ideological Life of the Russian Intelligentsia in the Late 19th and Early 20th Centuries]. Moscow: Nauka, 1995. 240 p.

Tepikin V.V. *Intelligentsiya: kul'turnyy kontekst* [Intelligentsia: A Cultural Context.]. Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2008. 107 p.

Vinyukova N.V. *I.I. Fudel' o narodnom obrazovanii (1890-ye – nachalo 1900-kh gg.)* [I.I. Fudel on Public Education (1890s – early 1900s)] // *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. 2018. № 4, pp. 100–109.

Vorontsova I.V. *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' v nachale XX veka* [Russian Religious and Philosophical Thought in the Early 20th Century]. Moscow: Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy universitet, 2008. 320 p.

Zernov N. *Russkoye religioznoye vozrozhdeniye XX veka* [Russian Religious Revival of the 20th Century] / Trans. from English. 2nd ed. Paris: YMCA-Press, 1991. 380 p.

Поступила в редакцию
14 марта 2018 г.

И.Н. Стрекалов*

Г.С. ХРУСТАЛЁВ-НОСАРЬ В 1905 г. К ПРЕДЫСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

I.N. Strekalov

G.S. KHRUSTALEV-NOSSAR IN 1905. TO THE HISTORY OF CREATION OF THE ST. PETERSBURG SOVIET OF WORKERS' DEPUTIES

Аннотация. История (и предыстория) создания Петербургского Совета рабочих депутатов, образованного в октябре 1905 г. и ставшего центром народного «советского» движения России, безусловно, требует дальнейшего изучения. Предметом данной статьи является анализ деятельности Г.С. Хрусталёва-Носаря в период до того, как он стал первым председателем Петербургского Совета. Целью исследования является рассмотрение его роли в рабочем движении в контексте вопроса формирования предпосылок к образованию Совета. Проблема впервые исследуется на основе не только опубликованных свидетельств самого Г.С. Хрусталёва-Носаря и его современников, но и архивных документов (делопроизводственных актов Департамента полиции МВД), воспоминаний участников событий (в частности, социал-демократов В. Перазича, П.Д. Колокольникова). Сравнительно-сопоставительный анализ сведений, почерпнутых из данных источников, позволяет шаг за шагом восстановить деятельность Г.С. Хрусталёва-Носаря в рабочих массах, его взаимодействие с представителями различных общественно-политических течений, понять, был ли он, по его собственному признанию, создателем «первого Совета», и выявить его роль в организационном движении рабочих, в формировании идеи создания Совета рабочих депутатов в Санкт-Петербурге в 1905 г. В статье подробно анализируется участие Г.С. Хрусталёва-Носаря в событиях, последовавших за «Кровавым воскресеньем», в выборах в комиссию сенатора Н.В. Шидловского, в проведении рабочих собраний на станции Удельной в

* *Стрекалов Илья Николаевич*, аспирант кафедры истории России XIX — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Strekalov Il'ya Nikolayevich, Postgraduate Student, Department of Russian History of the 19th and Early 20th Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-968-908-59-12, strek93@mail.ru

Петербурге, в деятельности Союза рабочих печатного дела. Проведенный анализ показывает, с одной стороны, почему Г.С. Хрусталёв-Носарь был избран в октябре 1905 г. председателем формировавшегося Петербургского Совета, а, с другой стороны, объясняет, почему он оказался в числе «забытых» деятелей периода Первой русской революции 1905–1907 гг., должным образом не освещенных в соответствующей литературе. Исследовательским вкладом в данном случае является восстановление, изучение роли отдельной личности, сыгравшей определенную роль в ходе революционных событий 1905 г.

Ключевые слова: Г.С. Хрусталёв-Носарь, Петербургский Совет рабочих депутатов, рабочий вопрос, самодержавие, Первая русская революция, рабочие союзы, депутаты рабочих, создание первых Советов.

Abstract. The history of and the background of the creation of Saint Petersburg Soviet of Workers' Deputies, which was formed in October 1905 and became the centre of the mass "Soviet" movement in Russia, undoubtedly demand further study. The subject of the present article is the analysis of G.S. Khrustalev-Nossar's activities in the period prior to his chairmanship in the Saint Petersburg Soviet. The study seeks to investigate his role in the workers' movement, putting it into the context of the preconditions for the creation of the Soviet. Unprecedentedly, the problem has been examined on the basis of not only the previously published accounts left by G.S. Khrustalev-Nossar and his contemporaries, but also archival documents (records of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs), memoirs of the parties involved in the events (particularly Social Democrats V. Perazich, P.D. Kolokol'nikov). The comparative analysis of the data from the afore-mentioned sources enables one to reconstruct, step by step, Khrustalev-Nossar's work among the workers, his communication with representatives of various socio-political movements, to perceive whether he was, as he claimed, the maker of "the first Soviet" and elucidate his role in the workers' organizational movement, in the forming of the idea to create the Soviet of Workers' Deputies in Saint Petersburg in 1905. The article examines in detail Khrustalev-Nossar's participation in the events following the Bloody Sunday, in the elections to Senator N.V. Shidlovsky's Commission, in the holding of workers' meetings at Udelnaya railway station in Saint Petersburg, in the activities of the Printing Workers' Union. On the one hand, the research shows why, in October 1905, Khrustalev-Nossar was elected chairman of the fledgling Saint Petersburg Soviet, and, on the other hand, explains why he eventually became one of the "forgotten" figures of the period of the first Russian Revolution, 1905–1907, and has never received due attention in the academic and nonfiction literature. In this case, the pioneering contribution is a study and new assessment of the role of the individual in the course of the 1905 revolutionary events.

Keywords: G.S. Khrustalev-Nossar, Saint Petersburg Soviet of Workers' Deputies, labor question, autocracy, the first Russian Revolution, labor unions, workers' deputies, creation of the first Soviets.

* * *

Роль некоторых участников Первой русской революции 1905–1907 гг. по-прежнему остается неизученной либо малоисследованной, в частности, когда речь идет об истории возникновения первых Советов рабочих депутатов. Современные исследования и публикации затрагивают такие аспекты событий 1905–1907 гг., как общественные настроения в ходе революционных волнений, деятельность Государственной думы, тактика отдельных политических и партийных течений в связи с событиями революции, ход революции в провинции и отдаленных уголках страны. Однако роль отдельных личностей в истории создания Советов рабочих депутатов — органов реального народовластия, стихийно возникших в самом народе в качестве ответной реакции на непоследовательную политику самодержавной власти в различных областях жизни общества и государства, которая привела к недовольству населения и, в результате, к революционной ситуации в стране, — нуждается в дополнительных исследовательских изысканиях. Прежде всего, речь идет о Петербургском Совете рабочих депутатов, образованном в октябре 1905 г. и ставшем центром народного «советского» движения России, и о его деятелях.

К «забытым» личностям в истории появления этого органа народного представительства относится Георгий Степанович Носарь (1877–1919 гг.), который, как известно, на втором заседании Совета стал его председателем. Он родился в Переяславе (Полтавская губерния) в семье ссыльного народовольца, по социальному происхождению являвшейся крестьянской; затем окончил Переяславскую и Киевскую гимназии, после чего поступил на юридический факультет Петербургского университета. В университете Носарь познакомился с Н.К. Михайловским, П.А. Кропоткиным, И.И. Мечниковым. Участвовал в студенческих волнениях 1899 г., за что был отправлен в ссылку, но сумел сдать экзамены экстерном и стать помощником присяжного поверенного, устроился на работу юрисконсультом в управление Харьковско-Николаевской железной дороги.

Г.С. Носарь, получив мандатное удостоверение некоего рабочего Хрусталёва, являвшегося депутатом комиссии сенатора Н.В. Шидловского, которая была создана для выяснения причин недовольства рабочих в связи с событиями «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г., стал «Хрусталёвым-Носарём» и известен под этой фамилией как первый председатель Петербургского Совета рабочих депутатов, образованного в октябре 1905 г. Это было время всеобщей стачки на фабриках и заводах, политического кризиса в стране, когда самодержавие было обеспокоено активным выдвижением рабочими (а

вслед за ними — отчасти и крестьянством) политических и экономических требований, их стремлением вступить в открытый конфликт с властью.

Роль Г.С. Хрусталёва-Носаря в революционном движении 1905–1907 гг., а именно — в создании Петербургского Совета рабочих депутатов, освещается в литературе, как правило, либо критически и негативно, либо слабо (вплоть до единичного упоминания), либо не рассматривается вовсе; его личность оценивается как незначительная или как случайная в истории создания Совета[1].

Между тем в 1906 г. вышла книга «История Совета Рабочих Депутатов г. С.-Петербурга», составленная из статей лиц, бывших членами исполнительного комитета Совета. Они изложили свои взгляды на события, участниками которых были, на роль и значение Совета рабочих депутатов. Свою позицию выразил в отдельном большом очерке и Г. С. Хрусталёв-Носарь. 9 января 1905 г., вошедшее в историю как «Кровавое воскресенье», по его мнению, было началом «движения всей рабочей среды»[2]. Кампания выборов представителей от рабочих в комиссию сенатора Шидловского, проходившая в январе–феврале 1905 г., также имела, по мнению автора очерка, значение: стало понятным «громадное влияние выборного рабочего представительства и подчинение ему всей рабочей массы»[3]. Последующие события, согласно бывшему председателю Петербургского Совета, тоже были весьма важны: «Массовки в Поповке, Удельной, Сосновке, заводские листки, партийная литература и кружки внедряли в сознание рабочих новые идеи»[4]. Переходя к истории создания Петербургского Совета рабочих депутатов, автор кратко обозначил истоки формирования Совета: «Стачечная революция родила Совет»[5]. Он отмечает, что призыв выбирать в «рабочий совет», был им брошен в массы 12 октября, на митинге в Технологическом институте, после того, как он рассказал историю образовавшегося в сентябре московского Совета депутатов лито-типографских рабо-

---

[1] Напр., см.: *Троцкий Л.* Хрусталёв // Луч. 1913. 21 марта. Опубл.: *Троцкий Л.Д.* Перед историческим рубежом. Политические силуэты // Сочинения. Т. 8. М.; Л., 1926; *Глинский Б.Б.* Развенчанные герои революции 1905 г. Г.С. Хрусталёв-Носарь // Исторический вестник. 1913. №6; *Сверчков Д.Ф.* Г.С. Носарь-Хрусталёв. Опыт политической биографии. Л., 1925; *Бондаревская Т.П., Великанова А.Я.* Петербургский Совет рабочих депутатов в 1905 году // Вопросы истории КПСС. 1958. №1; *Шустер У.А.* Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Л., 1976.

[2] *Хрусталёв-Носарь Г.* История Совета Рабочих Депутатов (до 26-го ноября 1905 г.) // История Совета Рабочих Депутатов г. С.-Петербурга. СПб., 1906. С. 48.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 49.

[5] Там же. С. 61.

чих. И уже 13 октября рабочие проводили выборы в намечавшийся петербургский Совет на заводах и фабриках.

Современники событий 1905–1907 гг. после завершения революции нередко писали о Г.С. Хрусталёве-Носаре в пренебрежительном тоне, вероятно, в связи с последовавшим после 1907 г. постепенным отходом Хрусталёва-Носаря от каких-либо политических партий и движений и тем обстоятельством, что в 1913 г. парижская полиция арестовала его по подозрению в совершении кражи у приятеля из-за недостатка средств для проживания. Последний факт обратил на себя внимание общественности, первый председатель Совета, его судьба стали обсуждаться в прессе. В связи с начавшейся дискуссией Хрусталёв-Носарь, посчитавший обвинения в свой адрес искажением фактов, выступал в печати.

В частности, в своем открытом письме Л.Д. Троцкому (члену исполкома Петербургского Совета в 1905 г.) под названием «Гласное обращение к Троцкому-Бронштейну», опубликованном в «Биржевых ведомостях» в 1913 г., он писал: «Будучи социал-демократом, я не вел борьбы с социал-демократией, но восставал против социал-демократов, стоящих левее здравого смысла, которые в погоне за левизной требовали бойкота комиссии Шидловского, превращения совета в партийное учреждение, отстаивали партийные профессиональные союзы и отдавали на разграбление кооперативное движение. Но, борясь с такими социал-демократами, я и мои ближайшие друзья-рабочие создали совет рабочих депутатов. Официальная социал-демократия не принимала в его создании никакого участия. Генезис совета относится к стачечному комитету, образованному нами 9-го января и председателем которого я состоял вплоть до моего ареста, к организационным выступлениям по проведению комиссии Шидловского, к собраниям рабочих, организованным мною летом 1905 года на Удельной»[6]. Интересно отметить, что данное высказывание в некоторой степени контрастирует с тем, о чём Хрусталёв-Носарь писал в 1906 г. в «Истории Совета...»: теперь он в большей степени акцентировал свою роль в создании Петербургского Совета, причем показывал, что был активным участником различных событий, которые подводил к явлению, обозначенному им как «генезис» Совета, имевшему место на протяжении всего 1905 г. (от января и «Кровавого воскресенья» до октября — непосредственного начала деятельности Петербургского Совета).

Представляется необходимым проанализировать выраженную в 1913 г. позицию Г.С. Хрусталёва-Носаря о «генезисе» Совета в течение

[6] *Глинский Б.Б.* Развенчанные герои революции 1905 г. Г.С. Хрусталёв-Носарь // Исторический вестник. 1913. №6. С. 993–994.

1905 г. и о его роли в данном процессе с точки зрения сведений, выявленных в делопроизводственных документах фонда Департамента полиции 1905 г. (Государственный Архив РФ), а также опубликованных документов и материалов по истории Первой русской революции 1905–1907 гг., мемуарных свидетельств и исследовательских работ современников, участников событий. Анализ данных источников позволяет проследить деятельность Г.С. Хрусталёва-Носаря с начала Первой русской революции («Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г.) до занятия им поста председателя Петербургского Совета рабочих депутатов в октябре 1905 г., выявить и оценить его роль в рабочем движении и формировании Совета, а также причины, по которым он так и не стал одной из значимых исторических личностей эпохи Первой русской революции.

Очевидно, что Г.С. Хрусталёва-Носаря интересовал рабочий вопрос (уровень зарплат и пособий, режим рабочего дня, условия труда рабочих, их право отстаивать свои интересы в представительных органах власти): будучи юристом, он выступал на стороне рабочих в трудовых спорах в суде, а когда начались революционные события, то, видимо, стал одним из тех представителей интеллигенции, которые своей культурно-просветительной деятельностью и обращением к власти стремились реально улучшить положение рабочего класса. В связи с данным обстоятельством представляют интерес мемуары «Неизвестная революция» Всеволода Волина (Эйхенбаума), бывшего в 1905 г. выпускником Санкт-Петербургского университета, позднее — представителя анархического общественного течения в эмиграции. Волин, занимавшийся в те годы просветительской деятельностью среди рабочих, утверждает, что первый Совет рабочих депутатов был образован вовсе не в октябре 1905 г. представителями социал-демократии, вообще не какой-либо партией, а стихийно, в январе, после «Кровавого воскресенья». После расстрела демонстрации, подавшей во главе с Георгием Гапоном петицию, было закрыто «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», и рабочие искали новую возможность удовлетворения своих политических и экономических требований. По мнению Волина, чувствовалась необходимость какой-либо организации, которая могла охватить всех рабочих и продолжить борьбу за эти требования. Он вспоминает: «Каждый день у меня происходили собрания четырех десятков рабочих нашего квартала. ...Мы с моими учениками искали возможности действовать и решили ликвидировать наши курсы, в индивидуальном порядке вступить в революционные партии и таким образом заняться реальным делом. Ибо все мы считали происходящие события

прологом грядущей революции»[7]. Далее Волин рассказывает, как познакомился с помощником присяжного поверенного Г.С. Носарём. Примерно через неделю после 9 января последний пришел к нему домой, убежденный в том, что Волин, как и он сам, не принадлежит к какой-либо партии, но выступает за решение рабочего вопроса, за помощь рабочим. При этом Носарь сказал: «Но лично я революционер и симпатизирую рабочему движению. Однако до настоящего времени я не знаю никого из рабочих. В либеральных, оппозиционных кругах у меня, напротив, знакомств немало. И у меня есть идея. Я знаю, что тысячи рабочих, их жен и детей уже сейчас терпят ужасные лишения, связанные со стачкой. Но мне также известно, что многие богатые буржуа, со своей стороны, хотят, но не знают, как помочь этим несчастным. Короче, я мог бы собрать значительные средства в пользу бастующих. Речь идет о том, чтобы распределить их организованно, по справедливости и с пользой. Для этого необходимо иметь контакты в рабочей среде. Я подумал о вас»[8]. Волин вспоминает, что Носарь на следующий день познакомился с его друзьями, принес несколько тысяч рублей. Потом эти деньги распределяли среди бастующих рабочих, а Носарь стал частым гостем у Волина. Автор воспоминаний утверждает, что на вечерних собраниях у него на квартире, в которых участвовали он сам, Носарь и несколько рабочих, возникла идея создать орган рабочих — комитет или совет, который «следил бы за развитием событий, служил бы связующим звеном между рабочими, разъяснял бы им ситуацию и мог бы, в случае необходимости, объединить вокруг себя революционные силы трудящихся»[9]. Позднее, по словам Волина, после того, как он отказался от предложения рабочих быть председателем этого «Совета», они предложили этот пост Носарю — последний согласился, а через несколько дней ему достали карточку с фамилией рабочего Хрусталёва, позднее он был выбран председателем собрания рабочих нескольких заводов со всего города и, будучи также председателем «Совета», сохранил этот пост за собой до ареста[10]. Именно в качестве делегата «Совета», утверждает автор воспоминаний, Хрусталёв-Носарь был избран в комиссию сенатора П.В. Шидловского, работавшую в январе–феврале 1905 г. с целью выяснения и, по возможности, удовлетворения требований рабочих, поданных ими в качестве делегатов этой комиссии.

---

[7] *Волин В. М.* Неизвестная революция. 1917–1921 / Пер. с франц. Ю.В. Гусевой. М., 2005. С. 67.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 68.

[10] Там же. С. 69.

Данное мемуарное свидетельство В.М. Волина (Эйхенбаума) представляется возможным рассмотреть с точки зрения других источников, содержащих сведения об описанных событиях. Сам Волин в примечании к одной из страниц воспоминаний пишет, что до того, как написал их, опубликовал весь этот рассказ в «Энциклопедии анархизма» французского анархиста Себастьяна Фора в статье «Революция». Интересно, что не в этой, а в другой статье, опубликованной также за подписью Волина под названием «Советы»[11], повествование о событиях января 1905 г. действительно соответствует тому, что он позднее описал в мемуарах.

Тем не менее, другие источники позволяют критически взглянуть на суждения Волина о появлении первого «Совета» в начале 1905 г. В архивном фонде Департамента полиции МВД имеется ряд документов, посвященных расследованию дела о так называемом «Рабочем союзе Санкт-Петербургского комитета Партии социалистов-революционеров» в 1905 г. Следственные действия по нему, равно как и задержания основных подозреваемых, среди которых был и Всеволод Эйхенбаум (в будущем — Волин), относятся к концу февраля. Интерес представляют программные установки этой организации. В одном из дел содержится «Манифест Петербургского Рабочего Союза Партии социалистов-революционеров»[12], составленный, судя по указанию в самом тексте, после 9 января. Авторы документа выступают за «социалистический строй, основанный на общественном владении средствами производства» и предлагают перейти в «царство социализма» путем «классовой народной революции», для чего необходима организация народных масс города и деревни «на основе революционной солидарности». «Рабочий народ», утверждают авторы, сделает свою жизнь лучше, если потребует созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, передаст всю землю в общественную собственность и покончит с самодержавием «в свободной демократической русской республике» (слова в тексте напечатаны прописными буквами. — И.С.). Указывалось, что необходимо прийти к социалистическому строю, не оставляя возможности для буржуазно-капиталистического уклада жизни и его представителей, для чего надо образовывать среди рабочих города и деревни братства и союзы для наступления «на царское, буржуазное и помещичье самовластие». «Еще недавно рабочий Петербурга стоял на коленях перед царем, царь казался ему великим и могучим. Теперь рабочий встал, выпрямился во весь рост, и никто не в силах опять

[11] *Voline.* "Soviets" // *Faure S.* Encyclopedie Anarchiste. T. 4. Paris, 1934. P. 2638–2641.

[12] ГА РФ. Ф. 102. Д. 7. Оп. 202. Д. 1141. Л. 5.

поставить его на колени»[13]. При сопоставлении с «Петицией рабочих Санкт-Петербурга для подачи царю Николаю II» очевидно, что «Манифест» выражал, прежде всего, установки партии социалистов-революционеров, а не те политические (свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, собраний, совести; ответственность министров перед народом и законность управления; участие рабочих в разработке законопроекта государственном страховании рабочих) или экономические (8-часовой рабочий день, охрана труда, нормальная заработная плата) требования, которые выдвигались самими рабочими. Сходство имеется лишь в упоминании «рабочих союзов», но если в «Манифесте» они представлялись необходимыми исключительно для народной революции и установления социалистического строя, то в «Петиции» они рассматривались как проявление свободы рабочих объединений. При этом требование созыва Учредительного собрания, безусловно, роднит эти два документа. «Манифест» подписан — его составил «Совет Представителей Петербургского Рабочего Союза Партии Социалистов-Революционеров». Сложно установить, исходя из материалов дела, кто входил в него. В одной из докладных записок по делу содержится информация о том, что «Рабочий Союз» был создан по инициативе некого потомственного дворянина Николая Васильевича Коршуна[14].

Дело «Рабочего союза» позволяет оценить обстоятельства, описанные в мемуарах В.М. Волина, прежде всего те, что связаны с собраниями рабочих и Г.С. Носаря у него на квартире. Сохранились показания, данные 2 апреля 1905 г. свидетелем, участником собраний — рабочим Василием Матвеевым, по происхождению — крестьянином Смоленской губернии Гжатского уезда. Матвеев, как он утверждал на допросе, попал к Эйхенбауму случайно, еще до 9 января, когда к нему подошла девушка, узнала, что он рабочий, дала адрес Эйхенбаума, который, как она утверждала, может помочь деньгами бедным и нуждающимся рабочим. Матвеев встретился с Эйхенбаумом, тот действительно передал ему деньги и велел раздать рабочим, взяв после раздачи у них расписку. Позднее, вспоминал Матвеев, 15 января (хотя он не был уверен точно в датах) он пришел на квартиру к Эйхенбауму: «Я тогда в этот день застал у него полную комнату народа, человек 20 или более. Были там Всеволод Николаев и кроме того *Георгий Степанович Носарь* (выделено мной. — *И.С.*), Локтов, Шутов и Тудер.... Происходило обсуждение того, что именно должны требовать рабочие в комиссии сенатора

[13] ГА РФ. Ф. 102. Д. 7. Оп. 120. Д. 1141. Л. 5.

[14] Там же. Л. 12.

Шидловского. Помню, говорили, что: свободы печати, слова, неприкосновенности личности. Кроме того, говорили речи о непригодности существующего строя в государстве, о виновности министров и тому подобное. В точности речей передать не могу. *Говорил по преимуществу Носарь* (выделено мной. — *И.С.*)»[15]. Матвеев отметил, что в выработке требований от рабочих для подачи в комиссию сенатора П.В. Шидловского участвовали все, кто присутствовал на собрании. Спустя несколько дней у него состоялся еще один разговор с Эйхенбаумом, который хотел через него вести пропаганду идей социалистов-революционеров посредством распространения книг и прокламаций, однако, как утверждает Матвеев, полученные прокламации он уничтожил, не читая[16].

Анализ материалов дела позволяет установить лиц, описанных в показаниях Матвеева. Все они — молодые люди 20–25 лет: Всеволод Николаев — студент Электротехнического института, остальные (по крайней мере, по происхождению) — мещане: Михаил Шутов — из г. Себежа, Моисей Локтов — из Смоленска, Евгений Тудер — из Пскова. Что касается хронологии описанных событий, то, очевидно, Матвеев неслучайно сделал оговорку о недостаточно хорошем запоминании дат, поскольку, как известно, комиссия сенатора П.В. Шидловского была создана указом императора Николая II 29 января, что намного позже данной Матвеевым датировки собрания, на котором обсуждалось выдвижение требований в нее, — 15 января. Если допустить, что собрание проходило в январе, то, вероятно, речь шла о выработке требований рабочих по отношению к власти вообще, а не в связи с комиссией. Позднее, когда на тех же квартирных собраниях это обсуждалось применительно к созданной комиссии, при активном участии Г. С. Хрусталёва-Носаря, эти положения в том числе легли в основу требований рабочих (в таком случае Матвеев совершил большую ошибку, хронологически «смешав» или переставив местами описываемые события). Если же считать, что Матвеев по какой-то причине исказил дату собрания и оно происходило позже, после 29 января, то на собрании действительно вырабатывались требования в комиссию Шидловского. Не исключено и то, что детали рассказа Матвеева были им выдуманы либо изменены ввиду каких-то иных обстоятельств.

В связи с материалами дела о «Рабочем союзе» встает вопрос о том, насколько достоверно мемуарное свидетельство В.М. Волина о первом «Совете». Волин предстает в мемуарах как беспартий-

[15] Там же. Л. 20.

[16] Там же. Л. 20об.

ный, занимающийся культурно-просветительской деятельностью среди рабочих, равно как и Носарь, предложивший свою помощь, в том числе деньгами. Очевидно, что Волин, будучи в эмиграции анархистом, решил умолчать в мемуарах о своей принадлежности к социалистам-революционерам в молодые годы. При обыске в феврале 1905 г. у него были обнаружены «революционные издания (несколько тысяч экземпляров), револьвер с патронами, переписка»[17]. Частные собрания на квартире, организованные студентами-пропагандистами определенной партийной принадлежности, вряд ли можно считать «первым Советом», особенно в свете положений, описанных в «Манифесте Петербургского Рабочего Союза», имеющих мало общего с требованиями в «Петиции» демонстрации рабочих 9 января. Даже со слов рабочего Матвеева, установки, которые обсуждались на собраниях, носили преимущественно политический характер, а вовсе не экономический, т. е. не касались непосредственно вопроса улучшения положения рабочих, как о том писал Волин.

Что касается роли Носаря, то ввиду недостаточности сведений, которые можно почерпнуть из источников, представляется возможным выдвинуть следующую версию. Не принадлежавший к какому-либо партийному течению, но собиравший деньги на помощь рабочим, помощник присяжного поверенного действительно хотел защищать интересы пострадавших 9 января, выступал за решение насущных проблем представителей рабочего класса в целом и нашел для выражения, распространения своих взглядов на рабочий вопрос среди самих рабочих некую «площадку» в виде квартиры Эйхенбаума (Волина), доверился ему, а последний, будучи представителем эсеров, использовал появившуюся финансовую возможность и решил проводить пропаганду и агитацию среди рабочих, в том числе привлекая их посредством распространения денег. Как бы то ни было, Носарь выступал за интересы рабочих, поэтому произносил перед ними речи о необходимости организованного выступления с требованиями перед властью. Не исключено, что он что-то раздавал участникам собраний в качестве материала для обсуждения или документа для совершения каких-либо действий. Так, при обыске у задержанных участников собрания находили разные бумаги: у Николаева были обнаружены «*Петиция рабочих Государю Императору* (выделено мной. — *И.С.*) и письма Амфитеатрова, переписка»[18], у Тудера, в частности, нашли лист сбора пожертвований для рабочих, а также «проект заявления

[17] ГА РФ. Ф. 102. Д. 7. Оп. 202. Д. 6723. Ч. 108. Л. 3 об.

[18] Там же. Д. 6149. Ч. 2. Л. 3об.

с отказом рабочих участвовать в комиссии Шидловского до открытия 11-ти отделов "Собраний" (оставлено место от какого завода депутатов)»[19]. Возможно, Носарь предлагал участникам собрания выдвигаться на выборах в делегаты от рабочих.

События, связанные с указом императора Николая II от 29 января 1905 г. об образовании комиссии сенатора П.В. Шидловского для выявления требований рабочих с участием представителей как дворянства, так и рабочего класса, подтолкнули Носаря к более решительным, чем дискуссии на квартирах, действиям. Он задался целью стать делегатом рабочих в комиссии. Будучи адвокатом рабочих фабрики Чешера, представителем текстильщиков, Носарь получил документы выборщика от Никольской мануфактуры П.А. Хрусталёва, что является общеизвестным фактом в научной литературе о рабочем движении в 1905 г.[20] Правда, неясно, как именно Носарь получил этот мандат. В мемуарах В.М. Волин утверждает, что на собраниях в его квартире рабочие сами выбрали председателем своего «Совета» Носаря, а через несколько дней достали ему карточку на имя Хрусталёва[21]. Однако имеется свидетельство противоположного характера. В. Перазич, вспоминая о текстильщиках 1905 г., писал, что Носарь познакомился с рабочими после 9 января ввиду затянувшейся на фабрике Чешера забастовке: владелец не хотел платить рабочим за стачечные дни. Ткачи с Никольской фабрики каким-то образом узнали, что через Носаря можно достать деньги для стачечников, нашли его. Помощник присяжного поверенного передал им 150 рублей (Перазич в примечании отмечает, что это, скорее всего, деньги из суммы в 60 тысяч рублей, собранной для стачечников и находившейся в «Красном кресте», а также из суммы в 25 тысяч рублей, пожертвованных Санкт-Петербургской городской думой), после чего «увлек их в хождение по министерским передним, чтобы через начальство как-нибудь повлиять на несговорчивого фабриканта, а когда это не удалось, взялся высудить для них у Чешера через мировой суд оплату за дни забастовки»[22]. Относительно «походов» к министру автор пишет, что Носарь в январе водил нескольких рабочих (в том числе и Хрусталёва, документы которого впоследствии получил) с прошением к министру финансов В.Н. Коковцову[23]. Как

---

[19] Там же. Ч. 4. Л. 8.

[20] *Шустер У.А.* Петербургские рабочие в 190–1907 гг. Л., 1976. С. 105.

[21] *Волин В. М.* Указ. соч. С. 69.

[22] *Перазич В.* Текстильщики в комиссии Шидловского // Красная летопись. 1930. № 6. С. 52.

[23] Там же. С. 61.

утверждается в очерке комиссии Истпарта фабрики «Красный маяк», эта депутация рабочих была избрана всем коллективом фабрики Чешера; наряду с требованием оплатить 17 дней стачки и жалобами на плохие условия проживания, а также притеснения со стороны администрации, в прошении говорилось о необходимости предоставить рабочим право союзов и собраний, сходов, стачек, свободу слова, учредить посреднические комиссии[24]. Прошение было подано, судя по тексту, по крайней мере после 28 января и от имени 5 рабочих, однако не исключено и вполне вероятно, что Носарь принял участие в его составлении.

На собрании рабочих-ткачей Никольской фабрики, где не было социал-демократов (Перазич считает, что этого добился Носарь), в выборщики в комиссию Шидловского оказались избраны беспартийные П.А. Хрусталёв и А.П. Коротков. Ссылаясь на рассказ самого Хрусталёва, Перазич утверждает, что Носарь попросил его организовать некое предварительное собрание выборщиков, и под видом беседы-чаепития оно состоялось в доме Герда на станции Удельной Финляндской железной дороги[25]. Присутствовало 15 выборщиков от рабочих — как текстильщиков, так и металлистов. На собрании, если верить Перазичу, передавшему рассказ Хрусталёва, произошло следующее: «Здесь, указав на неудачу попытки добиться у сенатора Шидловского разрешения рабочим поручать защиту своих интересов в комиссии интеллигентам, Носарь сделал предложение, чтобы его провели в комиссию Шидловского, доказывая, что опасно было бы оставить там без руководства слишком неопытных представителей массы...»[26]. Носарь был юристом и мог бы представлять интересы рабочих профессионально, чтобы представители власти не провели в окончательные решения комиссии выгодные им формулировки тех или иных положений. Речь Носаря, видимо, была убедительной, поскольку после сказанного рабочий Хрусталёв передал ему свои документы делегата.

Помощник присяжного поверенного, находясь в среде рабочих-текстильщиков, стал вырабатывать программу требований, которую следовало представить во властные структуры для последующего разрешения проблем, связанных с рабочим вопросом. Видимо, он понимал, что прежде всего надо было обеспечить грамотное, законное представительство рабочих в комиссии

---

[24] Фабричный Истпарт. 1905 год на ткацкой фабрике Чешера // Первая русская революция в Петербурге 1905 г. Сб. 2. Л., 1925. С. 17.

[25] Там же. С. 53.

[26] Там же.

Шидловского. В выпускавшемся тогда «Вестнике фабричного законодательства и профессиональной гигиены» в феврале 1905 г. было опубликовано заявление рабочих фабрики Чешера. Оно включало следующие требования: открытие 11 отделов рабочих Санкт-Петербурга, проведение выборов представителей рабочих в отделах производств (1 человек — от предприятия с количеством рабочих менее 500, 2 человека — если более 500, 1 человек на тысячу рабочих — если более 2000, 1 человек от каждого отдела), свободный характер выборов (в том числе избрание представителей не только из рабочих, но и других, которых изберут они сами). В противном случае, утверждали авторы заявления, комиссия будет состоять из промышленников и чиновников: «Но такое случайное представительство рабочих не только не способно выяснить нужды рабочих, но оно вызовет еще большее волнение в рядах рабочего класса»[27]. Очевидно, что требование о праве избирать не рабочих, а иных лиц по их желанию могло быть выработано именно для Носаря как представителя скорее интеллигенции, чем рабочего движения. Заявление было сделано, но, как утверждал депутат Петербургского Совета Д.Ф. Сверчков, ввиду отсутствия легальной возможности стать депутатом Носарь склонил Хрусталёва к передаче ему документов делегата от рабочих[28]. Историк В.И. Невский в своей статье 1922 г. указал на то, что именно по настоянию Хрусталёва-Носаря проводилось и требование об открытии 11 отделов гапоновского «Собрания»[29]. В его письме к Шидловскому содержалось обоснование: «Если в течение ближайших дней не будут исполнены желания рабочих, изложенные в поданном Вам прошении депутатов фабрики Чешера, то в Петербурге начнется опять всеобщая забастовка, и тогда комиссия будет бессильна разрешить задачу»[30]. Для предотвращения такого возможного исхода событий Носарь просил Шидловского как можно скорее открыть 11 отделов «Собрания» под свою личную ответственность.

Незадолго до подачи окончательных требований в комиссию выборщики, объединенные в несколько групп, стали добиваться у Шидловского разрешения собраться для предварительного обсужде-

---

[27] Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены. 1905. №2. С. 109.

[28] *Сверчков Д.Ф.* Г. С. Хрусталёв-Носарь. Опыт политической биографии. Л., 1925. С. 9. Автор, однако, указывает, что Носарь хотел выдвинуться от печатников, а не от текстильщиков, чьи требования представлены выше.

[29] *Невский В.* Выборы в комиссию сенатора Шидловского (1905 г.) // Архив истории труда в России. Кн. 3. Петроград, 1922. С. 89.

[30] Там же.

ния выдвигаемых требований, и они его получили — такие встречи были проведены в Народном доме графини Паниной и в Народном доме Нобеля 16–17 февраля, в каждом по несколько групп. Попивая чай с бутербродами, присутствовавшие (после удаления представителей полиции, журналистов правых общественно-политических воззрений) под руководством Хрусталёва-Носаря обсуждали, какие требования должны выдвинуть рабочие. Перазич пересказывает эти требования. Они вырабатывались несколькими группами выборщиков (в том числе, например, металлистами, первоначально заседавшими отдельно) и оказались более конкретными, чем заявление одной фабрики Чешера. Требования, которые затем были поданы в комиссию П.В. Шидловского перед выборами непосредственно депутатов рабочих из выборщиков, выглядели так. Во-первых, открытие 11 отделов «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», которое мотивировано следующим образом: «Только с открытием отделов мы, получив свободу собраний, сможем путем обмена мнений рабочими разных фабрик и заводов выработать и объединить все наши требования и только в отделах наши депутаты могут давать отчеты о работах в комиссии своим товарищам-избирателям»[31]. Во-вторых, комплекс организационных требований о депутатах: право присутствия на общих собраниях, а не выявление мнения путем опроса; свобода слова в комиссии, гласность отчетов о работе комиссии (возможность их публикации в печати без цензуры). Третьим требованием было обеспечение гарантий неприкосновенности личности и жилища рабочих, а четвертым — «привлечение в комиссию представителей рабочих мелких производств»[32]. Исследователь У.А. Шустер отмечает, что, по сути, собрание приняло социал-демократическую резолюцию, положения которой были отражены, в том числе, в листовках и прокламациях ПК РСДРП[33]. Тем не менее, 18 февраля Шидловский объявил всем группам выборщиков ответ, который заключался в том, что пункты об открытии 11 отделов, освобождении арестованных с 1 января и неприкосновенности личности и жилища рабочих не могут быть удовлетворены, поскольку находятся не в его компетенции, — «они выходят за пределы возложенных на комиссию задач»[34]. Рабочие бойкотировали выборы, а поскольку они не состоялись в 7 из 9 групп выборщиков, Шидловский ходатайствовал перед императором о

[31] *Перазич В.* Указ. соч. С. 54.

[32] Там же. С. 55.

[33] *Шустер У.А.* Указ. соч. С. 104–105.

[34] Там же. С. 106.

прекращении работы комиссии, и его прошение было удовлетворено. Таким образом, вопрос о полноценном представительстве рабочих в комиссии сенатора П.В. Шидловского не был разрешен положительно. Более того, 18 февраля Хрусталёв-Носарь, переодетый рабочим, был задержан полицией. Он заявил, что проник на выборы, интересуясь рабочим вопросом ввиду работы над диссертацией по этой проблеме и сбора по ней материалов[35], — последнее, скорее всего, было выдумкой.

Дальнейшие действия помощника присяжного поверенного сложно проследить по источникам. Полиция за неимением веских юридических оснований, чтобы привлечь к ответственности, отпустила его. По свидетельству большевика, члена исполкома Петербургского Совета в октябре-ноябре 1905 г. Д.Ф. Сверчкова, «...история с проникновением в число выборщиков в комиссию Шидловского Носаря с чужими документами нашумела в Петербурге. Либерально-буржуазные круги, конечно, принимали все меры, чтобы как можно более широко рекламировать таланты того, кто — единственный! — брался проводить в рабочих кругах их идеи и вербовать сторонников их политики»[36]. Сами по себе действия адвоката — созыв представительства от рабочих при наличии определенных прав и свобод для согласованной выработки решений с представителями власти — действительно могли быть симпатичны представителям либеральной интеллигенции. Считается, что примерно с весны 1905 г. Г.С. Хрусталёв-Носарь примкнул к их движению, в частности, к группе «Союз освобождения», из которой, как известно, впоследствии, осенью появилась партия конституционалистов-демократов (кадетов). В истории профессионального движения 1920-х гг. он причислялся к этой «леволиберальной» группе наряду с С.Н. Прокоповичем, Е.Д. Кусковой, В.В. Португаловым[37]. К «освобожденцам» на тот момент его причисляли и Д.Ф. Сверчков[38], и В. Перазич[39].

Г. С. Хрусталёв-Носарь в своем заявлении о «генезисе Совета» в 1913 г. упомянул, что к нему относятся организованные им собрания с рабочими на станции Удельной (Финляндской железной дороги).

---

[35] *Сверчков Д.Ф.* Г. С. Хрусталёв-Носарь. Опыт политической биографии. Л., 1925. С. 9.

[36] Там же.

[37] *Васильев П.* Синдикалистские и другие группы в профессиональном движении 1905–07 гг. // Материалы по истории проф. движения в Петербурге за 1905–1907 гг. Л., 1926. С. 194.

[38] *Сверчков Д.Ф.* Указ. соч. С. 9.

[39] *Перазич В.* Указ. соч. С. 54.

Архивные документы Департамента полиции МВД подтверждают проведение таких встреч. Как известно, в июле адвокат был задержан: прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты в связи с вопросом о законности нахождения Хрусталёва-Носаря под стражей отмечал, что в момент задержания в его квартире находились 16 рабочих, а также литератор Александр Покровский и студент Технологического института Александр Маковецкий. По сведениям охранного отделения, «задержанные у Носаря лица состоят членами союза рабочих группы "Освобождение"», причем Носарь являлся организатором и руководителем собравшейся у него сходки, целью которой было «обсуждение программы союза и порядка демонстративного празднования дня полугодовщины январских беспорядков»[40]. При этом, как указывал прокурор, на формальном дознании данные сведения не нашли подтверждения.

Тем не менее, сведения охранного отделения небезосновательны. Опубликованы воспоминания меньшевика П. Колокольникова о том, какую деятельность вели «освобожденцы» весной–летом 1905 г. В конце мая — начале июня, отмечал он, в Петербургской городской думе некий «проходимец Джани» устроил собрание «желтого общества труда», где было много рабочих, и в самом его начале организатор был отстранен, а председательствовать стал Хрусталёв, предметом обсуждения была «дискуссия о профессиональных союзах»[41]. Позднее, отмечал Колокольников, рабочие ему сообщили: в первой половине июня на Выборгской стороне какой-то «освобожденец» собирает по воскресеньям рабочих «и ведет разговоры об организации профессионального союза»[42]. Они показали ему «проект», который Колокольников видел у Покровского. Речь шла об упомянутом в документах полиции литераторе, присутствовавшем на собрании на Удельной, — Александр Покровский заведовал общественной библиотекой в селе Смоленском за Невской заставой и в своих убеждениях тогда «колебался» между «освобожденцами» и социал-демократами. Колокольников отмечает, что среди бумаг Покровского ознакомился с «проектом общерабочего союза». Первичная его ячейка — заводской союз; такие союзы объединяются в районные, затем — в городские, а все городские должны были соединиться во всероссийский. Предполагалась автономия на уровне заводских союзов и беспартийность всей организации, хотя к проекту была приложена политическая

---

[40] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 1073. Л. 7.

[41] *Колокольников П. (Дмитриев К.).* Отрывки из воспоминаний. 1905–1907 гг. // Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. 2. М., 1924. С. 222.

[42] Там же. С. 218.

программа, близкая по взглядам к «освобожденчеству». Таких проектов устава и платформы союза у Покровского, по свидетельству Колокольникова, было немало, и он распространял их в рабочей среде[43]. Правда, сами «освобожденцы» скоро от этого проекта отказались. Однако его распространение продолжалось — и те собрания «освобожденцев», о которых Колокольникову рассказывали рабочие, проводил на Выборгской стороне, на даче в Лесной именно Хрусталёв-Носарь. Впрочем, Колокольников не успел его увидеть — на пути в Лесную он узнал, что помощник присяжного поверенного арестован. Автор воспоминаний сомневался в том, насколько тесно арестованный был связан с «освобожденцами», однако, как видно из сопоставления сведений охранного отделения и его воспоминаний, с отдельными их проектами Хрусталёв-Носарь был знаком и, ввиду умеренности собственных взглядов, разделял их в тот момент, пропагандировал среди рабочих.

Г.С. Хрусталёв-Носарь находился под арестом вплоть до начала сентября. По воспоминаниям В. Перазича, после освобождения он стремился, опираясь на ткачей фабрики Чешира, с которыми участвовал в кампании по выборам в комиссию Шидловского в феврале, усилить свое влияние среди текстильщиков и продолжить создание профессионального союза, в том числе участвуя в Первой Всероссийской конференции профессиональных союзов в начале октября 1905 г.[44] Но Перазич отметил, что в Петербурге усилилось влияние социал-демократии, поэтому инициатива в создании профсоюза перешла к ее представителям. Косвенно ослабление позиций Хрусталёва-Носаря подтвердил Колокольников: на совещаниях провинциальных делегатов союзов рабочих в Москве 6–7 октября «Хрусталёв скромно сидел у стенки, направо от председателя, и выступал только с небольшими репликами»[45].

В «Истории Ленинградского союза рабочих полиграфического производства» (1925 г.) указано, что в начале октября на Всероссийскую конференцию Хрусталёв-Носарь был отправлен как представитель и юрисконсульт Союза рабочих печатного дела[46], а не текстильщиков — возможно, именно потому, что его влияние на ткачей ослабло, он решил защищать интересы печатников, стремясь

---

[43] Там же. С. 217.

[44] *Перазич В.* Указ. соч. С. 61.

[45] *Колокольников П. (Дмитриев К.).* Указ. соч. С. 232.

[46] История Ленинградского союза рабочих полиграфического производства. Кн. 1 (1904–1907). Л., 1925. С. 183. В примечаниях к тексту сборника (с. 431) указано, что юрисконсультом Союза он стал 2 октября, а до избрания в Совет рабочих депутатов среди печатников широко известен не был, появившись в Союзе случайно.

завоевать их доверие в кратчайшие сроки и на основании этого продвинуться дальше в реализации своих замыслов по рабочему вопросу. По воспоминаниям Д.Ф. Сверчкова, он участвовал в забастовке московского Союза печатников в конце сентября, а 12 октября выступал с докладом о ней уже на митинге петербургского Союза печатников[47]. Именно петербургские печатники (возможно, сыграл свою роль опыт адвоката московского Союза рабочих той же специализации) выбрали Хрусталёва-Носаря одним из 10 человек в Совет рабочих депутатов. На втором заседании Совета после долгих споров депутаты сошлись на том, что председатель должен быть беспартийным, чтобы Совет постоянно не уходил в дискуссии, — таким человеком себя и обозначил помощник присяжного поверенного[48]. Впоследствии, когда в конце ноября председатель Петербургского Совета рабочих депутатов Г. С. Хрусталёв-Носарь будет арестован, печатники выразят протест и потребуют освободить его и других арестованных: «Возмущенные диким нападением полицейской банды на наше Бюро и на помещение Совета рабочих депутатов и захватом председателя Совета, юрисконсульта нашего Союза, товарища Хрусталёва-Носаря,... мы требуем немедленного освобождения Хрусталёва... и протестуем против наглого вторжения полиции в помещение нашего Союза»[49].

Таким образом, рассмотрев и сопоставив различные источники, связанные с деятельностью Г.С. Хрусталёва-Носаря от начала Первой русской революции, с «Кровавого воскресенья», до занятия им поста председателя Петербургского Совета рабочих депутатов в октябре 1905 г., можно прийти к определенным выводам. Помощник присяжного поверенного интересовался рабочим вопросом, рабочим движением и его проблемами, искал пути их разрешения. При этом он исходил из возможности «договорной» основы решения вопроса, не выступая с идеей свержения самодержавия. Хрусталёв-Носарь активно продвигал идеи социального обеспечения рабочих (собрания с рабочими на квартире студента-эсера В.М. Волина), создания демократичного представительства рабочего класса для выработки собственных требований и предоставления их на рассмотрение власти (кампания по выборам в комиссию сенатора П. В. Шидловского), организации профессиональных союзов как учреждений, последовательно отстаивавших интересы рабочих (пропаганда среди

---

[47] *Сверчков Д. Ф.* Указ. соч. С. 30.

[48] Там же. С. 12.

[49] История Ленинградского союза рабочих полиграфического производства. Кн. 1 (1904–1907). Л., 1925. С. 236.

рабочих на собраниях идей либерально-буржуазной группы «Союз освобождения», участие представителем от рабочих-печатников во Всероссийской конференции профессиональных союзов). Данная деятельность теоретически может рассматриваться как «генезис Совета», однако четкой логической, последовательной связи между этими эпизодами и появлением в октябре 1905 г. Петербургского Совета рабочих депутатов, в том числе в силу недостаточности источников, не представляется возможным выявить.

Тем не менее, все эти направления деятельности адвоката привели к тому, что рабочее движение Петербурга хорошо узнало Г.С. Хрусталёва-Носаря, и когда представители партий и общественных течений в образовавшемся Совете рабочих депутатов не смогли договориться о кандидатуре на пост председателя Совета, то остановились именно на нем — с одной стороны, его позицию по отстаиванию интересов рабочего класса знали сами его представители, с другой — он представлялся беспристрастным в силу своей беспартийности. Однако именно последняя, как представляется, не позволила ему стать «героем» Первой русской революции, в отличие, например, от члена исполкома того же Петербургского Совета Л.Д. Троцкого: он не возглавлял массовых публичных акций, не работал организационно в каком-то одном общественном течении, постоянно примыкая со своими соображениями по рабочему вопросу то к одному, то к другому направлению общественной мысли, что не давало ему возможности выработать твердую, самостоятельную общественно-политическую позицию и полноценно проявить себя как личность в ходе революционных событий. В таком случае Хрусталёв-Носарь, приложивший некоторые усилия к «генезису» Петербургского Совета рабочих депутатов в 1905 г., после окончания революции мог рассчитывать только на «забвение» и роль «случайного человека» в истории.

References

Bondarevskaya T.P., Velikanova A.Ya. *Peterburgskiy Sovet rabochikh deputatov v 1905 godu* [The Saint Petersburg Soviet of Workers' Deputies in 1905] // *Voprosy istorii KPSS*. 1958. № 1, pp. 55–71.

Fabrichnyy Istpart. 1905 god na tkatskoy fabrike Cheshera [Factory Istpart. 1905 at the Chesher Weaving Factory] // *Pervaya russkaya revolyutsiya v Peterburge 1905 g.* [The First Russian Revolution in Saint Petersburg in 1905]. Sb. 2. Leningrad: Gosizdat, 1925. 147 p.

Glinskiy B.B. *Razvenchannyye geroi revolyutsii 1905 g. G.S. Khrustalyov-Nosar'* [Debunked 1905 Revolution Heroes. G.S. Khrustalev-Nossar] // *Istoricheskiy vestnik*. 1913. № 6, pp. 1190–1217.

Shuster U.A. *Peterburgskiye rabochiye v 1905–1907 gg.* [Petersburg Workers in 1905–1907]. Leningrad: Nauka, 1976. 282 p.

Sverchkov D.F. *G.S. Nosar'-Khrustalyov. Opyt politicheskoy biografii* [G.S. Nossar-Khrustalev. An Attempt at Political Biography]. Leningrad: Gosizdat, 1925. 50 p.

Trotsky L.D. *Pered istoricheskim rubezhom. Politicheskiye siluety* [Before the Historical Milestone. Political Silhouettes] // Trotsky L.D. *Sochineniya* [Collected Works]. T. 8. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1926. 373 p.

Voline V.M. *Neizvestnaya revolyutsiya. 1917–1921* [The Unknown Revolution, 1917–1921] / Trans. from French by Yu.V. Guseva. Moscow: Praksis, 2005. 608 p.

Voline V.M. "Soviets" // Faure S. Encyclopédie Anarchiste. T. 4. Paris: Librairie Internationale, 1934, pp. 1969–2893.

Поступила в редакцию
14 февраля 2018 г.

М.Г. Алмазов*

«С СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ ЕЖЕДНЕВНЫЕ СОВЕТЫ У МЕНЯ»: К ВОПРОСУ О РОЛИ ВОЕННО-ПОЛИЦЕЙСКИХ СОВЕЩАНИЙ В ПЕРИОД ДЕКАБРЬСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ 1905 г.

M.G. Almazov

"FROM TODAY ON, I WILL HOLD DAILY COUNCILS": REVISITING THE ROLE OF THE MILITARY-POLICE COUNCILS IN THE DECEMBER ARMED UPRISING 1905

Аннотация. Предметом исследования в настоящей статье является ряд аспектов деятельности военно-полицейских совещаний при московском генерал-губернаторе Ф.В. Дубасове, созданных во время Декабрьского вооруженного восстания: причины и процесс образования данного органа, его состав, повестка заседаний, принятые решения и их претворение в жизнь. Цель исследования — определение эффективности этой институции и ее роли в ходе подавления «мятежа», что значимо в плане изучения взаимоотношений гражданских и военных властей в период Первой русской революции. Указанные вопросы не получили рассмотрения в историографии: авторы, занимавшиеся историей Московского восстания, либо не писали о военно-полицейских совещаниях, либо упоминали о них лишь вскользь. Взаимодействие между гражданскими и военными властями в первые дни восстания проходило со значительными сложностями (несогласованность акций полиции и войск, широко применявшийся военными обстрел домов мирных жителей без ущерба для революционеров, практика посылки командованием Московского военного округа экспедиций для разрушения баррикад при их неспособности взять под свой контроль окраины города). Это побуждало генерал-губернатора Ф.В. Дубасова принимать меры для установления надзора за силами МВО. Одной из них стало создание совещаний под его председательством. В заседаниях этого органа, проходивших практически ежедневно, принимал участие широкий круг гражданских и военных руководителей города. Обсуждались планы и итоги важнейших военных операций против «мятежников» (например, экспедиций на Пресню

* *Алмазов Михаил Григорьевич,* аспирант кафедры истории России XIX — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Almazov Mikhail Grigorievich, Postgraduate Student, Department of Russian History of the 19th and Early 20th Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-925-686-05-73; vnm128@mail.ru

и по Московско-Рязанской железной дороге). Генерал-губернатору в итоге удалось заставить военных принять его тактику: последовательное занятие и «очищение» районов, находившихся в руках революционеров. Однако данный орган страдал рядом недостатков: позднее время проведения, нестрогая явка членов, спешка в организации планируемых операций, отсутствие реального контроля за действиями военных. Эти факторы обусловили многочисленные «сбои» при проведении операции по захвату последнего оплота восставших — Пресни.

Ключевые слова: Первая русская революция, Декабрьское вооруженное восстание, Ф.В. Дубасов, генерал-губернатор, военно-полицейское совещание, В.Г. Глазов, штаб Московского военного округа.

Abstract. The present article examines a number of the issues relating to the activities of the military-police councils established under Moscow Governor-General F.V. Dubasov during the December armed uprising — the causes and process of formation of this body, its structure and composition, meeting agendas, decisions and their implementation. The purpose of research is to evaluate the efficiency of this institution and to establish its role in suppressing the "insurrection", and this is important to study the relationship between civil and military authorities during the first Russian Revolution. These issues have not received treatment in historiography: those authors who deal with the history of the Moscow uprising either have completely ignored the military-police councils, or mentioned them only in passing. In the first days of the uprising, the interaction between civilian and military authorities was fraught with significant difficulties (inconsistency in police and military operations, the massive shelling of civilians' homes by the military forces without causing damage to the rebels, the practice of sending expeditions by the commander of the Moscow military district to destroy barricades, inability to bring the outskirts of the city under their control). This prompted Governor-General F.V. Dubasov to take measures to provide supervision over the forces of the Moscow Military District, including establishment of the military-police councils under his chairmanship. The meetings of this body were held almost daily and attended by a wide range of civilian and military high-rank officials of the city. They discussed the plans and results of the most important military operations against the "rebels" (for example, punitive expeditions to Presnya and along the Moscow–Ryazan' Railway). The governor-general eventually managed to persuade the military to adopt his tactics, i. e. the step-by-step occupation and "cleansing" of the regions that remained in the hands of the revolutionaries. However, the work of this body was handicapped by a number of shortcomings: late timing, loose attendance, haste in organizing operations, and the lack of real control over the military actions. The interplay of these factors led to numerous "failures" during the operation to capture the last stronghold of the rebels — Presnya.

Keywords: First Russian Revolution, December armed uprising, F.V. Dubasov, governor-general, military-police councils, V.G. Glazov, Headquarters of the Moscow Military District.

* * *

Московское вооруженное восстание 1905 г. неоднократно привлекало внимание историков[1]. Изучались и действия московских властей во главе с генерал-губернатором вице-адмиралом Ф.В. Дубасовым[2]. Но проблема взаимоотношений гражданского и военного руководства (в первую очередь штаба Московского военного округа) специально не ставилась. Не исследовался и пример их взаимодействия — создание и работа совещаний при генерал-губернаторе, состоявших из представителей военного командования и администрации. Данный вопрос представляет интерес при изучении механизма принятия решений при подавлении Декабрьского восстания, их реализации и эффективности. Этот сюжет является темой настоящей статьи.

Основными источниками при ее написании послужили официальная документация (доклады Ф.В. Дубасова и командующего войсками МВО Николаю II, донесения командиров военных отрядов о своих действиях, запись переговоров по телефону между штабом МВО и отрядом полковника Г.А. Мина, распоряжения штаба МВО Мину, справка штаба МВО о вторичном открытии стрельбы по Прохоровской мануфактуре 17 декабря) и особенно материалы личного происхождения (дневники Дубасова и помощника командующего войсками МВО В.Г. Глазова, мемуары председателя Совета министров С.Ю. Витте, исполнявшего должность московского губернатора В.Ф. Джунковского и дежурного генерала штаба МВО М.С. Тюлина).

Согласно дневнику Дубасова, 14 декабря вечером он присутствовал в Кремле на заседании Военного совета[3]. Глазов характеризует этот орган как «общие совещания администр[ации] и полиции и военачальников»[4]. Значит, новая «коллегия» представляла собой совещание военных, административных и полицейских чинов для координации их действий при подавлении восстания.

---

[1] *Черномордик С.И.* Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. М., 1926; *Яковлев Н.Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957; *Вальдин А.С.* Социально-политическая борьба накануне и во время Декабрьского вооруженного восстания. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

[2] *Сторожев В.Н.* Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Материалы по истории пролетарской революции. Сб. № 3-й. М., 1919. С. 60–207; *Шатина Н.В.* Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с первой российской революцией (На примере Москвы). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989; *Воробьева Ю.С.* Федор Дубасов в декабре 1905 года // Вестник архивиста. 2001. №4–5. С. 360–368.

[3] Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве // Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг. М., 2017. С. 54.

[4] РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 348.

В силу неофициального характера органа не сохранилось документов, зафиксировавших цели его создания. Можно реконструировать их, обратившись к анализу состояния военно-полицейских сил Москвы.

В представленной 28 декабря Николаю II докладной записке Дубасов отмечал, что московской администрации недостает «единовластия», чему виной разделение управления на гражданскую и военную сферы. К тому же генерал-губернатор по закону может только вызывать войска и указывать им цель действий, но лишен права командовать ими. В «чрезвычайных обстоятельствах» вооруженного восстания ему все же приходилось «невольно принимать на себя роль руководителя военных действий». Подобное «ненормальное положение», по мнению Дубасова, могло обернуться трагедией, если бы не «горячее стремление подавить преступное движение», сплотившее гражданскую и военную власть. Чтобы избежать возможных последствий этого разделения, адмирал предлагал подчинить командующего войсками МВО генерал-губернатору[5].

Следовательно, создание военно-полицейского Совета представляется одной из мер, призванных способствовать достижению единства администрации и командования МВО. Необходимость в нем подтверждается данными о взаимодействии администрации и военных в первые дни восстания, сопровождавшемся разного рода издержками[6]. И военные, и полицейские чины обвиняли друг друга в нераспорядительности[7], войска, несмотря на недовольство генерал-губернатора, широко применяли тактику обстрела жилых домов[8]. Экспедиция, предпринятая командованием МВО по согласованию с московской администрацией 14 декабря для ликвидации «революционных очагов» в Промышленном училище и Миусском трамвайном парке в Сущевской части, закончилась неудачно[9]. Тактика посылки отрядов для уничтожения баррикад не позволяла установить контроль над окраинами. Это осознавалось и военными[10].

---

[5] Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь–декабрь 1905 года // Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Т. 1. М., 1955. С. 751–752.

[6] Там же. С. 751.

[7] РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 388. Л. 7–8; Д. 575. Л. 208–208 об.; Высший подъем… С. 670–671.

[8] РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 332; Высший подъем… С. 701, 703, 705; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 53–54.

[9] Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 51, 53, 54; Высший подъем… С. 725–726.

[10] ОР РГБ. Ф. 307. П. 7. Ед. хр. 4. Л. 14 об.

Дубасов с начала «беспорядков» в Москве стремился поставить действия военных под свой надзор. Согласно В.Ф. Джунковскому, 7 декабря генерал-губернатор организовал совещание при участии командиров МВО, градоначальника Г.П. Медема и его самого для обсуждения вопроса о введении чрезвычайного положения[11]. 10 числа начальники войсковых отрядов доносили Дубасову о своих передвижениях по городу[12]. Как представляется, упомянутые выше недостатки организации взаимодействия администрации и войск побудили генерал-губернатора к принятию более радикальной меры для объединения руководства Первопрестольной.

Эта мера не была новацией. Собрание военных и гражданских руководителей в Петербурге 7 января обсуждало способы согласования действий войск и полиции во время готовящегося шествия рабочих под предводительством Г.А. Гапона[13]. Мы упоминали о заседании 7 декабря. Но теперь совещания становились постоянно действующим неформальным органом власти при генерал-губернаторе. Данные собрания проводились с 14 декабря ежедневно, кроме 18 числа[14].

Не созывались ли подобные совещания до 14 декабря? Прямого ответа имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают, но есть много косвенных свидетельств того, что их не было. Глазов, ссылаясь на начальника штаба МВО барона Е.А. Рауш фон Траубенберга, отмечает, что совещание 14 декабря должно было стать первым. В дневнике Дубасова нет сведений, что эти собрания происходили раньше[15].

Свидетельства, позволяющие думать иначе, на наш взгляд, не очень убедительны. С.Ю. Витте пишет в мемуарах, будто в ночь с 13 на 14 декабря Дубасов сообщал ему о своей обязанности регулярно ездить на совещания к командующему МВО Малахову по причине болезни последнего[16]. На плохое состояние здоровья престарелого генерала указывает и Глазов, но отмечает, что командующий сам посещал генерал-губернатора[17]. Мы располагаем одним свидетельством

---

[11] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. В 2 т. (1905–1915 гг.). Т. 1. М., 1997. С. 112.

[12] Там же. С. 115.

[13] Первая революция в России. Взгляд через столетие / Отв. ред. А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М., 2005. С. 169.

[14] РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 348–348 об., 365, 367, 369 об., 371, 372–373 об., 376; Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 56.

[15] Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 41–54.

[16] Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 303.

[17] РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 348, 365.

о посещении вице-адмиралом собрания у главы округа — сообщением Джунковского о совещании 7 декабря. Хотя поездки генерал-губернатора к военным могли иметь место, однако о степени участия его и прочих гражданских чиновников в их работе мы судить не можем.

Публикаторы дневника Дубасова, Ю.С. Воробьева и А.И. Калинин, высказали мнение, что при генерал-губернаторе существовал единый совещательный и информационный орган, якобы включавший представителей администрации, городского и земского самоуправления, сословных органов и военной власти[18].

Факты противоречат этому предположению. Дубасов в дневнике указывает, что 15 декабря у него состоялись два совещания: в 5 часов вечера — Гражданский совет, в 9 часов — Военный[19]. Согласно Глазову, в собраниях участвовали военные и администраторы[20]. В работе Н.В. Шатиной четко говорится о военном и гражданском совещаниях[21]. Значит, Ю.С. Воробьева и А.И. Калинин ошибочно «смешивают» два различных органа.

Рассмотрим теперь состав, повестку дня и решения «объединенных» собраний.

14 декабря, в 10 часов вечера, состоялось первое совещание в казармах лейб-гренадерского Екатеринославского полка в Кремле. Согласно Глазову, на нем присутствовали Дубасов, Медем, Джунковский, командующий войсками МВО Малахов, начальник штаба Рауш, генерал-квартирмейстер С.М. Шейдеман, начальник охраны Москвы командир 3 гренадерской дивизии генерал-лейтенант П.П. Яковлев, генералы Н.И. Говоров и А.Ф. Крузенштерн, командиры отрядов для подавления мятежа генерал С.Е. Дебеш, полковники А.А. Зуров и П.Н. Симанский, командир 7 гренадерского Самогитского полка полковник В.П. Голосов и другие лица[22].

Сначала обсуждались результаты упоминавшейся экспедиции против дружинников, засевших в Промышленном училище и Мусском трамвайном парке. Итог предприятия был мало успешен для властей: кучка революционеров несколько часов выдерживала огонь войск, а затем сумела скрыться, оставив лишь четверых убитых[23].

---

[18] Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 56; *Воробьева Ю.С.* Указ. соч. С. 364.

[19] Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 56.

[20] РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 348, 365, 372, 376.

[21] *Шатина Н.В.* Указ. соч. С. 131–132.

[22] РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 348–348 об.

[23] Там же. Л. 348 об.; *Яковлев Н.Н.* Указ. соч. С. 194–195; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 54.

Военным удалось задержать 54 человека[24]. Но Дубасов, рассчитывавший на захват 2000 дружинников[25], был недоволен столь скромными результатами, сопровождавшимися артиллерийским обстрелом ряда зданий. Поэтому он «высказался категорически» против разрушения домов, не приводящего к истреблению «мятежников»[26].

Далее обсуждался план действий войск на следующий день. По мнению военных, 15 декабря следовало воздержаться от серьезного наступления, кроме взятия Казанского вокзала. Находившиеся в их распоряжении силы были малочисленны и «истомлены страшно»[27]. Но Дубасов, преследовавший политические цели, придерживался иного мнения, в результате чего вступил в конфликт с генералом Яковлевым. Итог дискуссии также не был мирным: генерал-губернатор «заявил категорически», что на следующий день «в его распоряжение» должны прибыть генерал-лейтенант Г.К. Штакельберг и лейб-гвардии Семеновский полк[28], что было гарантией его грядущей независимости от военных.

Впечатления от совещания Дубасов сообщил на следующий день управляющему МВД П.Н. Дурново: «Вчера я сам участвовал в Военном Совете. Система неверна и вне моего контроля. С сегодняшнего дня ежедневные советы у меня». Изложил он и свое видение борьбы с «мятежниками»: переход от экспедиций с артиллерийским обстрелом домов к планомерной «зачистке» кварталов, взятию под контроль власти железных дорог и уничтожению «живой силы» революции[29]. Однако реализация этой программы оказалась возможной лишь с прибытием подкреплений 15 декабря.

В тот день совещание началось в 9 часов вечера в доме генерал-губернатора. На нем, кроме упоминавшихся военных и администраторов, присутствовали полковник Мин, Штакельберг, начальник Московского железнодорожного узла И.Д. Сытенко, начальник товарной станции Московско-Казанской железной дороги И.А. Шибанов, жандармские чины[30].

Повестка дня собрания была такова: «Обсуждали возможные действия на дороге, захвата главарей и очищения района … (2 участка Арбатской части)». Дубасов вновь внушал военным мысль «о беспо-

---

[24] ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 92. Л. 5–7; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 54.

[25] Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 54.

[26] РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 348 об.

[27] Там же. Л. 347 об.

[28] Там же. Л. 348 об.

[29] Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 56.

[30] РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 365.

лезности расстреливания зданий без захвата бунтовщиков»[31]. Были приняты решения о посылке отряда прибывших семеновцев под командой полковника Н.К. Римана для овладения Казанской дорогой до Коломны, о занятии пехотой вокзалов, а также оцеплении 2 участка Арбатской части[32]. О захвате Пресни речь не шла, вопреки мнению Н.В. Шатиной[33] (очевидно, использовавшей неточные данные доклада состоявшего при генерал-губернаторе князя Волконского)[34].

Согласно Тюлину, экспедиция на Пресню в тот день сорвалась из-за категорического запрета царского эмиссара генерала Штакельберга использовать Семеновский полк в боевых операциях до прибытия ожидавшегося 16-го пехотного Ладожского полка[35].

Приведенные нами факты позволяют опровергнуть вывод В.Н. Сторожева о якобы устном распоряжении Дубасова об отправке миссии Римана[36].

Совещание 16 декабря состоялось также в 9 часов вечера[37] и затянулось за полночь[38]. В числе участников справка штаба МВО о вторичном обстреле Пресни упоминает полковника Мина. Сообщается, что на совещание был приглашен начальник артиллерии гренадерского корпуса генерал-лейтенант В.И. Гиппиус, но он не явился. Участниками обсуждался предстоящий штурм Пресни[39] и, возможно, занятие Курской железной дороги (судя по записке из канцелярии генерал-губернатора, 15 декабря вопрос был отложен на следующий день)[40].

О совещаниях 17 и 19 декабря мы не имеем сведений (про последнее Глазов сообщает, что оно должны было обсуждать «мелкие посылки» — очевидно, войск)[41]. 20 декабря на «Совете» обсуждались инцидент со вторичным открытием стрельбы по Прохоровской мануфактуре и итоги экспедиции Римана[42].

---

[31] Там же.

[32] Там же. Л. 366; Высший подъем… С. 729–730.

[33] *Шатина Н.В.* Указ. соч. С. 131.

[34] РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 428. Л. 3.

[35] ОР РГБ. Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 4. Л. 15.

[36] *Сторожев В.Н.* Декабрьское вооруженное восстание. С. 156.

[37] Там же.

[38] РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 576. Л. 193.

[39] Там же.

[40] *Сторожев В.Н.* Ф.В. Дубасов и Г.А. Мин на Пресне в 1905 г. (по данным секретного отделения канцелярии московского ген.-губернатора) // Голос минувшего. 1918. №4–6. С. 111.

[41] РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 371.

[42] Там же. Л. 372–373 об.

Таким образом, Дубасову удалось заставить военных принять свой план борьбы с «крамолой», что видно из того факта, что на заседаниях 15–16 декабря в качестве целей действий войск были определены Пресня и железные дороги. Формально генерал-губернатору даже удалось убедить руководство МВО включить в приказ по артиллерии запрет стрелять по зданиям после бегства «мятежников»[43]. Но реализовать планы Дубасова в полной мере помогло появление в столице новых боевых сил.

Институт совещаний имел свои недостатки. Главным было то, что они проводились в очень позднее время и затягивались за полночь. Это, по справедливой оценке военных, имело следствием плохую подготовку предстоящих уже на следующий день операций[44]. Механизм управления войсками упростился — от участия в операции по захвату Пресни фактически были отстранены многие видные командиры, что вело к конфликтам в военной среде[45]. Однако свидетельств, что эти противоречия негативно сказывались на ведении действий против революционеров, у нас нет.

По-видимому, спешка в подготовке экспедиции на Пресню породила и проблемы со связью, что сильно осложнило действия отряда Мина[46]. Несмотря на учреждение военно-полицейских совещаний, составляемые военными планы грешили неточностями[47].

Посещение совещаний не было строгим[48]. Так, отсутствие генерал-лейтенанта Гиппиуса на заседании 16 декабря имело следствием то, что он оказался не осведомлен о собственных функциях во время штурма Пресни и о плане всей операции[49]. Не удалось Дубасову заставить военных полностью отказаться от тактики повального обстрела домов[50].

Таким образом, военно-полицейские совещания при генерал-губернаторе стали основным центром обсуждения операций против «мятежников» и их итогов, а также координации действий командования МВО и администрации. Их учреждение способствовало усилению контроля генерал-губернатора Дубасова над процессом

---

[43] Красный архив. 1925. Т. 4–5. С. 393.

[44] РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 382; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 576. Л. 193.

[45] Там же. Л. 368 об., 382.

[46] Красный архив. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 396, 397; Из истории Московского вооруженного восстания. М., 1930. С. 50, 175; Высший подъем …С. 732–733.

[47] Высший подъем … С. 733.

[48] РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 366 об., 367 об., 370 об.

[49] РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 576. Л. 193–195; Красный архив. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 389–390.

[50] Там же. С. 707.

подавления восстания и принятию военными его планов по борьбе с революционерами. Однако этот орган имел ряд недостатков, что осложнило процесс захвата последнего оплота повстанцев — Пресни.

References

Chernomordik S.I. *Moskovskoye vooruzhennoye vosstaniye v dekabre 1905 g.* [Moscow Armed Uprising in December 1905]. Moscow; Leningrad: Moskovskiy rabochiy, 1926. 242 p.

Pervaya revolyutsiya v Rossii. Vzglyad cherez stoletiye [The First Revolution in Russia. A Glimpse through the Century] / Ed. A.P. Korelin, S.V. Tyutyukin. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2005. 602 p.

Shatina N.V. *Mestnyy gosudarstvennyy apparat samoderzhaviya v bor'be s pervoy rossiyskoy revolyutsiyey: (Na primere Moskvy)* [Local State Apparatus of Autocracy in the Fight against the First Russian Revolution: (Moscow's Case Study)]. *Diss. … kandidata istoricheskih nauk* [Diss. for Candidate Degree in History]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy istoriko-arkhivnyy institut, 1989. 227 p.

Val'din A.S. *Sotsial'no-politicheskaya bor'ba nakanune i vo vremya Dekabr'skogo* (1905 g.) *vooruzhennogo vosstaniya v Moskve* [Socio-Political Struggle on the Eve and During the December (1905) Armed Uprising in Moscow]. *Diss. … kandidata istoricheskih nauk* [Diss. for Candidate Degree in History]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2000. 249 p.

Vorob'yeva Yu.S. *Fedor Dubasov v dekabre 1905 goda* [Fedor Dubasov in December 1905] // *Vestnik arkhivista: Informatsionnyy byulleten'*. 2001. № 4–5(64–65): July–October, pp. 360–368.

Yakovlev N.N. *Vooruzhennyye vosstaniya v dekabre 1905 g.* [December 1905 Armed Uprisings]. Moscow: Gospolitizdat, 1957. 549 p.

Поступила в редакцию
24 января 2018 г.

И.В. Омельянчук*

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ МОНАРХИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1905–1917 гг.

I.V. Omeliyanchuk

SOCIAL COMPOSITION OF MONARCHICAL ORGANIZATIONS IN VLADIMIR GUBERNIYA IN 1905–1917

Аннотация. В статье исследуется социальный состав правых партий, действовавших на территории Владимирской губернии в 1905–1917 гг., — Союза русского народа и вошедших в его состав на правах отделов Шуйского Союза русских православных людей и Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии. Основой социальной базы этих организаций являлся пролетариат, мелкая городская буржуазия и, в значительно меньшей степени, крестьянство, которое, впрочем, в регионе в хозяйственном отношении было весьма тесно связано с городом. Цензовые классы в монархических организациях Владимирской губернии были представлены крайне слабо. Не только священники и чиновники, которым участвовать в деятельности правых организаций не рекомендовало начальство, но и дворянство в большинстве своем весьма настороженно относились к «черносотенцам» и не спешили пополнять их ряды. Еще более справедливо данное утверждение по отношению к местной буржуазии, представители которой, даже симпатизируя монархическим идеям, предпочитали сохранять статус сочувствующих, а затем и вовсе дистанцировались от монархистов, перейдя на правое крыло либерального лагеря. Интеллигенция изначально игнорировала правые организации, отдавая предпочтение оппозиционным партиям. Социальный состав монархических организаций Владимирской губернии достаточно жестко коррелировал с их географическим размещением. В промышленных центрах (Иваново-Вознесенске, Коврове, Никольском и др.) в составе правых партий большинство составляли рабочие. В других городах, в том числе и в губернском Владимире, в монархических организациях доминировала мелкая буржуазия. В сельских отделах Союза русского

* *Омельянчук Игорь Владимирович,* доктор исторических наук, профессор кафедры истории, археологии и краеведения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Omeliyanchuk Igor' Vladimirovich, Doctor in History, Professor, Department of History, Archeology and Local History, Aleksandr and Nikolay Stoletovs Vladimir State University

+7-920 926 49 12; Omeliyanchuk@mail.ru

народа практически все члены принадлежали к крестьянскому сословию. О половозрастном составе правых организаций сведений очень мало, но все же можно утверждать, что участие женщин в деятельности правых партий было достаточно активным, а молодежи в рядах монархистов было мало, как правило, она отдавала предпочтение более радикальной идеологии.

Ключевые слова: Владимирская губерния, монархические партии, Союз русского народа, Иваново-Вознесенская Самодержавно-монархическая партия, Шуйский Союз русских православных людей, социальный состав, социальные группы.

Abstract. The article examines the social composition of the right-wing parties that operated on the territory of Vladimir guberniya in 1905–1917, i. e. the Union of the Russian People and its subdivisions — the Shuya Union of the Russian Orthodox People and the Ivanovo-Voznesensk Autocratic-Monarchist Party. Their social base was the proletariat, the petite urban bourgeoisie and, to a much lesser extent, the peasantry, which had very close economic relations with the regional towns. "Census" classes were very poorly represented in the monarchical organizations of Vladimir guberniya. Not only the priests and officials who were not recommended by their superiors to participate in the activities of the right-wing organizations, but even the nobility were mostly very wary of the Black Hundreds and were in no hurry to join them. This statement is even more apt in the case of the local bourgeoisie, whose representatives, even if sympathetic to the monarchical idea, preferred to remain sympathizers, and lately completely distanced themselves from the Black Hundreds and joined the right wing of the liberal camp. The intelligentsia initially ignored the right-wing organizations, preferring opposition parties of varying degrees of radicalism. The social composition of the monarchical organizations in Vladimir guberniya was rather tightly correlated with their geographical location. The majority of the right-wing parties in the industrial centres, such as Ivanovo-Voznesensk, Kovrov, Nikolskoe, etc., were the workers. In the other towns, including provincial Vladimir, the petit bourgeoisie dominated in the monarchical organizations. In the rural chapters of the Union of the Russian people, almost all the members were peasants. There is very little information on the sex and age composition of the right-wing organizations, but it can still be argued that women's participation in their activities was quite high, while there were a few young people among the monarchists, since they adopted a more radical ideology.

Keywords: Vladimir guberniya, monarchist parties, Union of the Russian People, Ivanovo-Voznesensk Autocratic-Monarchist Party, Shuya Union of the Russian Orthodox People, social composition, social groups.

* * *

События Первой русской революции, поставившие под угрозу существование самодержавной монархии в России, вовлекли в политический процесс широкие слои населения, чему в немалой степени способствовали и модернизационые конфликты, обо-

стрившиеся в российском обществе в начале XX в. Социальное напряжение, спровоцированное революционными выступлениями, ломающими привычный жизненный уклад, послужило причиной возникновения контрреволюционного монархического движения, объединившего в своих рядах защитников традиционных политических и нравственных ценностей, выражаемых триединой формулой: «Православие, Самодержавие, Народность». После манифеста 17 октября 1905 г. легализовавшего в России политические партии, это движение вступило в стадию институционализации, по всей стране стали возникать монархические организации. Несколько из них было создано и во Владимирской губернии. 22 ноября 1905 г. был учрежден Шуйский Союз русских православных людей (ШСРПЛ)[1], 23 декабря 1905 г. — Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия (ИВСМП)[2], а в начале января 1906 г. — Владимирский «Патриотический Союз»[3], в феврале превратившийся в отдел Союза русского народа (СРН)[4]. Вскоре филиалы этого Союза появились и в других населенных пунктах губернии, а ШСРПЛ и ИВСМП вошли в его состав на правах отделов, сохранив свои названия и уставы.

В исследуемый период на территории Владимирской губернии действовало 30 первичных организаций монархических партий[5]. На октябрь 1907 г. в их составе, по сведениям губернатора И.Н. Сазонова, числилось 20 749 человек. Из них 20 144 (или 97 %) принадлежали к городским организациям Владимира, Иваново-Вознесенска, Коврова, Мурома, Шуи, Переславля, Суздаля и фабричного поселка Никольское (будущего города Орехово-Зуево). В одиннадцати сельских отделах насчитывалось всего 615 членов[6]. Кроме того, отдел СРН в с. Горки Ковровского уезда (67 членов) состоял в основном из рабочих местной фабрики П.Т. Шорыгина[7].

Наиболее массово в монархическом движении во Владимирской губернии был представлен пролетариат. Этот факт отмечали и марксисты. В.И. Ленин писал, что именно «истинно русские» области «умиляли всего долее реакционеров своею устойчивостью... и усилия

---

[1] Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО). Ф. 521. Оп. 1. Д. 9. Л. 74.

[2] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2833. Л. 1.

[3] Клязьма. 1906. 9 января. № 7.

[4] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2797. Л. 3, 3 об.; Клязьма. 1906. 16 февраля. № 42.

[5] Подсчитано по: ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 442. Л. 90, 93; Д. 2916. Л. 20; Ф. 521. Оп. 1. Д. 58. Л. 35; Владимирец. 1907. 5 сентября. № 191; Русское знамя. 1908. 15 августа. № 184.

[6] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 20.

[7] Там же. Д. 442. Л. 42.

социал-демократов десятки и сотни раз разбивались о сопротивление особенно трудных местных условий работы», имея ввиду, в первую очередь, консервативные настроения местного пролетариата. Главной причиной таких настроений он не без оснований считал «менее развитые формы крупной промышленности, охватившей громадные массы рабочих, но менее порвавшие связи с землей, менее концентрировавшей пролетариев в интеллектуальных центрах; и большая удаленность от заграницы; и отсутствие национальной розни»[8].

С этим утверждением трудно не согласиться. Доля потомственных рабочих в Иваново-Вознесенском промышленном районе составляла всего около 33 %. В 31 губернии Европейской России 31,1 % рабочих имели землю, из них 20,9 % даже вели свое хозяйство с помощью членов семьи[9]. Недавние выходцы из деревни, оказавшись на фабрике, в значительной степени сохраняли свой патриархальный менталитет, одним из столпов которого был архетип «Святой Руси». Кроме того, вследствие низкой квалификации они имели очень невысокие доходы, как правило, не позволяющие делать сбережения. Поэтому прекращение выплаты заработной платы в связи с забастовкой делало проблематичным само физическое существование низкооплачиваемых рабочих. Именно этот слой пролетариата первым «устал от революции» и примкнул к монархистам, которые выступали против «смутьянов», призывавших к прекращению работ. До начала Первой русской революции, писали «Московские ведомости», «рабочий, зарабатывавший… 30 рублей в месяц жил сыто и имел сбережения в кассе», теперь же «жизнь вздорожала», а «систематические «политические» забастовки не дают ему заработать и половину того, что он ранее зарабатывал. А сбережения пришлось проесть во время забастовок, проевши же их — голодать»[10]. Все это еще более справедливо по отношению к рабочим текстильных фабрик (составлявших основу промышленности региона), где средняя зарплата и в хорошие времена не дотягивала до 20 руб. в месяц.

Кроме малоквалифицированных фабричных рабочих на стороне монархистов весьма часто оказывались и представители так называемой «рабочей аристократии» — высококвалифицированные профессионалы, получавшие высокую заработную плату (порой в несколько раз превышающую доходы основной массы рабочих) и не желавшие терять свои доходы вследствие революционных эксцессов. Этот факт уже отмечали современные исследователи. В частности,

---

[8] *Ленин В.И.* Полное собр. соч. Изд. 5. Т. 11. М., 1960. С. 313.

[9] *Иванова Н.А.* Промышленный центр России 1907–1914 гг. М., 1995. С. 251, 253.

[10] Московские ведомости. 1906. 9 февраля. №. 37.

С.В. Тютюкин писал: «Верхушка российского пролетариата тянулась не столько к меньшевикам, сколько к монархистам»[11].

Средний же слой фабрично-заводских рабочих, как правило, уже не в первом поколении работавший на предприятии, обладавший более высоким уровнем грамотности, но не имевший доходов «рабочей аристократии», был более подвержен революционной пропаганде. Понимая иллюзорность надежд на переход в ряды «белых воротничков», достаточно сплоченная и политически наиболее активная среднеоплачиваемая часть рабочего класса чаще поддерживала революционное движение. Однако доля рабочих средней квалификации существенно уступала доле малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих, которая в среднем по российской текстильной промышленности составляла 72,3 %[12]. Соответственно социальная база правых в Иваново-Вознесенске была весьма значительной. Результатом этого стало появление в городе с населением около 60 тыс. человек, из которых по данным Городской думы 40 тыс. составляли рабочие[13], отдела Союза русского народа (СРН), насчитывавшего в своих рядах 16 500 членов, и подотдела при станции Иваново численностью 150 человек[14].

Монархические настроения местного пролетариата ярко характеризует телеграмма, отправленная в начале 1906 г. от имени 10 тыс. ивановских рабочих фабрик Горбуновых, Скворцова и Клементьевой на имя премьер-министра С.Ю. Витте с требованием покончить с забастовками[15]. Либеральная «Клязьма» в это же время констатировала: «Тон рабочему движению в Шуйском уезде дается гор. Ивановом, население которого, выдержав этим летом долгую, но в общем малоплодную для самих рабочих забастовку, с того времени стало менее восприимчивым к усвоению идей и стремлений освободительного движения, а напротив начало держаться к последнему обратных отношений. Когда был издан манифест 17 октября и в Иванове стали было устраивать манифестации "красных", большая часть рабочего населения отнеслась к этим манифестациям враждебно, примкнула к Ивановским торговцам и стала устраивать контрманифестации, избивая и разгоняя всех ходивших с красными флагами». Автор заметки сообщает, что ему «приходилось быть на публичных собраниях шуйского "союза русских православных людей" и торгово-промыш-

---

[11] История политических партий России. М., 1994. С. 222.

[12] *Иванова Н.А.* Указ. соч. С. 267, 271.

[13] ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1434. Л. 63.

[14] Там же. Оп. 4. Д. 2916. Л. 18.

[15] Московские ведомости. 1906. 9 февраля. №. 37.

ленной партии. На этих собраниях было видно, что бывшие на собраниях рабочие более сочувствовали "союзу православных людей" и внимали их речам о самодержавном Царе, чем слушали представителей торгово-промышленной партии, к которым рабочие относились прямо враждебно, как защитникам купеческих карманов»[16].

Причины симпатий рабочих к монархической партии газета «Клязьма» объясняла протестом против давления на них фабрикантов. Корреспондент этой газеты сообщает, что хозяева местных фабрик заставляли своих рабочих вступать в партию октябристов. Однако, «когда рабочие на партийных собраниях убедились, что их интересы находятся в руках лиц, стремящихся разрешить рабочий вопрос далеко не беспристрастно, они стали серьезно думать о своем уходе из этой партии, а рабочие одного местного завода, в количестве до 200 человек, во главе со своим управляющим даже окончательно решили это сделать и послали в Бюро Иваново-Вознесенской партии официальное письмо, которое, по-видимому Бюро партии проигнорировало, потому что продолжало рассылать им приглашения на свои собрания. Рабочим не понравилась подобная "назойливость" и они решили демонстративно примкнуть к другой местной партии "Самодержавно-монархической" и просить ее апеллировать к общественному мнению»[17].

Но, несмотря на признание значительной роли рабочих в деятельности правых партий Шуи и Иванова, «Клязьма» все же утверждала, что на первых ролях в них оказалась другая социальная группа: «Мелкая буржуазия в Шуе составила "союз православных людей", а в Иванове — "самодержавно-монархическую" партию»[18]. Социальный состав ШСРПЛ оппозиционная газета «Владимирец» обрисовала так: «Главный элемент… состоял из мелких лавочников, мучников. Среди них несколько рабочих и даже один выступал в качестве оратора»[19]. Ей вторили «Ковровские вести»: «…Два десятка дворников и извозчиков с Петровым (председатель ШСРПЛ. — *И.О.*) во главе, да на заднем плане один фабрикант, которому нужны услуги "союза" на предстоящих выборах в Государственную Думу»[20]. «Старый Владимирец», сообщая о собрании ивановских монархистов, обращал внимание на доминирование в их рядах «извозчиков, мясников, торговцев»[21].

---

[16] Клязьма. 1906. 17 января. № 15.

[17] Клязьма. 1906. 8 февраля. № 36.

[18] Клязьма. 1906. 17 января. № 15.

[19] Владимирец. 1907. 20 апреля. № 88.

[20] Ковровские вести. 1906. 24 декабря. № 2.

[21] Старый Владимирец. 1911. 6 февраля. № 29.

Легковые извозчики действительно с октября 1905 г. проявляли особую контрреволюционную активность, и в январе 1906 г. их «безобразным черносотенным выходкам» решил положить предел сам Иваново-Вознесенский полицмейстер Виноградов[22]. Печатный орган СРН, рассказывая об этом конфликте, уточнял, что «обиженные извозчики — все состоящие в Союзе русского народа»[23]. Однако на политические пристрастия ивановских «лихачей» угрозы полицмейстера не повлияли. Спустя год оппозиционный «Владимирец» писал: «Дворники да извозчики опора “союза истинных”, сокрушители крамолы и кадры “белой гвардии”»[24]. Доказывая свою преданность престолу, 23 марта 1907 г. «Иваново-Вознесенские молодцы-патриоты легковые извозчики, движимые чувством патриотизма… в количестве 283 человек» отправили на имя премьер-министра П.А. Столыпина приветственную телеграмму, в которой приносили главе правительства «чувства беспредельной глубокой благодарности за… твердое непоколебимое решение отстаивать интересы мирных граждан России», и утверждали, что произнесенные П.А. Столыпиным в Государственной Думе речи позволяют и впредь надеяться, что глава правительства не даст «послабление крамольникам» и не оставит «их без должного ответа и наказания». Ивановские извозчики также просили премьер-министра не отменять полевых судов, ибо «они только и сдерживают крамольников, которые при отсутствии строгих мер, непременно увеличили бы свои дерзкие разбои и насилия», и не давать «евреям как равноправия, так и ответственных должностных мест, они уже и так слишком много сделали плохого для Русского народа»[25].

Следует отметить, что извозчики встали на сторону правых не только во Иваново-Вознесенске. Либеральный «Старый Владимирец», рассказывая о праздновании двухлетия Ковровского отдела СРН в августе 1908 г., утверждал, что на юбилее присутствовала «толпа, составленная из лиц однородного типа: сытых самодовольных мелких торгашей, извозчиков и дворников»[26].

В других городских отделах СРН во Владимирской губернии представители мелкой городской буржуазии также играли заметную, а порой и главную роль. В Муроме на учредительное собрание отдела Союза, по сведениям полиции, явились преимущественно «мелкие торговцы, мещане и ремесленники». В Суздале, сообщал уездный исправник, отдел Союза «сплошь» состоял «из содержателей

---

[22] Клязьма. 1906. 6 февраля. № 34.

[23] Русское знамя. 1912. 31 августа. № 197.

[24] Владимирец. 1907. 24 февраля. № 43.

[25] Ивановский листок. 1907. 24 марта. № 67.

[26] Старый Владимирец. 1908. 5 сентября. № 27.

постоялых дворов, огородников, чернорабочих и тому подобное, вообще из людей в массе своей темных, малокультурных и даже безграмотных»[27]. Даже в промышленном Коврове на собраниях отдела СРН, как утверждала либеральная печать, в основном «присутствовали дворники и торговцы»[28].

Участие городских низов в деятельности правых партий, как правило, комментировалось оппозицией весьма в негативном смысле. Но сами монархисты ставили себе в заслугу объединение низших слоев. Так, на утверждение «Клязьмы» о том, что в составе Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии «по большей части мелкие лавочники и малограмотные» рабочие, партийный комитет ответил открытым письмом в редакцию газеты: «Это правда, но в этом то и заслуга нашей партии, ибо он-то именно (пролетариат. — *И.О.*) больше всех других классов пострадал от тех мыльных пузырей, которыми его все время угощали так щедро. Если Ивановская Талка[29] представляла собой университет, как многим это нравилось называть, с революционным направлением, то и наши заседания пусть тоже представляют из себя маленький университет, но для труда мирного, для ограждения интереса неимущих легальными средствами»[30].

Крестьянство Владимирской губернии также участвовало в деятельности правых партий, однако в гораздо меньшем, по сравнению с городскими жителями, масштабе. Иными были и побудительные мотивы вступления в монархические организации. Если рабочих в правый лагерь подталкивали в первую очередь экономические трудности, то у крестьян на первом месте стоял именно традиционалистский менталитет. Так, газета «Клязьма» сообщает, что в январе 1906 г. в Иваново-Вознесенскую мещанскую управу пришел крестьянин из близлежащей деревни. «Истово помолившись на иконы, он обратился к находившемуся здесь мещанскому старосте с такой просьбой: “Запишите меня, пожалуйста, в черную сотню”»[31].

Но нельзя игнорировать и тот факт, что крестьяне Владимирской губернии, проживавшие недалеко от промышленных городов, были тесно связаны с ними в хозяйственном отношении, так как значительную часть доходов сельских жителей составляли кустарный и отхожий промыслы. Развитие революции, рост забастовочного движения и снижение покупательной способности городского населения,

---

[27] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 442. Л. 22, 70.

[28] Владимирец. 1907. 18 апреля. № 86.

[29] Талка — река в окрестностях г. Иваново-Вознесенска, где весной–летом 1905 г. проходили собрания революционно настроенных рабочих.

[30] Клязьма. 1906. 19 января. № 17.

[31] Клязьма. 1906. 16 января. № 14.

на удовлетворение потребностей которого и были направлены крестьянские промыслы, нанесли серьезный удар по ним, существенно ухудшив благосостояние деревни и создав там экономический базис контрреволюционных настроений. «В члены союза вступают крестьяне целыми селениями, присылая об этом приговоры», — писала в начале 1907 г. правая газета «Владимирский край»[32]. Вероятно, имелось в виду село Хотимль Ковровского уезда, где в созданный в октябре 1907 г. отдел СРН записалось 198 человек[33], а по сведениям на 1905 г. в этом населенном пункте проживало всего 195 жителей обоего пола[34]. Однако других случаев столь единодушного вступления обитателей какой-либо деревни в ряды «союзников» больше не отмечено. Правда, в отделе СРН с. Великово того же Ковровского уезда числилось 112 человек[35], всего же в селе проживало 22 человека[36]. Но в этом случае отдел, как это нередко случалось, объединял жителей нескольких окрестных населенных пунктов.

Сведений о социальном составе деревенских монархических организаций мало. Вполне вероятно, что в них входили исключительно местные крестьяне, как например в отдел СРН села Воскресенского Ковровского уезда[37]. Списочный состав имеется лишь по одной сельской организации — отделу Шуйского Союза русских православных людей в с. Поддыбье Суздальского уезда. В него входило 8 человек, все — крестьяне сел Поддыбье и Перхусево[38]. По Воршинскому отделу СРН имеются сведения о социальном составе только его правления. В него также входили только крестьяне (9 человек) шести (!) окрестных деревень — Угор, Парфеньево, Устье, Рукав, Кузьминская и Мосягино[39].

Дворянство, которое, казалось бы, было наиболее заинтересовано в сохранении существующего политического строя, крайне редко вступало в монархические организации, занимая в них как правило руководящие должности. Имеются сведения лишь о восьми представителях дворянского сословия, являвшихся активными членами правых партий. Так Владимирский отдел СРН возглавлял В.М. Карякин[40], Муромский — И.В. Ознобишин[41], в Советы органи-

---

[32] Владимирский край. 1907. 26 января. № 21.

[33] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 20.

[34] Список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1905. С. 101.

[35] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 20.

[36] Список населенных мест Владимирской губернии. С. 107.

[37] Владимирский край. 1907. 9 января. № 6.

[38] ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 9. Л. 54.

[39] Там же. Д. 58. Л.37.

[40] Клязьма. 1906. 16 февраля. № 42.

[41] Владимирец. 1907. 12 января. № 8.

заций входили И.П. Протасевич[42], А.Н. Рагозин[43] (оба Владимир), Н.М. Маньков, Н.В. Култашев[44] (оба Ковров), Рост[45] (Муром) и А.Р. Фельдман[46] (Иваново-Вознесенск).

Правые не без оснований рассчитывали на участие купечества в деятельности своих партий. Однако их ожидания оправдались лишь частично: представители торгового капитала в большинстве своем отдали предпочтение более умеренным партиям. Так, в начале января 1906 г. газета «Клязьма» писала, что «владимирское купечество хотело было примкнуть к торгово-промышленной партии, программу которой оно разделяет, но, чтобы не показаться перед обществом защитником лишь узко-сословных интересов торговцев и промышленников, оно решило примкнуть к партии "Союза 17-го октября"»[47]. Спустя несколько дней это же издание сообщило, что на учредительное собрание октябристов явилось около 120 человек, «преобладающим элементом было купечество»[48].

Тем не менее, несколько купцов все же вступили в ряды СРН, в основном заняв в организациях руководящие посты, — М.В. Байкусов (правда, «Владимирец» утверждал, что Байкусов — бывший железнодорожный рабочий[49]), отец и сын В.П. и Н.В. Гончаровы во Владимире, А.А. Апарин и П.Ф. Кокурин в Коврове. Однако со временем купечество все менее охотно участвовало в деятельности правых партий. Уже 1 августа 1906 г. «Владимирец» сообщил, что «ряды бойцов местного отдела "Союза русских людей" (правильно — Союза русского народа. — *И.О.*) редеют… из союза вышел член его, купеческий сын Н.В. Гончаров»[50]. А спустя два года явившийся на собрание Владимирского отдела СРН его отец, купец В.П. Гончаров «выразил свое удивление тому, что собрания союзников не посещает местное купечество, начиная с городского головы Н.Н. Сомова, а посещают только ремесленники и низшее сословие», и просил дать ему власть «заставить купечество с головы и до хвоста посещать собрания»[51]. Через несколько месяцев тот же В.П. Гончаров на собрании Владимирского отдела СРН «чуть не со слезами» рассказывал, «как он ходит

---

[42] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2871. Л. 3.

[43] Клязьма. 1906. 16 февраля. № 42.

[44] Владимирец. 1906. 1 октября. № 52.

[45] Владимирец. 1907. 12 января. № 8.

[46] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2833. Л. 1.

[47] Клязьма. 1906. 6 января. № 5.

[48] Клязьма. 1906. 9 января. № 7.

[49] Владимирец.1907. 25 января № 19.

[50] Владимирец. 1906. 1 августа. № 5.

[51] Старый Владимирец. 1908. 23 сентября. № 41.

по магазинам, обращается к местным богатым купцам с просьбой пожертвовать союзу на знамя, а ему в глаза смеются. Это потому что они [купцы] принадлежат к партии 17 октября»[52].

Не лучше для правых обстояли дела и в Иваново-Вознесенске. Один из участников собрания ИВСМП, на котором состоялось «освящение Хоругви и Стяга Русских православных людей», констатировал, «что не видел на этом молебствии местное именитое купечество, которое когда-то находилось впереди всякого церковного торжества»[53].

Печатный орган СРН газета «Русское знамя» с горечью признавала: «В купечестве произошло со временем такое же расчленение, какое и в целом русском народе: часть его осталась верна быту и заветам предков, часть же наиболее состоятельная, столичная, тузы-фабриканты потянулась к верхам русского общества и мало-помалу потеряла русский облик и русский здравый смысл, отстав от народа и не пристав к русской знати»[54].

После окончания революции купечество уже не видело смысла напрямую участвовать в деятельности «противуреволюционных» партий (к тому же с легкой руки их политических оппонентов, имеющих весьма неоднозначную репутацию), но на всякий случай помогали им материально, за что удостаивались звания почетных членов. Так, в ноябре 1909 г. «почетным членом Александровского отдела СРН избран 2-й гильдии купец Василий Григорьевич Щекотихин»[55], в декабре 1913 г. Иваново-Вознесенский купец А.В. Константинов стал почетным членом ШСРПЛ.

Некоторое представление о социальной базе правых организаций Владимирской губернии дает их партийный актив. Руководителем отдела СРН в губернском Владимире был избран помещик В.М. Карякин, в комитет в разное время входили: купцы Н.В. Гончаров, М.В. Байкусов, товарищ прокурора В.К. Кулибин, портной Львов[56], «цирульник Петров»[57], потомственный дворянин П.И. Протасевич[58], происходивший, по его словам, «из казачьего сословия»[59].

В уездной Шуе учредители Союза русских православных людей в основном представляли городские низы. У истоков организации

---

[52] Старый Владимирец. 1909. 29 января № 23.

[53] Ивановский листок. 1907. 17 февраля. № 39.

[54] Русское знамя. 1912. 21 марта. № 66.

[55] Русское знамя. 1909. 25 ноября. № 261.

[56] Клязьма. 1906. 16 февраля. № 42.

[57] Владимирец. 1907. 10 января. №. 6.

[58] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2871. Л. 3.

[59] Владимирец. 1906. 6 декабря. № 104.

стояли мещане М.К. Петров и И.А. Баландин, а также крестьянин А.А. Лаврентьев[60]. Вторичное обращение о регистрации ШСРПЛ также подписали два мещанина и крестьянин — М.К. Петров, П.В. Брюханов и И.И. Буланцев соответственно[61]. Правда, со временем Союз укрепился представителями цензовых классов — товарищем председателя стал подполковник А.М. Никитин[62], а в почетные члены был избран Шуйский предводитель дворянства Д.В. Култашев[63].

О социальной принадлежности лидеров ИВСМП можно судить по участникам партийной депутации, представлявшихся 16 февраля 1906 г. самодержцу:

1) Председатель — потомственный почетный гражданин И.П. Борисов.

2) Товарищ председателя — крестьянин М.Т. Кашин, артельщик станции Иваново.

3) Казначей А.Р. Фельдман, дворянин, комиссионер и представитель заграничных фирм.

Члены партии:

4) М.В. Журавлев, крестьянин, владелец кирпичного завода.

5) Д.А. Гуреев, крестьянин, занимающийся огородничеством.

6) А.И. Ардасов, крестьянин, частный поверенный.

7) С.М. Мужжавелов, мещанин, мясоторговец.

8) А.Г. Селивановский, мещанин, служащий в местной городской управе.

9) М.П. Щербаков, крестьянин, фотограф[64].

Интересно, что председатель партии, потомственный почетный гражданин И.П. Борисов в это время работал конторщиком Куваевской фабрики[65]. Правда, спустя два года вице-губернатор сообщал в министерство внутренних дел, что «председатель упомянутой Партии Борисов, человек без определенных занятий»[66]. Вероятно, лидер ИВСМП к этому времени оставил работу на фабрике и сосредоточился на партийных делах.

Как видим, из входящих в состав депутации девяти человек по сословной принадлежности один являлся дворянином, один потомственным почетным гражданином, двое мещанами и пятеро

---

[60] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2670. Л. 6 об.

[61] Там же. Ф. 521. Оп. 1. Д. 9. Л. 5, 31.

[62] Русское знамя. 1909. 1 января. № 1.

[63] ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 9. Л. 79

[64] Там же. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2833. Л. 12.

[65] Клязьма. 1906. 10 февраля. № 38.

[66] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1908 г. Д. 117. Л. 6 об.

крестьянами. Однако действительно крестьянином в этом списке можно назвать лишь одного, занимающегося огородничеством Д.А. Гуреева (хотя и это занятие более было свойственно мещанскому сословию). Остальные — представители мелкой буржуазии, к которой можно отнести и комиссионера А.Р. Фельдмана, юридически пребывающего в дворянском сословии. Такое преобладание мелкой буржуазии в руководящем составе ИВСМП вполне естественно, если учесть, что Иваново-Вознесенск был крупнейшим промышленным центром, в населении которого безусловно доминировал пролетариат, а в общественной жизни — буржуазия. Представители иваново-вознесенского рабочего класса с монархическими убеждениями не претендовали на ведущие роли в партийных структурах в силу традиционалистского менталитета, предполагавшего минимальную степень вовлеченности в политический процесс, а также низкого культурно-образовательного уровня. Влиятельная местная буржуазия отдавала предпочтение октябристам. Поэтому нишу монархического партактива заполнили представители мелкой буржуазии, в большинстве своем выходцы из крестьянского сословия, наиболее сохранившего свои монархические убеждения.

О социальной принадлежности второго председателя ИВСМП Столярова, ничего не известно. Впрочем, пребывал он на этом посту всего два месяца. Сменивший его «торговец» М.М. Бабанин был достаточно состоятельным человеком, являясь владельцем магазина[67]. По сведениям «Ивановского листка», М.М. Бабанин «во время своего председательства» принял все расходы партии «на свой счет»[68]. Вероятно, в этих же видах на должность нового председателя прочили купца А.В. Константинова, однако тот отказался, по-видимому, не желая тратить собственные деньги на содержание партии. Социальный статус А.Г. Блинова, сменившего М.М. Бабанина на посту председателя ИВСМП, также неизвестен.

В мещанско-купеческом Муроме в состав руководства отдела СРН вошли в основном представители цензовых классов: председателем стал земский начальник И.В. Ознобишин, его заместителем кожевенный торговец Деев, секретарем — адвокат Суздальцев, в совет вошли податной инспектор Лисовский и член земской управы Рост. Созданию отдела активно способствовали мещанский староста Милованов и его письмоводитель Н.Ф. Гладков, а также владелец колбасного магазина Яковлев[69].

---

[67] Ивановский листок. 1912. 4 марта. № 50.

[68] Ивановский листок. 1914. 19 марта. № 63.

[69] Владимирец. 1907. 12 января. № 8.

В Коврове председателем отдела СРН избран представитель «рабочей аристократии», табельщик фабрики наследников И.А. Треумова «мещанин из крестьян» А.Е. Жаворонков, секретарем — крестьянин (!) П.С. Шитов, в скором времени ставший еще и секретарем Ковровской городской управы[70]. Правда, в этом промышленном городе ключевую роль в руководстве отдела СРН играли не рабочие, а представители торгового капитала. Сам А.Е. Жаворонков при случае гордо заявлял, что «недаром ему купцы оказали доверие и избрали председателем союза»[71]. Однако среди лидеров Ковровского отдела СРН купцов было только двое — казначей А.А. Апарин[72] и товарищ председателя П.Ф. Кокурин[73]. Остальные принадлежали к самым разным социальным группам, среди них: железнодорожный рабочий В.Ф. Дерюгин[74], мещанин И.И. Забегалов, два дворянина — коллежский советник Н.М. Маньков[75] и статский советник Н.В. Култашев[76], священник Н.А. Преображенский, «бывший мещанин» торговец мебелью Г.М. Сазонов. Последний, кстати, по сообщению оппозиционного «Старого Владимирца», привлекался к ответственности по 10-й статье уголовного уложения[77] — мягко сказать, несколько неожиданной для члена монархической организации: статья предполагала ответственность (каторга до восьми лет) «за оскорбление Царствующего Императора, Императрицы или Наследника престола, или в угрозе их Особе, или в надругательстве над их изображением, учиненным непосредственно или хотя и заочно, но с целью возбудить неуважение к Их Особе, или в распространении или публичном выставлении с той же целью сочинения или изображения, для Их достоинства оскорбительных»[78].

В число учредителей созданного летом 1911 г., после раскола СРН самостоятельного Ковровского Союза русского народа вошли два дворянина — Н.В. Култашев и Н.М. Маньков; два купца — П.Ф. Кокурин и А.А. Апарин; два мещанина — И.И. Забегалов и М.Е. Куликов; три крестьянина (по сословной принадлежности) — Д.С. Углов, И.Н. Крутов и П.С. Шитов[79]. Как видим — ни одного рабочего, что

---

[70] Владимирец. 1907. 3 июня. № 118.

[71] Владимирец. 1906. 4 ноября. № 79.

[72] Владимирский край. 1907. 19 января. № 15.

[73] ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 56. Т. 2. Л. 83.

[74] Ковровские вести. 1907. 28 января. № 7.

[75] ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 56. Т. 2. Л. 83, 83 об.; Ф. 14. Оп. 4. Д. 3331. Л. 23.

[76] Владимирец. 1906. 1 октября. № 52.

[77] Старый Владимирец. 1912. 22 апреля. № 89.

[78] Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб.: Издание Н.С. Таганцева, 1904. С. 190.

[79] ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 56. Т. 2. Л. 81, 83 об.

явно свидетельствует о полевении пролетарских масс и их отходе от монархического движения с началом нового революционного подъема.

Надежды правых на поддержку со стороны епархиального духовенства не оправдались. Это связано как с позицией Св. Синода, не одобрявшего участия священников в деятельности политических партий, так и с личными политическими убеждениями священнослужителей, в частности преосвященного архиепископа Николая (Н.А. Налимова), возглавлявшего епархию. «Почти из всех мест, где имеются отделы Союза, получаются известия, что местный преосвященный относится к отделам очень недружелюбно», — жаловались монархисты[80]. Многие священники, особенно приходские, явно симпатизировали оппозиции. Владимирские правые недоумевали: «… Русское духовное сословие является одновременно и носителем неискаженного апостольского вероучения, и представителем подлинного великорусского племени … Гапоны, Петровы — Бог их знает откуда взялись. Южно-русские и Северо-Западные священники также могут возбуждать сомнения относительно чистоты крови … Но нашим-то, коренным следовало бы послушаться голоса крови и отвратить слух от "кадетской" болтовни»[81]. Однако в 1905–1907 гг. священников в монархических организациях можно было пересчитать по пальцам одной руки: это член ИВСМП о. В.Т. Никольский, заявивший, «что лично он предан исконным русским началам и ему не зазорна кличка «черносотенец»[82], а также члены СРН о. П.В. Ильинский (Владимир)[83], о. И. Парвицкий и. о. Н.А. Преображенский (оба — Ковров)[84].

Во второй половине марта 1908 г. Св. Синод все же предоставил право «епархиальным первосвященникам по ближайшему их усмотрению разрешать и благословлять участие подведомственного им духовенства в деятельности союза русского народа и других монархических патриотических обществ»[85]. Уже 29 августа 1908 г. в проведении патриотической беседы в с. Горки Ковровского уезда приняли участия два священника — о. И. Сокольский и о. Л. Смирнов. Местный корреспондент «Русского знамени» писал по этому поводу: «Вот наконец-то увидали наши союзники и духовных лиц, желающих прийти на помощь Союзу». По мнению автора заметки, «это первые

---

[80] Русское знамя. 1907. 29 сентября. № 212.

[81] Владимирский край. 1907. 11 января. № 8.

[82] Владимирский край. 1907. 12 января. № 9.

[83] Старый Владимирец. 1908. 23 сентября. № 41; Старый Владимирец. 1912. 8 сентября. № 199.

[84] Русское знамя. 1906. 12 сентября. № 227.

[85] Русское знамя. 1908. 23 марта. № 69.

откликнувшиеся пастыри изо всей Владимирской губернии»[86]. Однако пребывание священников в рядах монархистов по-прежнему являлось скорее исключением, чем правилом. Шуйские монархисты в марте 1911 г. с горечью констатировали: «Священники — не в Союзе, отказываются служить даже молебны о Царе…»[87].

13 июля 1914 г. скончался столь нелюбимый владимирскими монархистами архиепископ Николай (Н.А. Налимов). 30 июля его место занял Алексий (А.Я. Дородницын), не скрывавший своих монархических взглядов. С приходом Алексия на Владимирскую кафедру настроения местного духовенства изменились. Уже 17 августа на собрании отдела СРН с. Поддыбье Шуйского уезда молебен служил о. Григорий Колоколов[88], который ранее, как жаловались монархисты, отказывался «служить молебен о здравии Государя Императора по просьбе союзников»[89]. 14 декабря 1914 г. шуйские союзники избрали Алексия почетным членом ШСРПЛ, тот в ответ заявил, что «охотно приемлет на себя звание почетного члена … и призывает Божье благословение на деятельность Союза»[90].

Губернское чиновничество также не спешило вступать в ряды монархических организаций. Из Мурома писали: «Все учреждения у нас в большинстве наполнены, как и везде, кадетствующими чиновниками»[91]. Хотя были и исключения, в основном в среде земских начальников. Так, председателем Владимирского отдела СРН был земский начальник 3-го участка Владимирского уезда В.М. Карякин[92]. В Ковровском уезде земские начальники 1-го и 2-го участков Н.М. Маньков и Н.В. Култашев играли заметную роль в деятельности Ковровского отдела СРН и входили в состав его Совета[93]. Муромский отдел СРН возглавлял И.В.Ознобишин, занимавший должность земского начальника сначала Ковардицкой, а затем Карачаровской волостей[94]. Земский начальник Ботовской волости Александровского уезда Б.В. Финне покровительствовал местному отделу СРН. Уходя с должности, он даже получил от его членов икону и адрес с благодарностью за «великое сочувствие и любовь к Союзу»[95]. Среди

---

[86] Русское знамя. 1908. 20 сентября. № 212.
[87] Русское знамя. 1911. 20 марта. № 64.
[88] Русское знамя. 1914. 17 августа. № 184.
[89] Русское знамя. 1911. 7 июня. № 124.
[90] Русское знамя. 1915. 18 января. № 14.
[91] Русское знамя. 1908. 10 октября. № 228.
[92] Клязьма. 1906. 16 февраля. № 42.
[93] Владимирец. 1906. 1 октября. № 52.
[94] Ковровские вести. 1907. 11 февраля. № 9.
[95] Русское знамя. 1907. 24 октября. № 230.

руководителей низовых организаций СРН в сельской местности встречались волостные старшины. Так, в Александровском уезде подотделы СРН в Ботовской и Рогачевской волостях возглавляли волостные старшины К.А. Кураев и С.И. Курицын соответственно[96].

На стороне правых оказались и некоторые предводители дворянства. Земский начальник Н.В. Култашев, после двухлетней службы выйдя в 1910 г. в отставку по состоянию здоровья, стал уездным предводителем дворянства, по-прежнему пребывая в составе Ковровского отдела СРН[97]. Суздальский предводитель дворянства С.С. Рагозин активно агитировал за создание местного отдела СРН и состоял членом Союза землевладельцев, «одной из бесчисленных монархических организаций», как утверждал оппозиционный «Владимирец»[98]. Явно сочувствовал монархистам Меленковский предводитель дворянства Дубенский. Правая пресса выражала сожаление по поводу его переезда в Пермскую губернию: «Большая потеря для нашего уезда и для союза истинно-русских людей»[99]. Как кандидат от правых позиционировал себя на выборах в III Думу Александровский уездный предводитель дворянства С.С. Стромилов[100].

Среди партийного актива монархистов встречались и отставные офицеры. В Переславле-Залесском отставной капитан Н.Ф. Сомов был председателем отдела СРН[101], в Шуе отставной подполковник А.М. Никитин — товарищем председателя ШСРПЛ[102]. Офицером ранее был и воспитанник Московского кадетского корпуса Н.В. Култашев[103].

Данные для исследования половозрастного состава монархических организаций Владимирской губернии крайне скудны. Оппозиция подчеркивала преклонный возраст членов правых партий, стремясь доказать, что монархические идеи разделяли только пожилые люди и что молодежь уже по-иному смотрит на мир. Газета «Клязьма» в марте 1906 г., описывая причины успеха правых на первом этапе думских выборов в Коврове, сообщала: «Так как вся сознательная молодежь из мастерских уволена после декабрьского собрания, то перевес на выборах имели старики, избравшие уполномоченным представителя черносотенной партии»[104]. Спустя полтора

---

[96] Русский народ. 1908. 31 января. № 226.

[97] Старый Владимирец. 1912. 22 апреля. № 89

[98] Владимирец. 1907. 9 января. № 5.

[99] Владимирский край. 1907. 13 января. № 10.

[100] Владимирец. 1907. 30 сентября. № 210.

[101] Русское знамя. 1907. 3 июля. № 143.

[102] Русское знамя. 1909. 1 января. № 1.

[103] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 3331. Л. 12.

[104] Клязьма. 1906. 11марта. № 65.

года «Владимирец» писал, что на собрании Ковровских союзников присутствовали «в большинстве своем люди зрелого и даже есть перезрелого возраста»[105]. Проживающий в с. Лежневе земский землемер А.Х. Чемоданов, призывавший крестьян окрестных деревень к вступлению в СРН, казался своим слушателям «дедушкой»[106]. В феврале 1911 г. «Старый Владимирец» (бывший «Владимирец»), сообщал, что на собрании ИВСМП, как и раньше «преобладают пожилые с бородами и волосами в скобку», усиливая эффект описанием внешности одного из партийных лидеров: «Около печи сидит убеленный сединами секретарь партии Блинов»[107].

В деятельности правых партий во Владимирской губернии довольно активно участвовали женщины. На собрании Владимирского отдела СРН, проходившем 7 января 1907 г., присутствовало несколько представительниц слабого пола. «Владимирец» поименно перечислил только некоторых из них: гимназистку 7-го класса Карякину (вероятно, дочь председателя отдела), Соковнину (вероятно, супругу следователя по г. Владимиру К.Н. Соковнина, периодически посещавшего собрания Союза[108]), Гончарову (супругу одного из купцов Гончаровых), Петрову (вероятно, супругу «цырульника Петрова») и Онопко (вероятно, супругу члена окружного суда, одного из лидеров уже исчезнувшего «Патриотического союза»). На собрании присутствовали еще несколько женщин, однако корреспондент «Владимирца» в отношении них ограничился упоминанием «и др.»[109]. Всего на собрании присутствовало около 50 человек, стало быть, женщины составляли более 10%. Приблизительно та же их доля оказалась и Ильинском отделе СРН Всегодичской волости Ковровского уезда, в составе которого было «33 души мужского и 4 души женского пола»[110]. На собраниях ИВСМП даже по свидетельству оппозиционной прессы, наряду с извозчиками и мясниками, всегда можно встретить «две-три молоденьких в шляпках, девушки»[111]. В Муроме это соотношение несколько выше. Так, из девяти человек, вступивших в местный отдел СРН в 1911 г., три — женщины: Г.А. Андрина, Е.А. Серебрянникова, монахиня Ефросинья[112].

---

[105] Владимирец. 1907. 22 июля. № 158.

[106] Ковровские вести № 6 21 января 1907 г.

[107] Старый Владимирец. 1911. 6 февраля. № 29.

[108] Владимирец. 1906. 1 ноября. № 76.

[109] Владимирец. 1907. 10 января. №. 6.

[110] Русское знамя. 1908. 15 августа. № 184.

[111] Старый Владимирец. 1911. 6 февраля. № 29.

[112] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 93. Л. 8.

Таким образом, монархические организации на территории Владимирской губернии являлись всесословными с явным преобладанием городских низов и, в значительно меньшей степени, крестьянства. Контрреволюционные настроения рабочих, мелкой городской буржуазии и крестьянства, весьма тесно связанного в хозяйственном отношении с городом, в первую очередь, были обусловлены снижением уровня их жизни в годы Первой русской революции. Свою роль сыграл и традиционалистский менталитет этих социальных групп, так как даже рабочие в большинстве своем сохраняли связь с деревней, а вместе с этим и крестьянское мировоззрение.

Цензовые классы в монархических организациях Владимирской губернии были представлены крайне слабо. Не только священники и чиновники, которым участвовать в деятельности правых организаций не рекомендовало начальство, но и дворянство с купечеством в большинстве своем весьма настороженно относились к «черносотенцам» и не спешили пополнять их ряды. Еще более справедливо данное утверждение по отношению к местной буржуазии, представители которой, даже симпатизируя монархическим идеям, предпочитали сохранять статус сочувствующих, а затем и вовсе дистанцировались от монархистов, перейдя на правое крыло либерального лагеря. Губернская интеллигенция изначально игнорировала правые партии, не имея ни материальных, ни ментальных причин их поддерживать.

О половозрастном составе правых организаций сведений очень мало, но на основании имеющихся все же можно сделать вывод о достаточно активном участии женщин в деятельности правых партий, и, в то же время, об отсутствии в рядах монархистов молодежи, как правило, отдававшей предпочтение более радикальной идеологии.

Социальный состав монархических организаций во Владимирской губернии зависел от их местоположения. В пролетарском Иваново-Вознесенске подавляющее большинство членов местной Самодержавно-монархической партии принадлежали к рабочему классу. Это в полной мере относится и к организациям СРН, размещавшимся в промышленных центрах Коврове, Шуе, Никольском и др. Эти отделы были самыми многочисленными: Иваново-Вознесенск — 16650, Шуя — 1000, Ковров — 937, Никольское — 520 членов[113]. В других городах большинство в монархических организациях составляла мелкая буржуазия, в том числе и во Владимире (правда, в губернском центре более широко были представлены цензовые классы). В сельских отделах СРН (если рядом не располагалось фабричное производство) практически все члены являлись крестьянами.

[113] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2916. Л. 20.

References

Dumova N.G., Yerofeyev N.D., Tyutyukin S.V. et al. *Istoriya politicheskikh partiy Rossii: Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Istoriya"* [A History of Political Parties in Russia: A Textbook for the University Students Enrolled in History]. Moscow: Vysshaya shkola, 1994. 447 p.

Ivanova N.A. *Promyshlennyy tsentr Rossii* [Industrial Centre of Russia]. Moscow: Logos, 1995. 284 p.

Поступила в редакцию
16 мая 2018 г.

Н.И. Леонтьева*

СОВЕТСКИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЛАГЕРЯ В ГЕРМАНИИ В 1945–1948 гг.

N.I. Leont'yeva

SOVIET SPECIAL CAMPS IN GERMANY IN 1945–1948

Аннотация. История специальных лагерей НКВД/МВД в советской зоне оккупации — малоизвестный и практически не изученный в отечественной историографии аспект советской оккупационной политики в послевоенной Германии. В данной статье на основе обширного архивного материала, хранящегося в фонде Отдела спецлагерей в Государственном архиве РФ, анализируются различные стороны истории спецлагерей: причины и предпосылки их создания, ход развертывания лагерной сети в период 1945–1948 гг., характер содержавшегося в лагерях контингента, их кадровое наполнение, а также место спецлагерей в системе органов советской военной администрации и их роль в деятельности советских органов госбезопасности в Восточной Германии в первые послевоенные годы. Спецлагеря определяются как особый тип мест заключения, который некорректно отождествлять ни с лагерями для интернированных, ни с концентрационными лагерями, как это предлагалось в некоторых немецких публикациях по данной проблеме. Их функционирование было направлено на содержание в них арестованных советскими органами госбезопасности немцев, имевших в прошлом то или иное отношение к нацистским партийно-государственным и военизированным структурам, а также советских граждан, осужденных военными трибуналами к различным срокам заключения. В этом смысле их действительно можно именовать «специальными лагерями», сочетавшими в себе функции временного содержания контингента различных категорий. Накопление целого комплекса противоречий в функционировании системы спецлагерей, не оправдавших себя в полной мере в качестве мест для временного содержания востребованной советской экономикой рабочей силы из-за очень высокой смертности, в конечном счете, привело советское руководство

* *Леонтьева Надежда Ильинична*, студентка магистратуры кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Leont'yeva Nadezhda Il'inichna, Graduate Student, Department of Historical Informatics, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-916-260-57-55; nadleon0796@gmail.com

к решению о постепенном расформировании спецлагерей. Кроме того, с точки зрения внешней политики, проникающая на Запад информация о существовании в советской оккупационной зоне лагерей с десятками тысяч заключенных наносила урон международной репутации СССР, особенно в контексте обострившегося в первые годы холодной войны «германского вопроса». Всё это предопределило существенный пересмотр советской «лагерной политики» в Восточной Германии в 1948 г. и скорую ликвидацию спецлагерей.

Ключевые слова: спецлагеря НКВД/МВД в Германии, интернирование, Советская зона оккупации Германии, Советская военная администрация в Германии (СВАГ), оккупационная политика СССР в Германии, И.А. Серов.

Abstract. The NKVD (MVD) special camps in the Soviet zone of occupation in post-war Germany remain an element of the Soviet occupational policy relatively unknown and practically unstudied in Russian historiography. The present article deals with these special camps on the basis of the extensive archival material deposited in the Fund of the Special Camps Division in the State Archives of the Russian Federation. The author analyzes various aspects of their functioning, such as the reasons and prerequisites for their organization, the development of the camp network in 1945–1948, the contingent of the camps, their staff, as well as their place in the system of the organs of the Soviet military administration and role in the activities of the Soviet state security organs in East Germany in the first post-war years. The special camps are defined as a distinct type of detention. They cannot be identified with either internment camps or concentration camps, as has been suggested in some German publications on this issue. They were intended for detention of the Germans who were arrested by the Soviet state security organs and previously involved in the Nazi party-state and militarized structures, as well as the Soviet citizens convicted to various terms of imprisonment by military tribunals. In this sense, they can really be named "special camps" where various categories of people were temporarily detained. A large number of contradictions in the functioning of the special camp system and, due to the very high mortality rate, its relative inadequacy to the task of providing the Soviet economy with the demanded workforce ultimately led to the gradual dissolution of the special camps by the Soviet government. Additionally, from the point of view of foreign policy, information about the camps with tens of thousands of prisoners in the Soviet occupational zone damaged the international reputation of the USSR, especially in the context of the aggravation of the "German question" in the early years of the Cold War. All this factors entailed substantial revision of the Soviet "camp policy" in East Germany in 1948 and complete dissolution of the special camps.

Keywords: NKVD (MVD) special camps in Germany, internment, Soviet occupation zone of Germany, Soviet military administration in Germany (SMAD), occupational policy of the USSR in Germany, I.A. Serov.

* * *

Существование системы специальных лагерей НКВД/МВД СССР в послевоенной Германии — малоизвестная страница истории как советских органов государственной безопасности, так и советской зоны оккупации Германии (СЗО) и советско-германских отношений после Второй мировой войны. Между тем они были важным инструментом советской репрессивной политики в СЗО. Только по официальным данным МВД СССР, через спецлагеря за пять лет их функционирования (1945–1950 гг.) прошло более 157 тысяч человек, из них более 122 тысяч составляли немцы и более 34 тысяч — граждане СССР. За эти годы в спецлагерях умерло более 43 тысяч человек. Из общего числа заключенных, по оценкам современных исследователей, только около 10% находились в лагерях по приговору советских военных трибуналов, работавших на территории СЗО[1]. Подавляющая часть представляла собой так называемый «спецконтингент», или интернированных, т. е. лиц, направленных в лагеря без какого-либо судебного решения, лишь на основании ареста советскими органами госбезопасности на территории Германии. Сами заключенные называли спецлагеря «лагерями молчания» (нем. — Schweigelager), так как эти люди не имели никаких связей с внешним миром, и даже родственники долгие годы не знали об их пребывании там.

Целью настоящей статьи является рассмотрение некоторых аспектов истории спецлагерей в 1945–1948 гг. — с момента их возникновения и до начала процесса демонтажа лагерной сети: анализ нормативно-правовой документации, касающейся создания спецлагерей в полосе действий 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов на территории СЗО в 1945 г., а также анализ структуры и развития лагерной сети в указанный период. Рассмотрение указанных проблем осуществляется с привлечением материалов, отложившихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Это фонд Министерства внутренних дел СССР (Р-9401) и фонд Отдела специальных лагерей МВД СССР в Германии (Р-9409).

Научная актуальность настоящей статьи обуславливается тем фактом, что вплоть до настоящего времени история спецлагерей остается крайне малоизученной в отечественной историографии — и в качестве одного из аспектов деятельности советских органов госбезопасности в послевоенной Германии, и в качестве значимой составляющей советской политики в отношении Восточной Германии

---

[1] См. в частности: *Von Plato A.* Sowjetische Speziallager in Deutschland. 1945–1950. Ergebnisse eines deutsch-russischen Kooperationsprojektes // Speziallager in der SBZ. Gedenkstätten mit "doppelter Vergangenheit" / Hg. von P. Reif-Spirek, B. Ritscher. Berlin, 1999. S. 140.

в первые послевоенные годы[2]. Более активно история спецлагерей изучалась в последние два десятилетия немецкими историками. Диапазон рассмотренных ими проблем очень широк: это история каждого спецлагеря в отдельности, деятельность советских военных трибуналов, действовавших в СЗО, советская лагерная статистика и многое другое[3]. Тем не менее, вопросы о предпосылках и ходе организации спецлагерей в структуре Советской военной администрации (СВАГ), о месте спецлагерей в деятельности советских органов госбезопасности в Германии в первые послевоенные годы остаются в ряде аспектов не до конца проясненными.

В конце 1944 — начале 1945 г., в связи с наступлением Красной Армии на Запад, в полосе боевых действий фронтов было положено начало организации специализированных мест заключения — тюрем и лагерей — для содержания интернированных. Это было связано с началом широкомасштабной деятельности советских спецслужб в тылах наступающей советской армии в обстановке активизации диверсионно-террористической деятельности противника. Советское руководство ставило цель провести масштабные «зачистки» населенных немцами территорий по мере того, как Красная Армия продвигалась к стратегической линии Одер–Нейсе. Эти задачи возлагались на войска НКВД по охране тыла, которые, продвигаясь за наступающими войсками, должны были проводить массовые аресты всех подозрительных и враждебных элементов. Кроме того, на оккупированных территориях действовали Главное управление контрразведки (ГУКР) СМЕРШ, входившее в Наркомат обороны СССР, и поначалу немногочисленные сотрудники Наркомата госбезопасности (НКГБ) (из 1-го управления — с задачами развертывания разведывательной работы

[2] Анализ отдельных аспектов истории спецлагерей представлен в статьях российских историков В.А. Козлова и Н.В. Петрова (см.: Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии, 1945–1950 гг.: Сб. документов и статей / Под ред. С.В. Мироненко; отв. сост. Ю.Г. Орлова. М., 2001.), а также в монографии: *Петров Н.В.* По сценарию Сталина: роль органов НКВД-МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953. М., 2011. Краткий обзор основных этапов истории спецлагерей проведен Г.А. Кузнецовой (*Кузнецова Г.А.* Отдел спецлагерей НКВД–МВД СССР в Германии // Советская военная администрация в Германии, 1945–1949. Справочник / Отв. ред. Я. Фойтцик, А.В. Доронин, Т.В. Царевская-Дякина; при участии: Х. Кюнцель, Д.Н. Нохотович. М., 2009. С. 100–106).

[3] Наиболее важные статьи немецких историков по рассматриваемой теме представлены в сборнике: Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / Hg. von S. Mironenko u. a. Band 1: Studien und Berichte. Berlin, 1998; Band 2: Sowjetische Dokumente zur Lagerpolitik. Berlin, 1998. Одной из наиболее значимых, хотя и страдающей некоторой ограниченностью источниковой базы работ последних лет по истории спецлагерей, вышедших в Германии, является монография Б. Грайнер (*Greiner B.* Verdrängter Terror. Geschichte und Wahrnehmung sowjetischer Speziallager in Deutschland. Bonn, 2010).

в западных зонах оккупации, из 3-го управления — для организации оперативных групп НКГБ СССР на железнодорожном и водном транспорте в будущей Советской зоне оккупации)[4].

В первые месяцы 1945 г. деятельность НКВД на занятых советскими войсками территориях определялась принятым 11 января, за день до начала зимнего наступления Красной Армии в Польше, приказом НКВД СССР № 0016. В соответствии с этим приказом «для обеспечения очистки фронтов тылов действующей Красной Армии от вражеских элементов» был создан институт Уполномоченных НКВД СССР по фронтам. Уполномоченным предписывалось «по мере продвижения частей Красной Армии, на территории, освобожденной от войск противника, немедленно проводить необходимые чекистские мероприятия, обеспечивающие выявление и арест шпионско-диверсионной агентуры германских разведывательных органов, террористов, участников различных вражеских организаций, бандитско-повстанческих групп, независимо от их национальной принадлежности и гражданства». Уполномоченными по фронтам, проходившим по территории Германии (1-й и 2-й Белорусские и 1-й Украинский фронт), были назначены соответственно заместитель наркома внутренних дел И.А. Серов, нарком госбезопасности Белорусской ССР Л.Ф. Цанава и заместитель начальника СМЕРШа П.Я. Мешик. Категории немецкого населения, которое предписывалось обязательно подвергать аресту, были обозначены широко — это не только сотрудники немецких карательных органов (полиции, концентрационных лагерей, прокуратур, судов и трибуналов), члены фашистских организаций, но и хозяйственные служащие, руководители местных органов власти и «прочий подозрительный элемент». Для содержания арестованных выделялись лагерные помещения[5] — на тот момент для временного содержания до отправки на работы в СССР. В последующие три месяца прифронтовые лагеря и тюрьмы НКВД приняли 215 540 человек — немцев, поляков, венгров, словаков, итальянцев и граждан СССР. Немцы из них составляли 138 200 человек. В лагеря НКВД в СССР за этот период было отправлено 148 540 человек. Об этом нарком внутренних дел Л.П. Берия докладывал И.В. Сталину и В.М. Молотову 17 апреля[6]. На следующий день, 18 апреля, был принят приказ НКВД

---

[4] *Петров Н. В., Фойтцик Я.* Аппарат уполномоченного НКВД–МГБ СССР в Германии, политические репрессии и формирование немецких органов госбезопасности в ГДР 1945–1953 // Аппарат НКВД–МГБ в Германии. 1945–1953: Сб/ документов / Науч. ред. и сост. Н.В. Петров, Я. Фойтцик. М, 2009. С. 5.

[5] ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 2-6. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 11–14.

[6] ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 253-255. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 14–16.

№ 00315 о частичном изменении приказа № 0016. Уполномоченным НКВД предписывалось теперь организовать необходимое количество тюрем и лагерей для содержания арестованных. Категории подлежащих аресту «вражеских элементов» практически полностью совпадали с приказом № 0016, однако дополнились группой лиц, обозначенной также не вполне определенно, — «активные члены национал-социалистской партии». Охрана вновь организуемых лагерей и тюрем возлагалась на конвойные войска НКВД[7].

Наиболее важным аспектом приказа представляется то, что он фактически обозначил значимый и неожиданный поворот в практике арестов и содержания немецких граждан. Один из его пунктов гласил: «Прекратить отправку в СССР лиц, арестованных в порядке очистки тылов действующих частей Красной Армии. Установить, что вывоз в СССР отдельных арестованных, представляющих оперативный интерес, может быть произведен только с санкции НКВД СССР»[8]. На деле это означало прекращение мобилизации арестованных в качестве рабочей силы и отправки их в СССР — вместо этого они должны были помещаться в лагеря и тюрьмы, организованные на территории будущей оккупационной зоны при уполномоченных НКВД по фронтам. Непосредственный приказ НКВД об их создании с приложениями о дислокации и штатах лагерей был подписан Берией уже 10 мая 1945 г.[9] Важно отметить, что лагеря не вошли в состав устоявшихся советских лагерных структур — ни в ГУЛАГ, ни в ГУПВИ НКВД СССР (Главное управление по делам военнопленных и интернированных), а были подчинены непосредственно уполномоченным НКВД по фронтам и комплектовались за счет находившихся в их распоряжении сотрудников и офицеров НКВД и офицеров фронтов Красной Армии (в первую очередь, из управления контрразведки СМЕРШ 1-го Белорусского фронта). Несколько позднее, 4 июля 1945 г., согласно приказу НКВД № 00780, аппараты уполномоченных фронтов были расформированы и на созданную должность Уполномоченного НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск был назначен И.А. Серов. В его подчинение вошли лагеря

---

[7] Управление Конвойных войск с апреля 1942 г. входило в преобразованное Главное Управление Внутренних войск НКВД СССР. В январе 1947 г. ГУВВ и внутренние войска были переданы в ведение МГБ СССР (Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; Авторы-сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003. С. 78, 91).

[8] ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 18–20. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 16–18.

[9] ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 22–30. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 19–25.

и тюрьмы на территории СЗО[10]. Поскольку Серов ранее, 6 июня 1945 г., был назначен также заместителем главноначальствующего Советской военной администрации в Германии (маршала Г.К. Жукова) по делам гражданской администрации[11], спецлагеря оказались включены в своеобразную политическую систему. Серов, несмотря на высокую должность в СВАГ, в первую очередь выступал в Германии в качестве представителя НКВД. Таким образом, и спецлагеря, находясь формально в составе структур СВАГ и именовавшиеся в документах «спецлагерями СВАГ», непосредственно подчинялись Серову как Уполномоченному НКВД, который руководил ими через начальника Отдела спецлагерей. Сам же аппарат Уполномоченного НКВД в Германии представлял собой особую, не встроенную в систему СВАГ структуру, подчиняясь руководству в Москве, а не главноначальствующему СВАГ. Такое неоднозначное положение спецлагерей, просуществовавшее вплоть до августа 1948 года и к тому же отягощённое значительным усилением с 1946 г. позиций МГБ в СЗО, в дальнейшем привело к возникновению существенных трудностей для их нормального функционирования. По всей видимости, это было не следствием какой-либо бюрократической путаницы, а вполне очевидным результатом стремления советского руководства замаскировать их деятельность, как и работу оперативных групп НКВД, под органы военной администрации.

В свете приказа НКВД № 00315 основным вопросом, часто дискутируемым в немецкой историографии, остается, почему же Сталин так скоро отказался от политики трудовой мобилизации немцев и стал реализовывать новое понимание практики интернирования, которое выражалось в том числе и в сознательном невключении сети спецлагерей в ГУЛАГ и ГУПВИ? Если судить по следующим фактам, это был результат чисто прагматических соображений. Ожидающееся обострение военной ситуации в связи с готовящейся Берлинской наступательной операцией, массовое взятие в плен солдат Вермахта, быстрый рост числа арестованных гражданских лиц на основании январского приказа НКВД в марте и апреле, в спешке производимый демонтаж промышленных предприятий на занятых Красной Армией территориях — все свидетельствовало о том, что Сталин стремился предотвратить угрожавший территориям

[10] ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 39–41. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 28–30.

[11] Постановление СНК СССР № 1326/301 об организации Советской военной администрации по управлению советской зоной оккупации в Германии // Советская военная администрация в Германии. Справочник. М., 2009. С. 969.

транспортный и продовольственный коллапс[12]. Можно также предполагать, что трудовая мобилизация в тот период не соответствовала потребностям советской военной экономики. В упомянутой выше докладной записке 17 апреля Берия писал Сталину о том, что из числа арестованных по приказу №0016 «для содержания в лагерях НКВД могут быть использованы на физических работах не более половины всего состава, так как остальную часть составляют старики и лица, непригодные к физическому труду»[13]. И уже приказом № 00315 вывоз арестованных «в порядке очистки тылов действующих частей Красной Армии» был прекращён. Исходя их этого можно было бы предположить, что отказ от их трудовой мобилизации был попыткой рационализовать до сих пор беспорядочное привлечение рабочей силы, чтобы избавить советскую лагерную систему от поступления непродуктивных, негодных для работы заключенных[14]. Но даже если это было так, то приказ № 00315 служил этой цели лишь опосредованно, — согласно нему, освобождались, помимо стариков и инвалидов, лишь те нетрудоспособные лица, которые не считались опасными для советской оккупационной власти, т. е. не относились к определенным приказом «вражеским элементам». Отбор немцев по трудоспособности и последующее их направление в лагеря военнопленных на территории СССР, как можно понять из приказа, относился лишь к некоторым «неопасным» категориям, которые не представляли оперативного интереса для органов НКВД, а именно к таким, как: «командно-политический и рядовой состав армии противника, а также военизированных организаций «Фольксштурм»[15], СС[16], СА[17], а также личный состав тюрем, концлагерей, военных комендатур, органов военной прокуратуры и суда»[18]. Однако уже с октября 1945 г. спецлагеря стали принимать для долгосрочного содержания лиц, принадлежавших к указанным структурам[19].

---

[12] Из-за серьезных транспортных проблем в апреле 1945 г. перевозка немецких военнопленных была приостановлена. См. подробнее: *Priess L.* Deutsche Kriegsgefangene als Häftlinge in den Speziallagern des NKWD in der SBZ // Sowjetische Speziallager in Deutschland. Band 1. S. 251.

[13] Специальные лагеря. С. 15.

[14] Впервые это мнение высказано в: *Possekel R.* Sowjetische Lagerpolitik in Deutschland // Sowjetische Speziallager in Deutschland. Band 2. S. 51.

[15] «Фольксштурм» (нем. Volkssturm) — ополченческие формирования нацистской Германии во время Второй мировой войны.

[16] СС (нем. SS, Schutzstaffeln — охранные отряды) — привилегированная военизированная организация в нацистской Германии.

[17] СА (нем. SA, Sturm-Abteilung) — штурмовые отряды, позже — «штурмовая группа Гитлера».

[18] Специальные лагеря. С. 17.

[19] ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 130. Л. 112.

В этой связи более обоснованным объяснением представляется то, что отказ от трудовой мобилизации некоторой части арестованных в СЗО немцев мыслился Сталиным лишь как краткосрочная временная мера. При такой трактовке спецлагеря в известном смысле можно рассматривать как своего рода резервуар рабочей силы, который мог быть использован в случае необходимости. Это подтверждается, в частности, тем, что приказом НКВД СССР № 001196 от 26.12.1946 г., на основании постановления Совета Министров СССР от 23 декабря 1946 г., было принято решение отобрать из спецлагерей и тюрем 27 500 годных к физическому труду человек для использования их в СССР на предприятиях Министерства угольной промышленности восточных районов и Министерства строительства топливных предприятий. Этот контингент должен был заменить тех немецких военнопленных в СССР, которые, в свою очередь, освобождались из-за состояния здоровья или вывозились из СССР в спецлагеря как подлежащие изоляции «по компрометирующим материалам»[20]. Хотя в дальнейшем оказалось, что из контингента спецлагерей невозможно отобрать такое количество работоспособных заключенных, показательна сама идея использовать спецлагеря как источник рабочей силы, что важно для понимания того, с какой целью они были созданы.

Процесс организации лагерей в соответствии с упомянутым приказом НКВД от 10 мая 1945 г. растянулся до конца года. Изначально приказом было определено организовать в полосе дислокаций 1-го, 2-го, 3-го Белорусских фронтов и 1-го и 4-го Украинских фронтов 15 лагерей, три лагеря-тюрьмы и 10 тюрем. С образованием в июне СВАГ и окончательным определением границ советской зоны оккупации Германии, куда вошли земли Саксония, Тюрингия, Мекленбург и провинции Бранденбург и Саксония-Анхальт (они получили статус земель в 1947 г.), а также с образованием советского сектора Берлина начала развертываться сеть спецлагерей на территории Германии. Из справки начальника Отдела спецлагерей полковника Свиридова, составленной 31 декабря 1945 г., следует, что в СЗО к тому времени функционировали 9 спецлагерей и 3 тюрьмы с общим количеством заключенных 62 900 человек[21]. Правда, тюрьмы фактически не находились в ведении Свиридова, а подчинялись либо непосредственно НКВД, либо использовались местными оперативными группами НКВД или НКГБ.

О распределении лагерей и тюрем по территории СЗО на конец 1945 г. можно судить по следующей таблице[22].

---

[20] ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 204. Л. 116.

[21] ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 143. Л. 1–2.

[22] Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 134. Л. 1, 2, 10, 11.

Таблица №1

Спецлагеря на территории СЗО

Земля/провинция	Лагерь/тюрьма	Количество заключенных (на 31.12.1945)	Период функционирования	Дополнительно
Бранденбург	спецлагерь № 5 Кетчендорф г. Фюрстенвальде	8092	18.04.1945 г. — 13.06.1947 г.	организован на территории бывшей кабельной мастерской[23]
	спецлагерь № 6 Ямлиц г. Либерозе	3169	сентябрь 1945 г. — 13.06.1947 г.	организован на территории бывшего одноименного нацистского лагеря[24], с мая по сентябрь 1945 г. располагался во Франкфурт-на-Одере
	спецлагерь № 7 Заксенхаузен в г. Ораниенбург (в 18.11.1945 г. переименован в спецлагерь №1)	11 747	август 1945 г. — 15.03.1950 г.	с мая до августа 1945 г. располагался в местечке Вернойхен, район Бернау, северо-западнее Берлина, с августа 1945 г. переехал на место бывшего нацистского концлагеря[25]
	тюрьма Франкфурт-на-Одере	588	сентябрь 1945 г. — май 1946 г.	с мая по сентябрь 1945 г. — спецлагерь № 6, тюрьма — с сентября 1945 г. В мае 1946 г. передислоцирована в г. Торгау в качестве лагеря[26]
Оперативный сектор г. Берлина	спецлагерь № 3 Хоэншёнхаузен	1797	май 1945 г. — 15.11.1946 г.	организован на территории бывшей фабрики и столовой национал-социалистической организации «Народное благосостояние»[27]
	тюрьма Лихтенберг	106	октябрь 1945 г. — май 1946 г.	

[23] Morre J. Speziallager des NKWD. Sowjetische Internierungslager in Brandenburg 1945–1950. Potsdam, 1997. S. 43.

[24] Ibid. S. 33.

[25] Ibid. S. 63.

[25] ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 132. Л. 62.

[27] Totenbuch. Sowjetisches Speziallager Nr. 3 und Haftarbeitslager Berlin-Hohenschönhausen 1945–1949. Berlin, 2014. S. 7

Таблица №1 (окончание)

Мекленбург	спецлагерь № 9 Фюнфайхен под Нойбранденбургом	8315	май 1945 г. — 18.11.1948 г.	организован в бывшем лагере военнопленных Вермахта[28]
	тюрьма Штрелитц	455	май 1945 г. — 31.10.1946 г.	передана в ведение Отдела спецлагерей от оперсектора НКВД земли Мекленбург 23.07.1945 г.[29]
Саксония	спецлагерь № 4 Баутцен (с 18.11.1948 г. — спецлагерь №3)	6265	июнь 1945 г. — 15.03.1950 г.	организован на базе тюрьмы НКВД (согласно донесению начальника тюрьмы Казакова Свиридову от 07.08.45[30])
	спецлагерь № 1 Мюльберг	10 419	сентябрь 1945 г. — 26.07.1948 г.	организован в бывшем лагере для военнопленных Вермахта[31], до сентября 1945 г. располагался в г. Швибус (польское название — Свебодзин)[32]
Саксония-Анхальт	спецлагерь № 8 Торгау	7285	07.09.1945 г.— 15.02.1947 г.	организован в бывшей нацистской тюрьме «Форт Цина», ранее — в г. Шнайдемюль[33]. С марта 1946 г. располагался в казарме Зейдлиц[34]
Тюрингия	спецлагерь № 2 Бухенвальд, г. Веймар	5601	20.08.1945 г. — 15.03.1950 г.	организован в бывшем нацистском концлагере[35]

Из приведенной таблицы видно, что наибольшая концентрация спецлагерей приходилась на землю Бранденбург. Очевидно, это объясняется компактностью территории, что значительно облегчало

---

[28] *Greiner B.* Op. cit. S. 12.

[29] ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 134. Л. 43.

[30] Там же. Л. 14.

[31] *Greiner B.* Op. cit. S. 11.

[32] ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1 . Д. 134. Л. 21.

[33] 07.09.1945 г. начальник спецлагеря в г. Шнайдемюле Г.В. Лаврентьев сообщил Свиридову об открытии лагеря на территории бывшей тюрьмы в г. Торгау (ГА РФ. Ф Р-9409. Оп.1. Д.134. Л. 18–19).

[34] *Greiner B.* Op. cit. S. 12.

[35] ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1 . Д. 134. Л. 42.

управление ими и переброску кадров. Именно там расположился самый крупный спецлагерь — Заксенхаузен, через который за пять лет прошло более 60 тысяч заключенных. Кроме того, спецлагеря создавались преимущественно на местах с готовой лагерной инфраструктурой — в бывших нацистских концлагерях и тюрьмах.

Указанные в таблице спецлагеря и тюрьмы образовали к концу 1945 г. сеть специальных мест заключения в Восточной Германии, которая без существенных изменений просуществует до начала процесса ликвидации спецлагерей в 1948 г. Единственное исключение — спецлагерь № 10 в Торгау (второй в этом городе), созданный только в мае 1946 г. и принявший заключенных из ликвидированной тюрьмы во Франкфурте-на-Одере[36].

В таблицу не включен спецлагерь № 4 в городе Ландсберг-на-Варте. Он был также организован приказом НКВД от 10 мая 1945 г., но оказался на территории, отторгнутой от Германии в пользу Польши (город Ландсберг был переименован в Гожув-Велькопольски). На основании предписания Серова от 17 декабря 1945 г., лагерь был передислоцирован в СЗО[37]. Большая часть заключенных, 5617 человек, была направлена в спецлагерь № 2 Бухенвальд, 212 человек — в спецлагерь № 8 в Торгау[38].

Кадровое наполнение персонала спецлагерей производилось из разных структур. Все руководящие должности в Отделе и в лагерях занимали присылаемые из Отдела (с 1947 г. — Управления) кадров НКВД СССР офицеры. Согласно приказу НКВД от 10 мая 1945 г., подбором этих офицеров занимался заместитель Берии и начальник Отдела кадров Б.П. Обручников. Как уже отмечалось выше, также в спецлагеря направлялись сотрудники УКР СМЕРШ 1-го Белорусского фронта. Внутреннюю охрану лагерей обеспечивали солдаты и сержанты срочной службы (также преимущественно из запасных полков 1-го Белорусского фронта) и вольнонаемные, внешнюю — конвойные войска НКВД[39], позже — внутренние войска МГБ в Германии. Первым начальником Отдела спецлагерей был назначен полковник Михаил Евдокимович Свиридов, выходец из Главного Управления пограничных войск НКВД СССР, где он занимал руководящие должности в политотделах соединений. Свиридов руководил Отделом до июня

---

[36] ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 132. Л. 62.

[37] Там же. Д. 131. Л. 77.

[38] Там же. Л. 62.

[39] Об этом последний начальник отдела спецлагерей полковник Соколов докладывал в 1949 г. заместителю начальника ГУЛАГа генерал-майору Б.П. Трофимову (ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2546. Л. 21).

1947 г.[40] Временные штаты Отдела были утверждены только в январе 1946 г. уже новым наркомом внутренних дел генерал-полковником С.Н. Кругловым. Руководящие должности Отдела были представлены начальником и его заместителем[41] с приданным им секретариатом. Отдел делился на отделения — учетное, оперативное, кадровое, административно-хозяйственное, санитарное, финансовое, также в него входили вахтёрская команда и транспортная группа. Всего в отделе было предусмотрено 38 штатных единиц. Аналогичные штаты были введены и в самих лагерях и тюрьмах (113 и 26 штатных единиц соответственно)[42]. Никогда за весь период существования спецлагерей штаты не были полностью укомплектованы. Недостаток кадров станет на годы одной из основных проблем в функционировании спецлагерей.

На начальном этапе главным документом, регламентирующим деятельность спецлагерей, было «Временное положение о спецлагерях НКВД на оккупированной территории Германии», утвержденное Серовым 27 июля 1945 г. Согласно положению, основной задачей лагерей, предназначенных для содержания арестованных в соответствии с приказом НКВД № 00315, являлась «полная изоляция содержащихся в лагере контингентов от внешнего мира и недопущение побегов». Арестованные принимались в лагерь на основании постановления об аресте и направления, утвержденного начальником оперативной группы НКВД или СМЕРШ[43]. На тот момент это был единственный путь попадания в лагерь — арестованные указанными органами (а также НКГБ) помещались в лагерь без какого-либо судебного решения и составляли категорию так называемого «спецконтингента». Положение не обязывало руководство лагерей организовывать работу для заключенных. В большинстве лагерей они действительно не были заняты на работах, что, при отсутствии какой-либо иной деятельности, полной изоляции (переписка и свидания были запрещены)[44], при очень плохих условиях жизни в лагере и абсолютном неведении, сколько продлится заключение, делало еще невыносимей нахождение там. Эти факты свидетельствуют в том числе и о том, что спецлагеря по своей сути не были, конечно, ни концентрационными лагерями,

---

[40] *Петров Н.В.* Кто служил в советских органах госбезопасности в Германии, 1945–1954: Справочник. М., 2017. С. 666.

[41] Практически весь период существования лагерей эту должность занимал майор Петр Никифорович Казюлин (*Петров Н.В.* Кто служил... С. 927).

[42] ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 195. Л. 100–103.

[43] ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 129. Л. 84–85.

[44] Там же. Л. 88.

предназначавшимися для запланированного и организованного уничтожения людей, ни трудовыми лагерями, ни лагерями для интернированных, так как интернирование подразумевает временное помещение под стражу, заключение или иное ограничение свободы населения, связанное с исключительными военными или кризисными условиями. В СЗО же исключительная ситуация использовалась как длительное состояние (вплоть до 1950 г.). Кроме того, поскольку позднее в лагеря стали поступать и осужденные судом немецкие и, в меньшем числе, советские граждане, определение их как лагерей для интернированных, какие существовали в западных зонах оккупации, является совершенно неправомерным. По этим признакам спецлагеря представляли собой такого рода места заключения, подобных которым в советской репрессивной системе не существовало ни до, ни после.

Начавшие поступать в спецлагеря граждане СССР, как было установлено в сентябре 1945 г., содержались исключительно в спецлагерях № 2, № 5 и № 6, отдельно от остального контингента, и оттуда отправлялись в СССР[45].

Таким образом, что касается непосредственно организации спецлагерей и тюрем, фактически этот процесс завершился только к концу 1945 г. Это было связано в том числе и с тем, что после Потсдамской конференции, прошедшей в июле–августе 1945 г. и определившей восточную границу послевоенной Германии, лагеря, изначально в соответствии с приказом НКВД от 10 мая 1945 г. находившиеся и восточнее линии Одер–Нейсе, перемещались западнее нее, на территорию СЗО. Тогда Отдел и сами лагеря получили организационную схему, которая в целом просуществует до их ликвидации.

Позднее, в 1946–1947 гг., произошли некоторые изменения в общей организации работы спецлагерей. Во-первых, следует отметить, что вплоть до принятия нового положения о спецлагерях в октябре 1946 г. (тоже только «временного»)[46], по которому они будут работать до конца своего существования, с формальной точки зрения они были непосредственно подчинены Уполномоченному НКВД/МВД СССР в Германии (хотя во внутренней документации НКВД/МВ именовались «спецлагерями СВАГ»). Однако в августе 1946 г. произошла серьезная реорганизация работы советских спецслужб в Германии. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) П59/39 от 20 августа 1946 г. в МГБ сосредотачивалась вся «оперативно-чекистская и следственная работа»

[45] Там же. Д. 492. Л. 32.

[46] Текст положения см.: Там же. Д. 140. Л. 17–24. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 73–77.

в СЗО, а за МВД осталось управление тюрьмами и спецлагерями[47]. После этого в новом «временном положении» появилась более общая формулировка — «спецлагеря МВД СССР на территории Германии». Серов, правда, осуществлял руководство над ними в качестве Уполномоченного МВД в Германии до февраля 1947 г., когда эта должность была упразднена. Обозначение «спецлагеря СВАГ» оставалось, что отражало их подчиненность Серову уже только как заместителю главноначальствующего СВАГ. Однако всё это не было закреплено никакими официальными установлениями. Поэтому неопределенность подчинения спецлагерей (далеко не только с формальной точки зрения) продолжала существовать. Как констатировалось в записке руководства спецлагерей министру Круглову в 1947 г., спецлагеря не входят в систему СВАГ, «отсутствует оперативное руководство и со стороны Управлений МВД СССР — ГУЛАГа, Тюремного управления. Такое положение отрицательно сказывается в работе, так как никто Отдел спецлагерей не контролирует и не оказывает помощи»[48].

К ноябрю 1946 г. был расформирован спецлагерь № 3 Берлин-Хоэншёнхаузен. Это решение было инициировано военным комендантом советского сектора оккупации Берлина генерал-майором А.Г. Котиковым. В своем обращении к главноначальствующему СВАГ В.Д. Соколовскому в сентябре 1946 г. он так формулировал одну из причин необходимости ликвидации этого лагеря: «Кладбище лагеря расположено вблизи лагеря и никем не охраняется. Мимо лагеря и кладбища свободно проходят немцы и могут заходить на кладбище как днем, так и ночью. На кладбище беспорядочно зарыто несколько сот трупов, при этом часть из них зарыто в воронках и разных ямах. При таком положении деятельность лагеря может стать широко известной не только жителям Берлина, но и другим государствам»[49]. В этом решении проявилась и еще одна существенная проблема функционирования спецлагерей. Как окажется впоследствии, опасения советского руководства относительно того, что информация об их существовании распространится на Западе и подорвет пропагандируемый образ строящегося демократического государства в Восточной Германии, станет одной из причин расформирования спецлагерей. Но даже тогда факт их существования не удавалось полностью скрыть. Еще в марте 1946 г. политический советник при главноначальствующем СВАГ В.С. Семенов сообщал Серову, что в английских газетах появились сообщения о том, что «концентраци-

---

[47] *Петров Н.В., Фойтцик Я.* Указ. соч. С. 13.

[48] ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4152. Л. 247.

[49] ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 132. Л. 28.

онные лагери Заксенхаузен и Бухенвальд и некоторые другие снова превращены в места пребывания политических заключенных, главным образом, из оппозиционных социал-демократов»[50]. Невозможно было скрыть эти факты от восточногерманской общественности. Во всяком случае, известно, что руководство Коммунистической партии Германии было в курсе существования некоторых спецлагерей. Секретарь КПГ Вильгельм Пик по крайне мере один раз посещал спецлагерь № 4 в Баутцене в августе 1946 г. Об этом Свиридов докладывал Серову специальным сообщением[51].

Помимо спецлагеря в Берлине, в ноябре 1946 г. была ликвидирована Штрелитцкая тюрьма. Там содержались осужденные советскими военными трибуналами немцы — новая категория заключенных, появившаяся в спецлагерях в мае 1946 г. Из Штрелитца они были переведены в отдельную зону тюрьмы спецлагеря Заксенхаузен[52]. В это же время по инициативе Свиридова Лихтенбергская тюрьма в Берлине, содержавшая, помимо осужденных немцев, и граждан СССР[53], была передана оперсектору МГБ Берлина и стала его внутренней тюрьмой[54]. В феврале 1947 г. по инициативе Свиридова и с одобрения Серова был расформирован лагерь № 8 в Торгау[55]. Также в начале 1947 г. с разрешения Серова, было принято решение закрыть лагеря № 6 Ямлиц под Либерозе[56] и № 5 Кетчендорф[57]. Таким образом, ко второй половине 1947 г. оставались функционировать шесть спецлагерей из изначальных десяти, с числом заключенных 58 053 человек (на 15 декабря 1947 г.)[58]. Одновременно же все десять лагерей работали только с мая по ноябрь 1946 г., т. е. после создания второго лагеря в Торгау и до закрытия лагеря в Берлине.

В каком состоянии спецлагеря были накануне больших перемен, к 1948 г.? Во-первых, после решения вопроса с военнопленными (отделения их от тех категорий, которые направлялись в спецлагеря

---

[50] Там же. Л. 62.

[51] ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 132. Л. 13–14.

[52] Там же. Л. 31.

[53] По распоряжению Серова с 30 января 1946 г. все осужденные граждане СССР до этапирования на родину содержались также в тюрьме спецлагеря Баутцен и во Франкфуртской тюрьме (ГА РФ. Ф. Р-9409. Д. 129. Л. 59).

[54] ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 132. Л. 33.

[55] Там же. Л. 26.

[56] Там же. Д. 133. Л. 62.

[57] Там же. Л. 45.

[58] Эта цифра приводится в строевой записке, составленной начальником учетного отделения Отдела спецлагерей капитаном Скворцовым (ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 143. Л. 148).

в соответствии с приказом НКВД № 00315), окончательно определился характер этих лагерей как особых специализированных мест заключения, где содержались две основные категории заключенных, — интернированные и осужденные советскими военными трибуналами, составлявшие меньшую часть всего контингента. Во-вторых, к указанному периоду (или даже несколько ранее) стал очевиден провал попытки возобновления трудовой мобилизации заключенных спецлагерей. Спецлагеря обнаружили свою полную несостоятельность в качестве мест сохранения рабочей силы. Это свидетельствовало о том, что лагерная политика в основном определялась ситуативными соображениями целесообразности, и цену за это, как и за низкую степень эффективности управления лагерями, не имевшими четкой институциональной принадлежности, платили заключенные — своим здоровьем и своими жизнями. Самый общий анализ основных решений высшего руководства СССР, касавшихся спецлагерей и жизни содержащихся в них заключенных, в известной степени подтверждает мысль об «умышленном отказе от любого планирования»[59] в отношении лагерной политики в Германии. И эта приверженность со стороны советского руководства политической конъюнктуре, а не продуманной программе действий (фактически отсутствовавшей), и озабоченность состоянием общественного мнения о себе проявились уже в 1947 г., когда судьба спецлагерей в контексте будущего СЗО была еще неочевидна. Обозначилась тенденция закрытия одних спецлагерей для улучшения состояния и большей компактности других. И хотя это не решало главных недостатков в их работе, и контингент продолжал находиться в крайне тяжелом физическом и моральном положении, сама неустойчивость созданной к концу 1945 г. лагерной сети весьма показательна. В связи с этим, а также с тем, что к концу третьего года существования спецлагеря не имели определенных инструкций по своей работе и продолжали испытывать хронический дефицит в количестве и качестве служащих там солдат и офицеров, лишь небольшая часть из которых были кадровыми офицерами МВД, неизбежность перестройки их деятельности в том или ином виде стала очевидной. Обострившийся «германский вопрос» внесет свои коррективы в процесс трансформации спецлагерей и во многом определит характер этих изменений в 1948–1950 гг.[60]

---

[59] *Greiner B.* Op. cit. S. 463.

[60] Подробнее о процессе ликвидации спецлагерей см.: *Леонтьева Н.И.* Советские специальные лагеря МВД СССР в Германии: предпосылки, ход и итоги их ликвидации (1947–1950) // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 1. С. 118–133.

References

Greiner B. *Verdrängter Terror. Geschichte und Wahrnehmung sowjetischer Speziallager in Deutschland*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2010. 523 S.

Petrov N.V. *Po stsenariyu Stalina: rol' organov NKVD–MGB SSSR v sovetizatsii stran Tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy. 1945–1953* [According to Stalin's Scenario: The Role of the NKVD (MGB) of the USSR in the Sovietization of the Countries of Central and Eastern Europe, 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 351 p.

Petrov N.V. *Kto sluzhil v sovetskikh organakh gosbezopasnosti v Germanii, 1945–1954: Spravochnik* [Who Served in the Soviet State Security Organs in Germany, 1945–1954: A Handbook]. Moscow: Zven'ya, 2017. 1052 p.

Petrov N.V., Foitzik J. *Apparat upolnomochennogo NKVD–MGB SSSR v Germanii, politicheskiye repressii i formirovaniye nemetskikh organov gosbezopasnosti v GDR 1945–1953* [The Office of the Authorized Representative of the NKVD (MGB) of the USSR in Germany, Political Repressions and the Formation of the German State Security Organs in the GDR, 1945–1953] // *Apparat NKVD–MGB v Germanii. 1945–1953: Sbornik dokumentov* [The Office of the NKVD (MGB) in Germany, 1945–1953: A Collection of Documents] / Ed. and comp. by N.V. Petrov, J. Foitzik. Moscow: Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya", 2009, pp. 5–51.

Plato A., von. *Sowjetische Speziallager in Deutschland. 1945–1950. Ergebnisse eines deutsch-russischen Kooperationsprojektes* // Speziallager in der SBZ. Gedenkstätten mit "doppelter Vergangenheit" / Hg. von P. Reif-Spirek, B. Ritscher. Berlin: Links Verlag, 1999, ss. 124–128.

Possekel. R. *Sowjetische Lagerpolitik in Deutschland* // Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / Hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato mit V. Knigge und G. Morsch. Band 2: Sowjetische Dokumente zur Lagerpolitik. Berlin: Akademie Verlag, 1998, ss. 15–110.

Priess L. *Deutsche Kriegsgefangene als Häftlinge in den Speziallagern des NKWD in der SBZ* // Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / Hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato mit V. Knigge und G. Morsch. Band 1: Studien und Berichte. Berlin: Akademie Verlag, 1998, ss. 250–263.

Sovetskaya voyennaya administratsiya v Germanii, 1945–1949. Spravochnik [Soviet Military Administration in Germany, 1945–1949. A Handbook] / Ed. by J. Foitzik, A.V. Doronin, T.V. Tsarevskaya-Dyakina. Moscow: ROSSPEN, 2009. 1031 p.

Sowjetische Speziallager Nr. 7/Nr. 1 in Sachsenhausen (1945–1950). Katalog der Ausstellung in der Gedenkstätte und Museum Sachsenhausen. Berlin: Metropol Verlag, 2005. 504 S.

Spetsial'nyye lagerya NKVD/MVD SSSR v Germanii, 1945–1950 gg.: Sbornik dokumentov i statey [The Special Camps of the NKVD (MVD) of the USSR in Germany, 1945–1950: A Collection of Documents and Articles] / Ed. by S.V. Mironenko; comp. by Yu.G. Orlova. Moscow: ROSSPEN, 2001. 376 p.

Totenbuch. Sowjetisches Speziallager Nr. 3 und Haftarbeitslager Berlin–Hohenschönhausen 1945–1949. Berlin: Jaron Verlag, 2014. 128 S.

Поступила в редакцию
21 марта 2018 г.

А.Х. Гильмитдинова*

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ЭЛИТНЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА VI–IV вв. до н.э.

A. Kh. Gil'mitdinova

TO THE ISSUE OF THE ELITE BURIAL SITES OF EARLY NOMADS IN THE SOUTH URALS IN THE 6th–4th CENTURIES BC

Аннотация. При реконструкции социальной структуры ранних кочевников большое значение имеет изучение вертикальной иерархии общества, и анализ погребальных памятников позволяет сформировать представление о наличии определенного социального ранга и статуса погребенных. Для исследования социальной стратификации необходима система определенных признаков, указывающих на статусное положение индивида или группы индивидов в древнем обществе. В работе вкратце рассмотрены точки зрения и подходы исследователей, изучающие «элиту» в кочевых обществах, обитавших на обширной территории евразийского степного пояса, и приведены критерии элитарности, которые ранее специально были выделены для кочевнических памятников южноуральского региона. Также, в исследовании затронуты вопросы, касающиеся выявления черт кочевой элиты и проведены попытки вычленения основных маркеров захоронений «знати» ранних кочевников Южного Урала. Статья посвящена исследованию критериев элитных погребений ранних кочевников Южного Урала, где рассмотрены захоронения второй половины VI–IV вв. до н.э. Всего проанализировано 239 погребальных комплексов из 86 курганов. Выборка была разделена на две группы захоронений, датируемых второй половиной VI–V вв. до н.э. и концом V–IV вв. до н.э. В рамках данного исследования погребальные комплексы были подвергнуты анализу по следующим признакам: размеры и особенности конструкций курганных насыпей; наличие сложных надмогильных погребальных сооружений; количество и положение погребений в кургане относительно центра; размеры

* *Гильмитдинова Алина Харисовна*, аспирант Института археологии РАН

Gil'mitdinova Alina Kharisovna, Postgraduate Student at the Institute of Archaeology, RAN

+7-977-327-59-91; melnichuk.alina@mail.ru

и типы могильных ям; количество погребенных в камере; пространственная локализация погребенных (положение костяков в могильной яме, их поза и ориентировка по сторонам света). Немаловажную часть исследования представляет анализ погребального инвентаря, который рассматривался по следующим категориям: предметы вооружения, конская сбруя, предметы быта и культа, посуда (керамическая, металлическая, деревянная), и украшения. Основными результатами данного исследования является выделение критериев элитных погребений, которые позволят определить место «знати» в обществе ранних кочевников.

***Ключевые слова*:** Южный Урал, ранний железный век, ранние кочевники, погребальный обряд, социальная организация, кочевая элита.

Abstract. In reconstructing the social structure of early nomads it is important to study social hierarchy, and the analysis of burial sites gives an idea of social rank and status of buried individuals. In order to research social stratification it is necessary to work out a system of features to denote the status of an individual or a group in ancient society. This work reviews the views and approaches of the researches who study elites in nomadic societies on the vast territories of Eurasian steppes, and it gives the criteria for belonging to the elite, which were earlier worked out for nomadic sites of the South Urals. The article also covers the issues of features of nomadic elites and selection of tags for elite burials of early nomads of the South Urals. The criteria for elite burials of early nomads of the South Urals are analyzed on the basis of burials of the second half of the 6th — 4th century BC. The total analysis covered 239 burials from 86 mounds. The sampling was divided into two groups of burials dated the 6th — 5th century BC and late 5th — 6th century BC. For the purpose of this research the burial sites were analyzed on the following features: size and construction features of burial mounds; complex graveside burial constructions; number and position of burials in the mound related to the center; size and types of chambers; spatial localization of buried individuals (position of bones in the chamber, their posture and orientation in the cardinal directions). Another focus of the research is the analysis of grave goods in the following categories: weapons, harness, household and religious items, utensils (ceramic, metal, wood) and ornamentals. The findings of this research are the criteria of elite burials, which allows to define the position of the elite in early nomadic societies.

Keywords: South Urals, Early Iron Age, early nomads, funeral rite, social organization of nomads, nomadic elite.

* * *

Активное исследование элитных погребальных памятников ранних кочевников началось относительно недавно. Интерес представляли как сам термин «элита» в рамках археологического по-

нятийного аппарата[1], так и отражение признаков элитарности в погребальных комплексах[2].

История изучения элитных погребений ранних кочевников Южного Урала начинается с работ М.И. Ростовцева[3]. Позднее этой темы в своих исследованиях касались Б.Н. Граков[4] и К.Ф. Смирнов[5]. В большей или меньшей степени элитными погребениями ранних кочевников Южного Урала занимались: А.Х. Пшеничнюк[6], Л.Т. Яблонский[7], В.Н. Мышкин[8], С.Ю. Гуцалов[9], А.Д. Таиров и А.Г. Гаврилюк[10].

Одним из первых, кто попытался выявить черты, характеризующие элитные погребения, был К.Ф. Смирнов. Он выделил критерии элитных погребений по результатам исследования группы захоронений из курганов Три Мара, где, по его мнению, нашли отражение почти все признаки особо богатых погребений Южного Приуралья, а именно: сложные надмогильные сооружения; захоронения младших родственников и стражников над основной могилой, иногда в ее засыпке; захоронение боевого коня, сбруя которого украшена накладками в зверином стиле; ранняя для V в. до н.э. тенденция к

---

[1] *Мейкшан И.А.* Элита, аристократия, знать в кочевом обществе: некоторые аспекты изучения по материалам письменных и археологических источников // Известия Алтайского гос. ун-та. № 4–1 (72). Барнаул, 2011. С. 142–147.

[2] Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2015; Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху // Археологические изыскания. Вып. 18. СПб., 1994.

[3] *Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // Материалы по археологии России. № 37. Пг., 1918. С. 80–81.

[4] *Граков Б.Н.* ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 100–121.

[5] *Смирнов К.Ф.* Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 88.

[6] *Пшеничнюк А.Х.* Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа, 2012. 280 с.

[7] *Яблонский Л.Т.* Элитарная субкультура ранних кочевников Южного Приуралья и механизмы формирования раннесарматской культуры // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2015. С. 46.

8 *Мышкин В.Н.* О субкультуре элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V веках до нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. № 11. Волгоград, 2010. С. 170–190.

[9] *Гуцалов С.Ю.* Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2 (30). С. 75–92.

[10] *Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г.* К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 141–159.

диагональности главного погребенного; разнообразие погребального инвентаря, где встречаются оружие и золотые вещи[11]; предметы, выполненные в зверином стиле[12]; обширные прямоугольные или квадратные грунтовые могилы, ямы с дромосами и катакомбами[13].

Из критериев, обозначавших принадлежность умерших к элите, В.Н. Мышкин выделяет: величину курганной насыпи; состав тризны и жертвоприношений; местоположение могилы в кургане; тип могилы и ее размеры; вид надмогильной конструкции; характер расположения умершего в могиле, его ориентировка по сторонам света; вид животного, принесенного в жертву; местоположение частей туши животных в могиле; количество и состав погребального инвентаря, включающего предметы социального престижа[14].

Л.Т. Яблонский относил к числу элитных признаков: наличие в захоронении предметов, выполненных из драгоценных металлов; погребальное сооружение в большой могильной яме с дромосом и деревянным перекрытием; предметы импорта в составе сопровождающего инвентаря (прежде всего древности «ахеменидского круга»); следы жертвоприношений; курганы с большими насыпями; наличие воинских захоронений с разнообразными и богато украшенными предметами вооружения; наличие богатых женских захоронений с инвентарем, определяемым как жреческий[15].

При очевидном сходстве мнений о признаках элитных погребений, выделенные исследователями маркеры всё же имеют некоторые отличия, что, в свою очередь, может быть связано с авторской выборкой анализируемого материала — его разнообразием и/или количеством. В связи с этим существующие в отечественной историографии признаки элитных погребений ранних кочевников Южного Урала до сих пор не представляют собой четко определенной системы.

Выделенные исследователями критерии элитарности были сведены нами в общий список маркеров, описывающих захоронения кочевой «знати». В их число вошли следующие признаки:

1) величина насыпи кургана;

2) надмогильное сооружение, на возведение которого необходимо было значительное количество трудозатрат;

3) тип погребальной камеры (катакомба, подбой, большие ямы с дромосами);

4) расположение могилы в пространстве кургана;

---

[11] *Смирнов К.Ф.* Указ. соч. С. 84.

[12] Там же. С. 85.

[13] Там же. С. 86.

[14] *Мышкин В.Н.* Указ. соч. С. 174.

[15] *Яблонский Л.Т.* Указ. соч. С. 46.

5) локализации погребенного в могильной яме (его ориентировка и положение);

6) наличие жертвенных животных (и их вид);

7) количество и богатство погребального инвентаря, в частности наличие предметов из драгоценных металлов, импорта, обилие украшений и оружия.

Перечисленные критерии применены в настоящей работе для выявления погребений элиты ранних кочевников Южного Урала VI–IV вв. до н.э.

Целью данного исследования является выделение маркеров элитарности погребальных памятников ранних кочевников Южного Урала VI–IV вв. до н.э. на основе анализа привлеченного материала, с учетом мнений предшественников, ранее занимавшихся этой проблемой.

Материалы

Всего анализу было подвергнуто 239 погребальных комплексов из 86 курганов ранних кочевников VI–IV вв. до н.э. Выборка была разделена на две группы захоронений, датируемых VI–V вв. до н.э. и концом V–IV вв. до н.э.

К первой группе относятся 30 погребений из 24 курганов могильника Кырык-Оба II, Казавкинских, Бирубайских, III Ивановских, Елбулак-Тамакских, Альмухаметовских и курганов у пос. Целинный.

Ко второй, более многочисленной группе, отнесены 209 погребений из 62 курганов могильников Филипповка I и II, Альмухаметовских, II Сибайских, Переволочанских, I Ивановских, Булатовских и Авласовских курганов.

Анализ

Одной из непростых задач исследования является расчет трудозатрат на возведение курганной насыпи. В связи с естественными процессами разрушения памятника во времени и вследствие антропогенного влияния на него, происходит расползание насыпи, приводящее одновременно к увеличению диаметра кургана и уменьшению его высоты. Поэтому степень объективности при анализе только этих двух параметров кургана сильно снижается.

В археологической литературе приведены примеры возможной корректировки данных. В.Н. Мышкиным была предпринята попытка определить размеры насыпи с помощью показателей вариационного размаха путем вычисления среднего арифметического и среднеквадратического отклонения от некоего «стандарта» значений высоты и диаметра кургана[16]. В работе М.В. Кривошеева и Я.А. Лукпановой

[16] *Мышкин В.Н.* Указ. соч. С. 171–172.

изначальный размер памятников реконструировался с помощью расчета современного объема курганной насыпи[17]. В нашем исследовании был выбран последний метод вычисления, в результате которого были определены курганы с максимальным (19 874 м³ — Филипповка I, к. 1, 4) и минимальным (1 м³ — Кырык-Оба II, к. 27) объемом насыпей.

Учитывалось наличие рва и вала. Последний зачастую представлен в виде могильного выкида, окаймлявшего центральную могильную яму. Вал обычно имел кольцевую или подковообразную форму с одним или несколькими разрывами, нередко в южном секторе, что наиболее характерно для погребальных комплексов второй половины V–IV вв. до н.э.

Анализ надмогильных конструкций привел к выявлению следующих основных типов: 1) сооружения, созданные с помощью сырцового кирпича (встречались только на территории Западного Казахстана в памятниках VI–V вв. до н.э.); 2) деревянные конструкции шатрового типа; 3) деревянные срубы; 4) деревянные настилы с уложенными сверху каменными плитами.

В погребальных комплексах также исследовалось: количество и положение погребений в кургане относительно центра; размеры и тип могильных ям; количество погребенных в камере; пространственная локализация погребенных (положение костяков в могильной яме, их поза и ориентировка по сторонам света).

Важную часть исследования представляет анализ погребального инвентаря, который рассматривался по следующим категориям: предметы вооружения, конская сбруя, культовые вещи, предметы быта, посуда (керамическая, металлическая, деревянная), украшения.

Результаты

Среди памятников VI–V вв. до н.э. выявлен самый большой курган 2 из III Ивановских курганов, объем насыпи которого равен 1143 м³ (при диаметре 40 м и высоте 3,6 м). К памятникам с объемом насыпей от 600 до 120–100 м³ относятся курганы из могильников Кырык-Оба II (к. 2, 12, 15-19), Альмухаметово (к. 5, 8), Казавкинский (к. 1). К курганам с наименьшим объемом насыпи (от 10 до 1 м³) относились следующие памятники: Целинный, к. 1; Альмухаметово, к. 17; Кырык-Оба II, к. 27.

Конструкции надмогильных сооружений в курганах VI–V вв. до н.э. отличаются разнообразием и включают все перечисленные

[17] *Кривошеев М.В., Лукпанова Я.А.* Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2015. № 5 (35). С. 101.

типы. Особенностью этого периода является использование сырцового кирпича при создании конструкций (Кырык-Оба II, к. 12, 16, 18, 19). Так как данная черта выявлена по материалам могильника, находящегося в безлесной зоне, то вероятно упомянутый тип конструкций характерен только для локальной территории. Несмотря на существование различных типов сооружений, большинство памятников объединяет использование древесины.

Как правило, под каждой насыпью находилось одно погребение, располагавшееся в центральной части кургана, но встречались и коллективные захоронения. Костяки были обнаружены в вытянутом на спине положении. Большинство ориентированы головой на север. Антропологические определения единичны. В могильных ямах в основном были обнаружены взрослые индивиды, погребения детей и подростков чрезвычайно редки. Пол был определен всего у шести индивидов.

Наиболее яркий и информативный материал второй половины VI–V вв. до н.э. был получен из могильника Кырык-Оба II. Основными чертами некрополя являются: 1) сооружения из сырцовых кирпичей, являющиеся частью надмогильной конструкций; 2) оригинальные уздечки, украшенные элементами звериного стиля; 3) богатый набор погребального инвентаря, в частности золотые украшения; 4) ритуальное погребение гигантской собаки (к. 12); 5) человеческие жертвоприношения; 6) наличие ритуальных комплексов (к. 18)[18].

Рассматривая вариативность конской узды, С.Ю. Гуцалов проводит параллели с курганом Аржан, где обнаруженные уздечные наборы могли принадлежать представителям разных племен, захороненных вместе с «царем»[19]. Исходя из этого, он допускает возможность того, что в могильнике Кырык-Оба II похоронены представители родоплеменной знати[20].

Среди погребального инвентаря в захоронениях некрополя были обнаружены «парадные» мечи и деревянные чаши с золотыми обкладками, которые принято считать предметами престижа[21].

---

[18] *Гуцалов С.Ю.* Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // Российская археология. 2010. №2. С. 55, 58.

[19] *Грязнов М.П.* Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. С. 49–50.

[20] *Гуцалов С.Ю.* Погребальные памятники ... С. 89.

[21] *Гуляев В.И.* «Престижные вещи» из среднедонских курганов скифского времени и проблема единой Скифии // Проблемы современной археологии. М., 2008. С. 155–171, 161–162; *Гуляев В.И.* «Парадные» мечи V–IV вв. до н.э. из курганов Скифии // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж, 2009. С. 147–151.

Наряду с захоронениями, совершенными по пышному погребальному обряду и содержащими богатый и разнообразный инвентарь, в могильнике есть курганы с весьма бедными погребениями. Периферийное безынвентарное захоронение подростка (к. 18, п. 1) рассматривается как зависимое по отношению к основному, центральному погребению[22], а захоронение в кургане 27 было отнесено к классу «рядовых» из-за небольших размеров надмогильного сооружения и бедности сопровождающего инвентаря[23]. Также в одной из своих работ автор отмечал ряд отличий погребений рядовых скотоводов от элитарных захоронений[24].

Скопление черепов взрослых людей на вершине насыпи и детское погребение в кургане 18 были интерпретированы автором раскопок как жертвоприношения[25], что также указывает на элитный статус могильника Кырык-Оба II.

Другие рассмотренные в группе памятники резко отличаются от могильника Кырык-Оба II. В них реже встречаются деревянные надмогильные сооружения, и погребальный инвентарь представлен менее разнообразным и богатым набором вещей.

Выборка погребений конца V–IV вв. до н.э. является более репрезентативной.

Самыми большими в группе памятниками были курганы 1 и 4 из могильника Филипповка I, которые имели объем 19 872 м^3 (при диаметре 103х120 и 120 и высоте 7,1 и 7 соответственно). Чуть менее крупные курганы также были обнаружены в могильнике Филипповка I (к. 3, 6, 9–16, 24, 30) и имели объем насыпи в пределах от 2843 до 500 м^3. К группе маленьких курганов относились памятники: I Ивановский (к. 1) и Филипповка I (к. 22), объем насыпи которых составлял примерно 10 м^3.

В памятниках этого времени кольцевой вал встречается чаще, чем в курганах предшествовавшего периода. Надмогильные конструкции в основном представляют собой деревянные сооружения шатрового или срубного типов, нередко обнаруженные сгоревшими.

Расположение погребений в пространстве кургана имеет большую вариативность, но значительная доля захоронений располагалась в центральной его части.

Преобладающее количество захоронений было совершено в могильных ямах с дромосом. Больше половины индивидов были

---

[22] *Гуцалов С.Ю.* Погребальные сооружения.... С. 58.

[23] *Гуцалов С.Ю.* Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // Российская археология. 2011. №1. С. 95.

[24] *Гуцалов С.Ю.* Скифы на Южном Урале // Этнопанорама. 2001. № 1. С. 55–59.

[25] *Гуцалов С.Ю.* Этнокультурная специфика... С. 93.

обнаружены в вытянутой позе на спине и в основном ориентированы головой в южный сектор.

В 172-х случаях погребены взрослые индивиды; пять погребений — детские; четыре — подростковых. Пол определен всего у 103-х костяков: мужских захоронений выявлено 63, женских — 40.

Могильник Филипповка I, также как и некрополь Кырык-Оба II, является самым многочисленным по количеству курганов в группе и имеет следующие особенности: 1) человеческие жертвоприношения (Филипповка I, к. 13); 2) тайники (Филипповка I, к. 1); 3) наличие так называемых «царских» курганов (Филипповка I, к. 1, 4); 4) богатый погребальный инвентарь, среди которого встречаются чрезвычайно редкие предметы импорта (ахеменидского производства или ахеменидского круга)[26]; 5) наличие изделий из драгоценных металлов почти во всех захоронениях, в том числе в курганах с небольшими размерами насыпей; 6) подземные тайные ходы в могильную яму (Филипповка, к. 13).

Известно, что способы постройки курганных сооружений зависят от многих факторов, в частности от социального статуса погребенного[27]. В рамках рассматриваемой в данном исследовании выборки была выделена одна из особенностей погребальных конструкций конца V–IV вв. до н.э., заключающаяся в наличии насыпей, сооруженных из земляных блоков (Филипповка I, к. 3, 7).

В курганах могильника Филипповка I встречены подземные ходы, ведущие в погребальную камеру. На дне одного хода в кургане 13 лежала голова мужчины 50–60 лет[28], которую можно рассматривать как жертвоприношение или в качестве могильного стража[29].

Еще одно предполагаемое человеческое жертвоприношение было обнаружено в могильнике Переволочан (к. 11, п. 7). В центральной части кургана, рядом с основным погребением был погребен мужчина, кости ступней которого были сдвинуты вместе (были связаны?). Затылочная часть черепа имеет пробоину округло-подквадратной

---

[26] Например детали серебряных обкладок ножек парадной мебели из кургана 1 могильника Филипповка I.

[27] *Баженов А.И., Сафарова Л.Р., Якимов А.С., Таиров А.Д.* «Кирпич-цемент» — универсальная система для строительства курганов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2013. С. 251.

[28] *Яблонский Л.Т.* Отчет о раскопках курганного могильника Филипповка 1 в 2004 году // Научно-отраслевой Архив ИА РАН. М., 2005.

[29] В пользу того, что это была именно голова, а не отделившийся от посткраниального скелета череп, говорит наличие первых шейных позвонков, лежащих вместе с черепом.

формы, рядом с которой фиксировались следы ударов рубящим орудием. Никаких предметов погребального инвентаря выявлено не было. Согласно мнению автора раскопок С.В. Сиротина, это захоронение сооружалось одновременно с основным и таким образом могло носить сопровождающий характер[30].

Обнаружены погребения с индивидами, лежащими на животе (Филипповка I, к. 29, п. 2, к. 16, п. 1; Альмухаметовские курганы к. 9, п. 2). Они ничем не отличались от остальных захоронений в группе, и связывать такое положение погребенным с их социальным статусом вряд ли оправдано.

Особого внимания заслуживают воинские и жреческие захоронения. На общем фоне погребений с незначительным количеством предметов вооружения (обычно представленных единичными бронзовыми наконечниками стрел), воинские захоронения содержали большое количество разнообразного оружия. Как правило, это мужские погребения, но встречаются и женские (Филипповка II, к. 1, п. 2)[31].

Из всех рассмотренных в данном исследовании погребений воинскими можно считать захоронения с комплексом предметов вооружения, куда входят элементы доспеха и детали конской сбруи. Всего выявлено четыре комплекса, которые с наименьшей долей сомнения можно назвать воинскими. Это погребения из курганов 4 (п. 2), 10 (костяк 1) и 11 (костяк 1) могильника Филипповка I, и из кургана 10 (п. 1) могильника Переволочан.

Помимо большого количество разного наступательного и оборонительного вооружения, в воинских погребениях нередко были обнаружены престижные вещи, что делает эти погребения еще и элитарными.

Как и воинские, жреческие погребения встречаются относительно редко. Представляется, что образцом жреческого погребения можно считать женское погребение 2 из кургана 1 могильника Филипповка I, которое содержало в себе большое количество украшений, предметов культа и вооружения[32]. Помимо прочего, инвентарь в этом погребении отличается обилием престижных вещей.

Кроме филипповских погребений, в захоронениях остальных рассматриваемых нами могильников украшения встречаются лишь

---

[30] *Сиротин С.В.* Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2007 г. В 3 т. // Научно-отраслевой Архив ИА РАН. Т. I–III. Стерлитамак, 2008. С. 27–30.

[31] *Яблонский Л.Т.* Отчет. О раскопках кургана 1 могильника Филипповка 2 в 2012 году // Научно-отраслевой Архив ИА РАН. Т. I. Москва, 2012. С. 39.

[32] *Яблонский Л.Т.* Отчет о доследовании кургана 1 могильника Филипповка 1 в 2013 году // Научно-отраслевой Архив ИА РАН. Москва, 2014. С. 22.

в 17 случаях, и в основном они представлены единичными бусинами или их скоплениями, железными и бронзовыми браслетами. Вероятно, украшения, как и предметы вооружения и импорта, могут быть отнесены к категории элитных вещей, и в свою очередь являться хорошим индикатором социальной дифференциации.

Особо интересны серебряные детали парадной мебели (табурета, трона или ложа), обнаруженные в районе «царского» кургана 1 могильника Филипповка I[33]. Предметы мебели полагались представителям царского рода, высшей аристократии, военачальникам и, возможно, отличившимся воинам[34]. Изобразительные материалы и реальные находки позволяют отнести эти «элементы трона» к деталям парадной мебели ахеменидского круга[35].

Выводы

В результате анализа погребений ранних кочевников VI–IV вв. до н.э. были сделаны следующие выводы:

1. Большие размеры курганов почти всегда маркируют элитарный характер памятника.

Возведение больших сооружений нуждается в значительном объеме трудозатрат, что может указывать на высокий социальный статус индивидов, для которых строился курган. Во всех рассмотренных в работе крупных памятниках ранних кочевников были обнаружены сложные над- и внутримогильные конструкции и погребения с богатым и разнообразным инвентарем. Но на примере могильника Филипповка I, предметы престижа, в том числе изделия из драгоценных металлов, были обнаружены и в курганах с небольшими размерами насыпей[36]. Таким образом, большие размеры курганов являются признаком элиты, а памятники с небольшими размерами могут относиться к погребениям знати в том, случае если они находятся в рамках элитного могильника или содержат другие признаки социального престижа, например предметы, выполненные из золота и серебра.

2. Сложная надмогильная конструкция может считаться показателем элитного статуса памятника.

Наиболее распространенный тип надмогильного сооружения — это деревянные конструкции шатрового или срубного типов, которые

---

[33] *Трейстер М.Ю.* Детали парадной мебели из Филипповки // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М., 2012. С. 203–208.

[34] *Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* Мебель из скифских погребальных комплексов // Боспорские исследования. Вып. XXVIII. Симферополь, 2013. С. 185.

[35] *Куринских О.И., Мещеряков Д.В., Равич И.Г., Соловьева Л.Н., Трейстер М.Ю., Чугаев А.В., Яблонский Л.Т.* Детали парадного трона Ахеменидского типа из Филипповки // Вестник древней истории. 2013. № 2. С. 193.

[36] *Яблонский Л.Т.* Элитарная субкультура... С. 46, 51.

в наибольшей степени характерны для погребений конца V–IV вв. до н.э. На территории Западного Казахстана были распространены сооружения из сырцовых кирпичей (могильник Кырык-Оба II). Каменные конструкции в основном встречаются в курганах современной территории Башкирии (III Ивановские, Альмухаметово, II Сибайские). По мнению В.Н. Мышкина, существование нескольких типов погребального обряда кочевнической элиты обусловлено, скорее всего, многокомпонентным этнокультурным составом племен Самаро-Уральского региона[37].

3. Могильные ямы с дромосом являются показателями элитных захоронений кочевого общества.

Захоронения совершались в простых грунтовых ямах, катакомбах и подбоях, но согласно результатам анализа, погребения, содержащие наиболее разнообразный и богатый инвентарь, в большинстве случаев были совершены в ямах с дромосами. К подобному выводу ранее пришел и В.Н. Мышкин[38].

4. Большие размеры и глубина могильных ям также маркировали кочевническую «аристократию».

5. Признаки пространственной локализации индивидов в погребении (ориентировка, положение в могильной яме, поза) не проявили себя как маркеры, идентифицирующие элиту общества ранних кочевников.

По результатам настоящего исследования, эти признаки, скорее всего, характеризуют погребальную традицию ранних кочевников Южного Приуралья вне зависимости от социального статуса погребенных. Так, в погребениях VI–V до н.э. преобладала северная ориентировка, а в захоронениях конца V–IV вв. до н.э. большинство индивидов укладывались головой в сторону юга. Хотя редкие случаи неординарных погребений (следы, указывающие на принесение индивида в жертву, нестандартная, для исследуемого времени, поза и т. д.) с разной степенью достоверности могут указывать на социальную роль погребенных.

6. Сопутствующие погребения животных являются признаком элитарного погребения только в том случае, когда они представлены захоронениями целых туш животных (например, коней), или когда погребение имело явный ритуальный характер при совершении погребального обряда (как в случае погребения собаки из могильника Кырык-Оба II).

---

[37] *Мышкин В.Н.* Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 1. Т. 15. С. 224.

[38] *Мышкин В. Н.* О субкультуре элиты кочевников. С. 174.

Отдельные части туш лошадей, мелкого и, редко, крупного рогатого скота были обнаружены почти в каждом захоронении и видимо являлись неотъемлемой частью погребального обряда.

7. Наиболее очевидными признаками элитных погребений являются так называемые предметы престижа, включающие в себя вещи из драгоценных металлов, предметы импорта, большое количество украшений и предметов вооружения.

8. Признаки «элитарности» проявляются в воинских и жреческих погребениях. Отсюда можно предположить, что военно-жреческая когорта представляла элитную часть общества ранних кочевников на Южном Урале.

9. В результате половозрастного анализа было выявлено, что детских и подростковых погребений чрезвычайно мало (не говоря уже об отсутствии элитных детских и подростковых захоронений); почти во всех курганах были погребены взрослые индивиды; захоронения обоих полов представлены почти поровну, при незначительном преобладании мужчин. Отсюда был сделан вывод, что высокое положение в обществе ранних кочевников могли занимать как мужчины, так и женщины.

Тема половозрастного аспекта в рамках изучения элитных комплексов требует большего внимания и бесспорно заслуживает отдельного исследования.

По результатам анализа материалов, привлеченных в данной работе, —погребений ранних кочевников Южного Урала, новых признаков элиты обнаружено не было, кроме тех, что уже были выявлены предшественниками раннее.

Исходя из того, что критерии элитности могут варьироваться в зависимости от регионального расположения погребальных памятников и времени их функционирования, в рамках отдельных могильников социальная стратификация будет читаться четче. Поэтому работать над подобными вопросами лучше всего на материалах уже полностью исследованных некрополей.

В заключение можно добавить, что изучение элитных погребений позволяет определить место «знати» в обществе ранних кочевников и построить иерархическую модель номадов в древности. Исследование элитных комплексов очень важно для реконструкции социальной структуры ранних кочевников Евразии.

References

Bazhenov A.I., Safarova L.R., Yakimov A.S., Tairov A.D. *"Kirpich–tsement" — universal'naya sistema dlya stroitel'stva kurganov* ["Brick and cement" as a general system for constructing burial mounds] // *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic Interaction in the South Urals]. Chelyabinsk: Rifej, 2013, pp. 251–259.

Boltrik Yu.V., Fialko E.E. *Mebel' iz skifskikh pogrebal'nykh kompleksov* [Furniture of Scythian Burial Sites] // *Bosporskie issledovaniya* (Simferopol'). Iss. XXVIII. 2013, pp. 159–210.

Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii [Elite in History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia]. Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo universiteta, 2015. 330 p.

Elitnye kurgany stepej Evrazii v skifo-sarmatskuyu epokhu [Elite burial mounds of the Eurasian steppes in the Scythian-Sarmatian period] // *Arkheologicheskie izyskaniya* [Archaeological Research]. Iss. 18. Saint-Petersburg: Fond Fundamentalnykh issledovanij RAN, 1994. 132 p.

Grakov B.N. *ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: Perezhitki matriarkhata u sarmatov* [ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: Remnants of Matriarchate in Sarmat Society] // *Vestnik drevnej istorii*. 1947. № 3, pp. 100–121.

Gryaznov M.P. *Arzhan: Tsarskij kurgan ranneskifskogo vremeni* [Arzhan: King's Burial Mound of Early Scythians]. Leningrad: Nauka, 1980. 64 p.

Gulyaev V.I. *"Prestizhnye veshhi" iz srednedonskikh kurganov skifskogo vremeni i problema edinoj Skifii* ["Prestigious items" from Scythian time burial mounds in the mid-Don and the problem of united Scythia] // *Problemy sovremennoj arkheologii* [Issues of Contemporary Archaeology]. Moscow: Taus, 2008, pp. 155–173.

Gulyaev V.I. *"Paradnye" mechi V–IV vv. do n.e. iz kurganov Skifii* ["Ceremonial" swords of the 5th–4th Centuries BC from Scythian burial mounds] // *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoj Evropy* [Archaeological Sites of Eastern Europe]. Iss. 13. Voronezh: VGPU, 2009, pp. 147–151.

Gutsalov S.Yu. *Pogrebal'nye pamyatniki kochevoj elity Yuzhnogo Priural'ya serediny I tys. do n.e.* [Burial Sites of Nomadic Elite of the South Cisurals of the mid 1st millenium BC] // *Arkheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii*. 2007. № 2(30), pp. 75–92.

Gutsalov S.Yu. *Pogrebal'nye sooruzheniya mogil'nika Kyryk-Oba II v Zapadnom Kazakhstane* [Constructions of the burial ground Kyryk-Oba II in Western Kazakhstan] // *Rossijskaya arkheologiya*. 2010. № 2, pp. 51–66.

Gutsalov S.Yu. *Skify na Yuzhnom Urale* [Scythians on the South Urals] // *Etnopanorama*. 2001. № 1, pp. 55–59.

Gutsalov S.Yu. *Etnokul'turnaya spetsifika mogil'nika Kyryk-Oba II* [Ethnocultural features of Burial Ground of Kyryk-Oba II] // *Rossijskaya arkheologiya*. 2011. № 1, pp. 81–96.

Krivosheev M.V., Lukpanova Ya.A. *Pozdnesarmatskoe elitnoe voinskoe pogrebenie iz Yuzhnogo Priural'ya* [Late Sarmat burial of elite warrior in the South Cisurals] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. № 5(35), pp. 98–111.

Kurinskikh O.I., Meshcheryakov D.V., Ravich I.G., Solov'eva L.N., Trejster M.Yu., Chugaev A.V., Yablonskij L.T. *Detali paradnogo trona Akhemenidskogo tipa iz Filippovki* [Details of Ceremonial Throne of Achemenid Type from Filippovka] // *Vestnik drevnej istorii*. 2013. № 2, pp. 180–203.

Mejkshan I.A. *Elita, aristokratiya, znat' v kochevom obshhestve: nekotorye aspekty izucheniya po materialam pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov* [Elite, aristocracy and nobility in nomadic society: some aspects of research based on written and archaeological sources] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 4-1(72), pp. 142–147.

Myshkin V.N. *O subkul'ture elity kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona v VI–V vekakh do nashej ehry* [On the subculture of nomadic elite of the Samara-Urals region in the 4th–5th Centuries BC] // *Nizhnevolzhskij arkheologicheskij vestnik* (Volgograd). 2010. № 11, pp. 170–190.

Myshkin V.N. *Tipy pogreval'nogo obryada sotsial'noj ehlity kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona v VI–V vv. do n.e.* [Types of funeral rite of social nomadic elite of the Samara-Urals region in the 4th–5th Centuries BC] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. № 1. Vol. 15. 2013, pp. 219–225.

Pshenichnyuk A.Kh. *Filippovka: Nekropol' kochevoj znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka: Necropolis of nomadic nobility of the 4th Century BC on the South Urals]. Ufa: IIYAL UNTS RAN, 2012. 280 p.

Rostovtsev M.I. *Kurgannye nakhodki Orenburgskoj oblasti ehpokhi rannego i pozdnego ehllinizma* [Finds in Burial Mounds of Orenburg region from early and late Hellenism] // *Materialy po arkheologii Rossii* [Proceedings on Russian Archaeology]. № 37. Petrograd: Devyataya gosudarstvennaya tipografiya, 1918. 124 p.

Sirotin S.V. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Khajbullinskom rajone Respubliki Bashkortostan v 2007 g.* [Report on Archaeological Research in Khajbullin District of the Republic of Bashkortostan in 2007] // *Nauchno-otraslevoj Arkhiv IA RAN* [Academic and Departmental Archive of Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]. Vol. I–III. Sterlitamak: IA RAN, 2008. 65 p.

Smirnov K.F. *Bogatye zakhoroneniya i nekotorye voprosy sotsial'noj zhizni kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v skifskoe vremya* [Wealthy burials and some issues of social life of nomads of the South Cisurals in the Scythian time] // *Materialy po khozyajstvu i obshhestvennomu stroyu plemen Yuzhnogo Urala* [Proceedings on economy and social system of tribes of the South Urals]. Ufa: BFAN SSSR, 1981, pp. 68–91.

Tairov A.D., Gavrilyuk A.G. *K voprosu o formirovanii rannesarmatskoj prokhorovskoj kul'tury* [On emergence of the early Sarmatian Prokhorov culture] // *Problemy arkheologii uralo-kazakhstanskikh stepej* [Issues of Archeology of Steppes of the Urals and Kazakhstan]. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Bashkirskogo universiteta, 1988, pp. 141–159.

Trejster M.Yu. *Detali paradnoj mebeli iz Filippovki* [Details of ceremonial furniture from Filippovka] // *Vliyanie akhemenidskoj kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [Influence of Achemenid Culture on the South Cisurals (5th–3rd Centuries BC). Vol. 1. Moscow: Taus, 2012, pp. 203–207.

Yablonskij L.T. *Otchet o raskopkakh kurgannogo mogil'nika Filippovka 1 v 2004 godu* [Report on Excavation of Burial Mound of Filippovka 1 in 2004] // *Nauchno-otraslevoj Arkhiv IA RAN* [Academic and Departmental Archive of Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: IA RAN, 2005. 72 p.

Yablonskij L.T. *Otchet. O dosledovanii kurgana 1 mogil'nika Filippovka 1 v 2013 godu* [Report. On Additional Research in the Burial Mound of Filippovka 1 in 2013] // *Nauchno-otraslevoj Arkhiv IA RAN* [Academic and Departmental Archive of Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: IA RAN, 2014. 92 p.

Yablonskij L.T. *Otchet. O raskopkakh kurgana 1 mogil'nika Filippovka 2 v 2012 godu* [Report. On Excavation of Burial Mound of Filippovka 2 in 2012] // *Nauchno-otraslevoj Arkhiv IA RAN* [Academic and Departmental Archive of Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: IA RAN, 2012. 83 p.

Yablonskij L.T. *Elitarnaya subkul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya i mekhanizmy formirovaniya rannesarmatskoj kul'tury* [Elite subculture of early nomads of the South Cisurals and ways of shaping the early Sarmatian culture] // *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* [Elite in History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia]. Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo universiteta, 2015, pp. 37–61.

Поступила в редакцию
21 марта 2018 г.

Л.Г. Окрошидзе*

ПОРТРЕТЫ ГЕНРИХА VII И ПРИНЦА УЭЛЬСКОГО АРТУРА: ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ И ГЛОРИФИКАЦИЯ ВЛАСТИ В ЖИВОПИСИ

L.G. Okroshidze

PORTRAITS OF HENRY VII AND ARTHUR, PRINCE OF WALES: LEGITIMIZATION AND GLORIFICATION OF POWER IN THE PAINTING

Аннотация. Исторические события во все века находили отражение в изобразительном искусстве, а вступление на престол очередного правителя нередко влекло за собой определенное изменение художественных образов. Помимо того, это также являлось импульсом к появлению новых образов в искусстве, которые отвечали бы целям монарха. С этой токи зрения показательна эпоха правления английского короля Генриха VII (1485–1509) — первого представителя династии Тюдоров. Ему стоило огромных усилий удержаться на троне, а затем и укрепить свое положение. Монарх всячески стремился доказать легитимность своего присутствия на престоле, а также подготовить почву для последующей передачи власти своему сыну, принцу Артуру, в том числе посредством произведений живописи. Правление Генриха VII ознаменовалось началом эпохи английского Ренессанса. Говоря о подобном процессе в Европе, мы подразумеваем возрождение идеалов античности. Англия же не была свидетелем античного искусства, за исключением небольшого количества памятников, свидетельствующих о присутствии римлян на островах. Поэтому в случае Англии имеет место процесс возрождения средневековых идеалов. Глорификация власти в искусстве традиционно была не только важным политическим инструментом, но и способом формирования вкусов эпохи. Основная задача данной статьи — выявление прямой связи между событиями английской истории в годы правления Генриха VII и произведениями искусства, которые появлялись в тот период, а также изучение процесса формирования достоверного образа короля. Научная новизна исследования заключается в том, что описываемые в нем памятники никогда ранее не рассматривались вместе в

* *Окрошидзе Лия Гурамиевна*, аспирант отделения истории и теории искусств исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Okroshidze Liya Guramiyevna, Postgraduate Student, Department of Art History and Theory, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-916-494-63-90; okroshidzelia@gmail.com

контексте проблемы глорификации власти. Также впервые в отечественном искусствознании приводится описание некоторых иллюминированных манускриптов, что стало возможно благодаря доступу в архивы Британской библиотеки, а также консультации с историком Оксфордского университета доктором Яниной Рамирес.

Ключевые слова: Генрих VII, принц Уэльский Артур, Англия, средневековое искусство, английское искусство, портрет, европейские монархии, глорификация власти.

Abstract. Historical events were reflected in the visual arts in all ages, and the accession to the throne of the next ruler often entailed a certain, sometimes quite radical, change in the artistic images associated with the power. In addition, it gave an impulse to the emergence of new artistic imagery that would meet the goals of the monarch. From this perspective, the era of the rule of the English King Henry VII (1485–1509), the first representative of the Tudor dynasty, is indicative. It cost him tremendous efforts to keep the throne, and then strengthen his position. The monarch endeavored to prove the legitimacy of his occupancy of the throne, and also to prepare the ground for the subsequent transfer of the power to his son, Prince Arthur, *inter alia*, through paintings. The reign of Henry VII was marked with the beginning of the era of English Renaissance. Speaking of a similar process in Europe, we mean the revival of the ideals of antiquity. England did not have much exposure to the art of antiquity, with the exception of a small number of monuments testifying the presence of the Romans on the islands. Therefore, in the case of England, resurgence was the revival of medieval ideals. Glorification of power in art traditionally was not only an important political tool, but also a way of shaping the tastes of the era. The main objective of this article is to identify the direct connection between the events of English history during the reign of Henry VII and the works of art that appeared at that period, as well as to study the process of forming a reliable image of the king. The scholarly novelty of the research lies in the fact that the explored works of art have never before been considered jointly in the context of the problem of glorification of power. Also for the first time in the national art history, some illuminated manuscripts have been described, which became possible due to access to the British Library archives, as well as the consultation with the University of Oxford historian Dr. Yanina Ramirez.

Keywords: Henry VII, Arthur, Prince of Wales, England, medieval art, English art, portrait, European monarchies, glorification of power.

* * *

Правлению представителя ветви Ланкастеров Генриха VII, которое началось в 1485 г., предшествовали короткие правления некоронованного Эдуарда V и Ричарда III. Период смуты в стране не способствовал развитию портретного жанра. Местная английская школа иллюминированных манускриптов пришла в упадок, и основным центром происхождения большей части рукописных манускриптов стал фламандский город Брюгге.

Рис. 1. Инициал с изображением дракона. Сборник текстов по астрологии, 1490 г.

Приход к власти Генриха VII и окончание Войны роз способствовали культурному подъему. После довольно долгого периода нестабильности новому королю требовалось упрочить свое положение. С этой целью было изготовлено множество манускриптов, в которых говорилось о правах Генриха на английский престол и о его великих предках, а также создавались манускрипты на астрологическую тематику, в которых предрекалось долгое правление и процветание монарха.

Главная задача данной статьи — показать на примере иллюстраций манускриптов, станковых портретов и письменных свидетельств современников, какие средства использовались для глорификации власти Генриха VII.

Одним из наиболее ранних памятников является сборник текстов по астрологии, авторство которых принадлежит Птолемею, Джону Килингсворту, Гвидо Бонатти и Плато из Тиволи[1]. На его страницах встречаются изображения знаков зодиака и всевозможные астрологические расчеты. Первой иллюстрацией, которая обращает на себя внимание, является красочный инициал (рис. 1), написанный с использованием кобальта и позолоты, где изображен дракон, пронзающий увенчанное короной дерево. Здесь очевидна отсылка к легенде, согласно которой Генрих VII сорвал корону Ричарда III с куста боярышника.

Среди манускриптов английского происхождения есть труд итальянского астролога Уильяма Пэррона[2] “Liber de Optimo fato Henrici Eboraci ducis et optimorum ipsius parentum” («Книга о превос-

[1] Arundel MS. 66. Almagest, Liber Astronomiae, Liber Arenalis, 1490. Происхождение — Англия (Лондон). Формат рукописи 440 на 300 мм (кодекс), язык французский, латинский. British Library, London.

[2] Астролог итальянского происхождения Gulielmus Parronus Placentinus, в английской истории он известен под именем William Parron.

ходной участи Генриха, герцога Йоркского, и благороднейших его родителях»)[3]. Изображение короля помещено в историзированном инициале. Идентифицировать Генриха можно лишь по королевским регалиям. Подобные иллюстрации вовсе не были нацелены на достоверную передачу облика короля, их задача сводилась к символическому его изображению в манускрипте, представлявшем для него особый интерес.

Рукопись была преподнесена Генриху VII вскоре после смерти его сына, главного претендента на трон, принца Артура. Открывает текст иллюстрация-схема, в которой представлены все стороны жизни короля. Истолкование будущего посредством такого рода схем не выглядит убедительным, однако созданные в ту эпоху дорогие и богато украшенные манускрипты свидетельствуют, что их современники оценивали эти рукописи иначе. По мнению Д.В. Кирюхина, «сам интерес Генриха VII к подобным авторам и предсказаниям характеризует его, с одной стороны, как человека суеверного и набожного, а с другой — стремящегося использовать все средства в качестве пропаганды новой династии»[4].

То, что Генрих старательно работал над формированием собственного образа, подтверждает, например, Фрэнсис Бэкон: «В тот же самый день (как будто корона, оказавшаяся на его голове, вселила в нее мысли об угрозах) он ради большей своей безопасности ввел правило, чтобы его сопровождал отряд из пятидесяти лучников, получивший название “дворцовой стражи”; однако в этом можно было видеть скорее требование монаршего достоинства, подражание тому, что он встречал за рубежом, чем проявление осторожности, связанной с его личными обстоятельствами. Он дал понять, что это установление не является временным, но должно остаться в силе на все последующие времена»[5]. Известный историк и социолог Норберт Элиас отмечал, что придворный этикет для короля и дистанцирование от подданных были инструментами господства[6].

Попытки запечатлеть внешний облик монарха предпринимались параллельно с обожествлением его образа. Историки Полидор Вер-

---

[3] Royal MS. 12 B VI. 1502–1503. Формат рукописи 190 на 130 мм, количество листов 63, язык латинский. British Library, London.

[4] *Кирюхин Д.В.* Стратегия репрезентации королевской власти в культурной и интеллектуальной жизни английского двора в 1485–1533 гг.: Дис… канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2014. С. 133.

[5] *Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII / Вступ. ст. и общая ред. М.А. Барга, комм. В.Р. Рокитянского. М., 1990. С. 11.

[6] *Элиас Н.* Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 145.

Рис. 2. Портрет Генриха VII. Национальная портретная галерея, Лондон

Рис. 3. Портрет Генриха VII. Музей Кальве, Авиньон, Франция

гилий и Бернар Андре оставили описания облика монарха в своих работах. Так, Полидор одним из первых фиксирует черты внешности короля: «Его тело было стройным, крепким, он был ростом чуть выше среднего. Он был красив внешне. Выражение его лица приобретало приятный облик во время разговора. У него были голубые глаза, несколько зубов и негустые волосы. Он был умен, стремился к познанию, его дух был стоек и смел даже перед лицом величайших опасностей, а его природа в целом была почти божественной»[7]. Убедиться в достоверности этого описания можно, взглянув, к примеру, на самый известный портрет Генриха VII из Национальной портретной галереи в Лондоне (рис. 2). Лицо короля полностью соответствует описанию Полидора Вергилия: впалые губы и небольшие складки вокруг рта характерны при отсутствии зубов.

Один из первых портретов Генриха (рис. 3) был написан во Франции местным художником (Музей Кальве, Франция). Эта работа выполнена незадолго до вступления графа Ричмонда на престол.

[7] *Vergil P.* Anglica Historia. Latin text and English translation / Ed. and transl. by D.J. Sutton // Library of Humanistic Texts at the Philological Museum of University of Birmingham's Shakespeare Institute, 2005. § 50. — URL: http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/26eng.html (дата обращения: 17.10.2018).

Будущий король изображен в повороте в три четверти, в знакомом по последующим работам берете с брошью и выпущенными из-под него волосами.

К портретам Генриха VII, созданным уже после его вступления на престол, относится работа, ныне находящаяся в Обществе антикваров в Лондоне и датирующаяся приблизительно 1500 г. Одним из доказательств датировки является имитация узорчатой рамы на живописной поверхности — прием, получивший распространение только в XVI столетии. В целом этот портрет очень напоминает произведения, где был представлен еще молодой Генрих. Важно отметить, что при наложении этих портретов мы обнаруживаем точное совпадение контуров изображений лица монарха.

Самый известный портрет Генриха VII 1505 г. (рис. 2) был заказан Эрманом Ринком, послом императора Священной Римской империи Максимилиана I. Этой работе в полной мере присущи яркость палитры, продуманность позы модели. Можно говорить о том, что автор знаком с анатомией и способен объемно воспроизводить физиогномику. Цепь с подвеской означает, что ее обладатель был рыцарем ордена Золотого руна. Генрих стремился продемонстрировать свою причастность к ордену из-за желания подражать европейским монархам. Долгое время создателем портрета считался Михель Зиттов, кисти которого приписывается портрет дочери Генриха VII Марии Тюдор, созданный в 1514 г.

При Генрихе VII придворная культура приобретает бóльшую театрализованность как средство идеологического воздействия: огромное значение придавалось празднествам и рыцарским турнирам. По мнению Д.В. Кирюхина, это подтверждают «торжественные мероприятия, организованные в честь приезда Генриха, графа Ричмонда, перед коронацией, крещение принца Артура и его посвящение в рыцари, описанные в хрониках, а также бракосочетание принца Артура и испанской принцессы Екатерины Арагонской»[8]. Король всеми силами хотел войти в историю, остаться в памяти потомков и использовал для этого самые разные способы. В «Истории Англии» Полидор Вергилий упомянул о том, что Генрих незадолго до смерти, желая, чтобы по нему все горевали, опубликовал указ об амнистии нарушителей закона, за исключением убийц и воров[9]. Подобные методы глорификации в полной мере воплотятся уже в XVII в. при дворе французского короля Людовика XIV. Именно к его эпохе вос-

[8] *Кирюхин Д.В.* Указ. соч. С. 119.

[9] *Vergil P.* Anglica Historia. § 50.

ходят многие формы идеологии, пропаганды и манипуляции общественным созданием Новейшего времени[10].

Генрих возлагал большие надежды на своего старшего сына Артура, которому предстояло наследовать корону, и поэтому также занимался глорификацией его личности. Даже момент его рождения был овеян легендами. Когда Генрих взошел на трон, в книгах, посвященных ему, стали часто появляться имя последнего короля бриттов Кадваладра и его символ — красный дракон, так как король считал его своим предком. А вот для своего сына Генрих выбрал легенду о короле Артуре. Придворный поэт и хронист Бернар Андре писал: «После того как яркая звезда Артура зажглась в мире, бедном на молодых принцев, все фурии ада были изгнаны прочь. На восходе звезды Арктур, который в соответствии с гороскопом происходит 12 сентября, родился Артур»[11]. Важно, что даже место рождения связывает принца с легендарным королем Артуром. Историк Дэвид Старки отмечал: «Он родился в Винчестере, древней столице Уэссекса, которая отождествляется с еще более древней столицей Великобритании, Камелотом. При крещении ему дали имя Артур в честь короля Камелота»[12].

Один из ранних прижизненных портретов принца Уэльского, ныне хранящийся в замке Хивер в Кенте, был написан, когда ему было около 14 лет. Предположительно образ принадлежит кисти представителя англо-фламандской школы. Возможно, работа появилась после обручения принца Уэльского и Екатерины Арагонской, так как «в правой руке принц Артур держит цветок белого левкоя, символизирующего чистоту, королевскую власть и обручение с принцессой Екатериной»[13].

Культ принца Артура формировался с самого его рождения, однако старания его отца оказались тщетными: юноша скончался 2 апреля 1502 г. Тем не менее, глорификация личности наследника, которая была предпринята при его жизни, дает представление о том, как английская монархия в начале XVI в. использовала сферу искусства для укрепления своего положения.

После смерти Генриха VII в 1509 г. престол занял младший брат Артура, герцог Йоркский, ставший, пожалуй, самым известным

---

[10] *Burke P.* The fabrication of Louis XIV. New Haven: Yale University Press, 1992. P. 4.

[11] *André B.* De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia // Irvine: The University of California. § 48. ––URL: http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/1lat.html (дата обращения: 17.10.2018).

[12] *Starkey D.* Six Wives: The Queens of Henry VIII. New York, 2004. P. 23.

[13] *Кирюхин Д.В.* Указ. соч. С. 119.

английским правителем — Генрихом VIII. Ему удалось сделать свою власть буквально безграничной.

Таким образом, на рубеже XV–XVI вв. глорификация королевской власти в английском искусстве была комплексной. К иллюминированным рукописям добавились прежде не имевшие особого распространения в стране станковые портреты. В это время была заложена основа практики задействования пропагандистского потенциала изобразительного искусства для укрепления королевской власти. Эта практика получила дальнейшее развитие уже в бурном для истории Англии XVI столетии.

References

Burke P. *The Fabrication of Louis XIV*. New Haven: Yale University Press, 1992. 242 p.

Elias N. *Pridvornoye obshchestvo: Issledovaniya po sotsiologii korolya i pridvornoy aristokratii* [The Court Society: Studies on the Sociology of the King and the Aristocracy of the Court]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 368 p.

Kiryukhin D.V. *Strategiya reprezentatsii korolevskoy vlasti v kul'turnoy i intellektual'noy zhizni angliyskogo dvora v 1485–1533gg.* [The strategy of representation of the royal power in the cultural and intellectual life of the English court in 1485–1533]. *Diss. … kandidata istoricheskih nauk* [Diss. for Candidate Degree in History]. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni Koz'my Minina, 2014. 174 p.

Starkey D. *Six Wives: The Queens of Henry VIII*. New York: Harper Perennial, 2004. 852 p.

Поступила в редакцию
10 января 2018 г.

А.А. Карев*

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ В РОССИИ

A.A Karev

ON THE ORIGINS OF HISTORICAL PAINTING IN RUSSIA

Аннотация. Генезис исторического жанра в русской живописи до сих пор не был предметом специального исследования. Из множества факторов, включающих силу окрепшего государственного мифа и действенность изобразительных панегириков в виде триумфов, иллюминаций, фейерверков, театральных декораций и живописных плафонов, особо выделяется опыт создания аллегорической картины в первой половине XVIII в. Она оказывается важнейшим звеном связи между монументальным полотном барокко и станковой картиной эпохи классицизма. Раскрытие ее потенциала, обещающего историческое полотно нового типа, представляется важнейшей задачей. Включение в многофигурную композицию портрета монарха придавало полотну особую, государственную, значимость. Стилистика даже небольших произведений напоминала о возможностях монументального искусства. Как пример грандиозного замысла на тему из российской истории рассматривается ломоносовский проект мозаичного убранства Петропавловского собора, начало воплощения которого (1762) совпало с появлением первых апробированных Академией художеств исторических полотен. Анализ известного сохранившегося «фрагмента» этого замысла, а именно, мозаики «Полтавская баталия» (главное здание Российской Академии наук в Санкт-Петербурге, 1762–1764), позволяет проследить метаморфозу батального мотива в историческую композицию. Первые картины этого жанра были созданы в основном питомцами живописной команды Канцелярии от строений, такими как М.И. Пучинов и Г.И. Козлов. Это предопределило, с одной стороны, связь с монументально-декоративным искусством, с другой — обращение к европейскому художественному наследию, как непосредственно на родине его авторов, так и благодаря «посредству» коллекций, находящихся в России. Неслучайно именно Импе-

* *Карев Андрей Александрович,* доктор искусствоведения, профессор кафедры истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Karev Andrey Aleksandrovich, Doctor in Art Studies, Professor, Department of History of Russian Art, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-926-281-09-37; ankarev@yandex.ru

раторской Академии художеств была отведена важная миссия катализатора развития исторического полотна, воспитания его авторов, определена роль заказчика и одновременно коллекционера. Всё это позволяет сделать вывод о том, что объединяющим началом всего разнообразия истоков исторической картины, с самого ее рождения претендующей на первое место в иерархии жанров, была ориентация на государственную целесообразность, как понимали ее в XVIII столетии.

Ключевые слова: историческая живопись, Академия художеств, барокко, классицизм, аллегория, Канцелярия от строений, живописная команда, М.В. Ломоносов.

Abstract. The genesis of the history genre in Russian painting has not been a subject of special research up to now. Among many factors testifying to the strength of the already well-established state myth and the effectiveness of the visual panegyrics like triumphs, illuminations, fireworks, theatrical scenery and ceiling painting, the experience of creating an allegorical painting especially stands out in the second half of the 18th century. It proves to be a most important link between the monumental baroque painting and the easel painting of the epoch of classicism. The principal objective of this article is to reveal the potential of the allegorical painting which promised a history painting of a new type. The portrait of a monarch included in a multi-figured composition gave the painting special importance as a matter of state. Stylistics of even small paintings reminded of the possibilities of monumental art. The article considers the example of Lomonosov's project as a grand idea on the theme of Russian history. The beginning (1762) of the project of mosaic decoration in the Peter and Paul Cathedral coincided with the appearance of the first history paintings approved by the Academy of Arts. The examination of the surviving "fragment" of this design, namely the "Poltava Battle" mosaics (in the main building of the Imperial Academy of Sciences in Saint Petersburg, 1762–1764), allows one to follow the metamorphosis of a battle motive into a historical composition. The first pictures of this genre were made mainly by the nurslings of the painting team of the Chancellery of Buildings, such as M.I. Puchinov and G.I. Kozlov. This determined, on the one hand, the connection of history painting with monumental decorative art, and, on the other, turning to the European artistic heritage both directly in its authors' homelands and also through the collections in Russia. It is no coincidence that it was the Imperial Academy of Arts that was given the important mission of catalyzing the development of history painting and educating its authors, and assigned to the role of a client and at the same time a collector. All this allows us to conclude that the considerations of state expediency, as it was understood in the eighteenth century, were a unifying principle of the whole diversity of the origins of history painting, which, from its very birth, has claimed first place in the hierarchy of genres.

Keywords: history painting, Academy of Arts, Baroque, Classicism, allegory, Chancellery of Buildings, painting team, M.V. Lomonosov.

* * *

Историческая живопись — безусловно, одна из самых ярких страниц отечественной художественной культуры. Обращение к ней и ее генезису, как правило, обозначало важные сдвиги в общественном сознании, в том числе и в науке об искусстве. Так, появление статьи Г.В. Жидкова в 1939 г. свидетельствовало не только о характерном для этой эпохи внимании к национальной тематике, но и нарастании интереса к академическому искусству, который ранее не особенно поощрялся, к стилю классицизм, в котором стали находить позитивные стороны, к картине в целом как форме, способной решать важные содержательные задачи[1]. Написанная А.Н. Савиновым глава «Историческая живопись» в VII томе «Истории русского искусства» отразила общее внимание к отечественной тематике как прогрессивному явлению эпохи Просвещения, а также к вопросам профессионального мастерства в 1950-е гг.

Как правило, тема истоков жанра затрагивалась среди других вопросов и в основном в контексте поисков национальных корней нового искусства. Уже в этих работах очевидной стала необходимость дать максимально полную характеристику русского исторического живописца. Ответом на подобные потребности стала монография А.Л. Кагановича «Антон Лосенко и русское искусство середины XVIII столетия» (1963), где проблематика истоков рассматривалась сквозь призму становления творчества мастера, по праву названного «первым крупным русским историческим живописцем, основоположником этого жанра»[2]. В вышедшем годом позже труде Н.Н. Коваленской «Русский классицизм» рассмотрение генезиса жанров включено в основном в главы, посвященные становлению стиля: «Русское искусство накануне просветительского классицизма (первая половина XVIII века)», «Социальные основы просветительского классицизма», а также «От декоративного стиля к просветительскому классицизму»[3]. Следующий этап исследования ярко выявился в книге

---

[1] См.: *Жидков Г.В.* Заметки о русской исторической живописи // Искусство. 1939. № 2. Также в контексте академического искусства см.: *Коваленская Н.Н.* История Академии художеств и ее роль в развитии русской художественной культуры // Искусство. 1940. № 1. Об этих и других тенденциях в советском искусствознании данного периода см.: *Евангулова О.С.* Судьба проблемы реализма в отечественной литературе о русском искусстве XVIII столетия // «Золотой осьмнадцатый...» Русское искусство XVIII в. в современном отечественном искусствознании. Сб. статей / Под ред. Т.В. Ильиной, М.А. Костыря, Е.В. Ходаковского. СПб., 2006.

[2] *Каганович А.Л.* Антон Лосенко и русское искусство середины XVIII столетия. М., 1963. С. 13.

[3] *Коваленская Н.* Русский классицизм. Живопись. Скульптура. Графика. М., 1964. С. 23–46, 103–122.

А.Г. Верещагиной с красноречивым названием «Художник. Время. История: Очерки русской исторической живописи XVIII — начала XX века» (1973)[4]. Самый широкий охват развития русской исторической картины от истоков до наших дней был предложен Н.А. Яковлевой уже в начале XXI столетия[5]. Специальная глава «Время в зеркале вечности» была посвящена истокам русской исторической живописи, которые видятся в древнерусской иконе и стенописи.

В трудах более позднего времени обсуждение роли средневекового русского наследия в сложении исторической картины уже не является обязательным. Так, в монографии, посвященной истории живописных классов Императорской Академии художеств, С.В. Моисеева утверждает, что «традиции русской исторической живописи Нового времени складываются из многих факторов: особенностей воплощения исторических и религиозных сюжетов, сложившихся в живописной команде Канцелярии от строений, привносимых иностранными мастерами принципов европейской историко-аллегорической картины, из новизны и высокого мастерства присылаемых из Парижа и Рима полотен А.П. Лосенко и из первых робких ученических попыток — программ исторического класса»[6]. Любопытно, однако, что до сих пор нет монографии, специально посвященной исторической живописи в России XVIII столетия, т. е. первому этапу ее становления и развития.

Появление исторической картины как таковой было частью процесса дифференциации жанров во второй половине XVIII в. — одного из ощутимых признаков созревания культуры Нового времени в России. Обозначенное в академической иерархии первенство «исторического большого рода» симптоматично еще и потому, что он символизировал рождение станковой картины. Ее укоренение в России тесно связано со становлением Академии художеств, которая, в свою очередь, лучшие времена переживает именно в эпоху классицизма[7]. Заинтересованность в станковом полотне свидетельствует

---

[4] *Верещагина А.* Художник. Время. История: Очерки русской исторической живописи XVIII — начала XX века. Л., 1973.

[5] *Яковлева Н.А.* Историческая картина в русской живописи. М., 2005.

[6] *Моисеева С.В.* «…К лучшим успехам и славе Академии»: Живописные классы Санкт-Петербургской Академии художеств XVIII — первой половины XIX века. СПб., 2014. С. 25.

[7] Поскольку в первой половине столетия Русское искусство решало одновременно целый комплекс задач, вызванных потребностями культуры Нового времени, то становление картины как станкового полотна шло параллельно с формированием ансамбля нового типа и чаще всего задачи первого подчинялись необходимости создавать второе. Классицизм же с его более свободным допуском «частного» как

о стремлении найти емкую форму, способную если не заменить масштабные ансамбли эпохи барокко, то составить им альтернативу. Вместе с тем историческая картина имеет и свою предысторию, связанную именно с этими ансамблями.

Истоки исторической живописи в России можно обнаружить в монументально-декоративной живописи первой половины XVIII столетия, которая использовалась в оформлении триумфальных арок, в качестве плафонов государственных и частных дворцов, моленных образов и росписей в церковных интерьерах. Нельзя не учитывать и опыт театральной декорации, часто обращавшейся к темам из античной истории и отечественному героическому прошлому. Как видно из теоретических трактатов и академической практики, в понятие «исторического большего рода» включались помимо собственно исторической тематики сюжеты из мифологии и аллегорические образы. Поэтому опыт монументальной живописи первой половины столетия, несомненно, не прошел даром для отечественной художественной культуры. Более того, именно в эпоху барокко происходит становление принципиально нового, отличного от средневекового, аллегорического мышления.

Сформировался зритель, способный понимать язык эмблемы. Иносказание становится нормой художественной лексики во всех видах пластических и зрелищных искусств, включая и такие синтетические формы как празднества (триумфы, фейерверки, иллюминации). Мифологические и аллегорические образы, активно и не без насилия насаждавшиеся в петровское время, ко второй половине столетия становятся вполне привычными. Большинство потенциальных зрителей уже не только хорошо представляет, как выглядит Марс или Истина, но и их функции в том или ином сценарии. Формируется устойчивый образ мифологизированного мира, множеством аллюзий связанный с не менее устойчивым в своих основных очертаниях государственным мифом[8]. Включаются механизмы репрезентации власти, образуя соответствующую систему символов и ритуалов, нашедших воплощение как в жизни двора, так и в искусстве[9]. Образуется круг олимпийских персонажей и

части общей «ордерной системы» стал для российской художественной реальности благоприятной средой для «взращивания» станковой картины.

[8] См.: *Живов В.М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Век Просвещения. Россия и Франция. Материалы научной конференции «Випперовские чтения — 1987». Вып. XX. М., 1989.

[9] О самопрезентации власти в Российской империи как сценарии см.: *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого

античных исторических лиц, призванных в пространстве этого мифа «замещать» императора, императрицу, полководца, ученого и т. д. Петр, например, ассоциировался с Марсом, Юпитером, Гераклом, Екатерина I — с Юноной, Елизавета Петровна с Дианой, Минервой, А.Д. Меншиков с Меркурием и Александром Македонским. Свои ассоциации находились и для поэтов. Так, о «Пиндаре российском» М.В. Ломоносове его современник Н.Н. Поповский написал:

Что в Риме Цицерон и что Вергилий был,
То он один в своем понятии вместил...[10]

Кстати, Ломоносова можно было бы назвать и Апеллесом, имя которого поэт упоминает в своем знаменитом «Письме о пользе стекла». Как художник он оказывается причастным к формированию исторической живописи в рамках монументальной ее разновидности в технике мозаики. Особого внимания заслуживает его вклад в пропаганду отечественной исторической тематики[11].

Обращаясь к императрице Елизавете Петровне, Ломоносов обязуется изображать «как для церквей божиих святые образы, так и для других публичных строений...» «лица и дела великих ваших предков, а особливо бессмертныя памяти дражайших ваших родителей, равно как геройское В.В. на родительский престол восшествие и великие благодеяния к отечеству...»[12]. В грандиозных замыслах воздействия на массы зрителей тех или иных общественно значимых изображений ощущаются почти утопические намерения. По-своему они перекликаются с идеями книги Томмазо Кампанелла «Город Солнца». К числу ее «ключевых» мест исследователи относят фрагменты о монументальной живописи: «...Мудрость велела расписать картинами стены всего города как снаружи, так равно и снутри».

до смерти Николая I. М., 2002. О церемониалах императорского дома, включая коронации, и об официальной светской жизни см.: *Агеева О.Г.* Европеизация русского двора. 1700–1796 гг. М., 2006.

[10] *Поповский Н.Н.* Надпись к портрету М.В. Ломоносова // Поэты XVIII века / Вступ. ст. Г.П. Макогоненко, подгот. текста и примеч. Н.Д. Кочетковой. Т. 1. Л., 1972. С. 114. Как известно, «Надпись» была использована по прямому назначению на фронтисписе первого тома сочинений поэта, напечатанного в типографии Московского университета (1757).

[11] О роли «Древней Российской истории» М.В. Ломоносова как источника академических программ второй половины 1760-х — начала 1770-х годов см.: *Рязанцев И.В.* Скульптура в России: XVIII — начало XIX века: Очерки. М., 2003. С. 55, 457–462. Примером создания «системы тем» видится и ломоносовский труд «Идеи для живописных картин из российской истории» 1764 года. См.: Там же. С. 58.

[12] Цит по: *Некрасова Е.А.* Ломоносов-художник. Приложения, составленные Е.С. Штейнером. М., 1988. С. 117.

Говорится также о росписи круглого купольного храма, стоящего на центральной площади города[13].

Современникам затеи Ломоносова казались слишком дорогостоящими и несуразными. В записке «О мозаике» Якоб Штелин воспроизводит атмосферу реакции на программу «советника Ломоносова» «соорудить в крепостной церкви мозаичный монумент для Петра Великого над его могилой и выложить всю церковь внутри мозаичными картинами. Все художники и знатоки очень смеялись над этой выдумкой и жалели церковь, если она будет выложена стеклом»[14]. Осуществленным фрагментом этого ансамбля и колоритным примером реализации исторической темы является, разумеется, «Полтавская баталия». Созданная в Екатерининское время (1762–1764), она, в известной мере, подводит итог полувекового интереса к этому сюжету[15].

Полтавская победа сразу же после ее обретения была обозначена как одно из важнейших событий не только Северной войны, но и всего нового периода русской истории. На языке более позднего времени это был сюжет не для «частной баталии» в живописи, а для «большой истории», поскольку он вполне достоин тех «представлений», «которыя служат ко прославлению военных дел какого либо великаго Государя или знаменитаго народа»[16]. Образ этой баталии не раз был воплощен в различных вариантах еще в Петровское время: ее воспроизводил триумф в декабрьской Москве 1709 г., одна из «картин» врат, созданных «трудами школьных учителей», гравюры А.Ф. Зубова и П. Пикарта, посвященные как этому триумфу, так и непосредственно самой баталии, картины И.Г. Таннауера, Л. Каравака и П.Д. Мартена-младшего. По последним были сделаны шпалеры на парижской гобеленовой фабрике. Полтавская тема нашла отражение в монументальной и станковой скульптуре. Разумеется, были выпущены и медали. Заданный Петром пафос не пропал и

---

[13] *Стригалев А.А.* «Город Солнца» Кампанеллы как идеал миропорядка // Картины мира в истории мирового искусства. (С древнейших эпох — к Новому времени) / Под ред. В.П. Толстого. М., 1995. С. 79.

[14] Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / Сост., перевод с нем., вступ. статья, предисловия к разделам и примеч. К.В. Малиновского. Т. 1. М., 1990. С. 119, 122.

[15] Находится в главном здании Российской Академии наук в Санкт-Петербурге. Историю создания мозаики в контексте общего замысла см.: *Косолапов Б.А.* О проектах монумента Петру I в Петропавловском соборе и работе над мозаичной картиной «Полтавская баталия» // Советское искусствознание ‘83. Вып. 1 (18). М., 1984.

[16] [*Урванов И.Ф.*] Краткое руководство к познанию рисования и живописи историческаго рода, основанное на умозрении и опытах. Сочинено для учащихся художником И.У. СПб., 1793. С. 38.

впоследствии. Обращение к образу «исторической битвы» каждый раз знаменовало неувядаемый триумф русского оружия и величие Петра-полководца[17].

Ломоносов как инвентор елизаветинской эпохи чтил образ Петра и отдавал должное его деяниям. Судя по всему, адекватно им была воспринята и идея неумирающей значимости Полтавы. Сам же характер проекта дает повод говорить о мозаике как произведении в жанровом отношении синкретическом. Батальные и исторические потенции подчиняются правилам апофеоза или триумфа, столь распространенных в европейской монументальной живописи барокко. Благодаря расположенным в верхней части сценам из Нового Завета (в «Полтавской баталии» — «Святый Апостол Павел у писчего стола...») происходит сопоставление истории «великих дел» Петра со Священной историей. Любопытно, что в «Описании составленной мозаичной картины полтавския победы...» Ломоносов расписывает композицию по пунктам: 1, 2, 3 и так далее до 12. Каждый из эпизодов, обладая известной самоценностью, находится в позиции маленькой картины-клейма, не подчиняясь единой «проспективе». Как на гравюре-конклюзии, возникает комбинация из значимых сцен и портретных образов, каждый из которых подается «фронтально», скорее с учетом символической значимости, нежели пространственной координации. Уменьшение предмета в глубину, разумеется, учитывается, но на перспективную картинность проецируется логика ярусной композиции и иерархической перспективы, вполне соответствующая требованиям наглядности, предъявляемым баталическому жанру. Впрочем, это не противоречит тому, что нарушения законов картинного пространства: «сшитость композиции ... из разных кусков», ошибки в пропорциях, неестественность поз и т. д., обусловлены также сложностями мозаичного набора и другими обстоятельствами технического плана[18].

Как и положено, в апофеозе или триумфе в «Полтавской баталии» представлен весь мир в полюсном напряжении: от «светлого» Неба, обозначенного образом Св. Апостола Павла, до самого «темного» низа, где обычно изображаются поверженные пороки, место которых заняли повергнутые и «повергаемые» к стопам победителей шведские воины. Основные герои композиции в лице Петра и его генералов находятся в левой ее части не случайно: для зрителя движение слева направо создает впечатление всесокрушительного победного движения. Однако важ-

[17] См.: Полтавская битва и ея памятники. (С рисунками, планом города и картами военных действий) / Составили: Преподаватель Петр. Полт. Кад. корпуса И. Фр. Павловский и Воспитатель В. Мих. Старковский. Полтава, 1894.

[18] *Некрасова Е.А.* Указ. соч. С. 97–98; *Косолапов Б.А.* Указ. соч. С. 278.

но и другое. Относительно фигуры Апостола, а значит и Всевышнего лагерь русских войск, а также Петр со своими соратниками находится «одесную» и, таким образом, под особым покровительством Неба. В этом контексте понятен и взгляд государя, направленный поверх битвы. Согласно составленному М.В. Ломоносовым описанию: «Над картиною Святый Апостол Павел у писчего стола, в одной руке с пером, а другою рукою и лицем оказывает знак благоговения и благодарения; под ним, на металлическом убрусе, написаны слова его из послания, читающегося на Полтавскую победу: «Бог по нас, кто на ны?»[19]. Такие отсылки в духе риторического «совоображения» постоянно встречаются в похвальных одах Ломоносова. Поэтому главный объект мозаичной «похвалы», Петр, представлен не только в качестве полководца со «знатнейшими генералами» («баталическая» тема), триумфатора, возглавляющего колонну героев-победителей (панегирическая тема), но и как венчанный на царство помазанник, находящийся под особым покровительством Неба (тема апофеоза). Изображения А.Д. Меншикова, Б.П. Шереметева и М.М. Голицына при всем стремлении «вписать» их в гущу войск оказываются не только в историческом (героическом), но и в избранном, идеальном пространстве.

Впрочем, думается, что не случайно был осуществлен и сохранился именно этот «фрагмент» грандиозного замысла Ломоносова. С петровских времен сюжет «Баталия полтавская» становится почти сакральным, являясь сначала знаком надежды на окончательное одоление «швейского льва», а затем символом петровских побед и в целом триумфа российского оружия, как впоследствии Чесменский бой или Бородинское сражение.

Свою роль в становлении отечественного исторического полотна сыграла и связанная с российскими реалиями аллегорическая картина. Авторами таких произведений были прежде всего иностранцы — представители художественных школ, в которых историческая картина уже нашла место среди других жанров живописи.

В елизаветинскую эпоху к числу подобных произведений относятся «Аллегория на основание Академии художеств» неизвестного иностранного мастера (вторая половина 1750-х гг. ГТГ) и «Императрица Елизавета Петровна —покровительница искусств» Л.-Ж.-Ф. Лагрене-старшего (1761 г. ГРМ). По характеру композиции первая вполне могла быть эскизом плафона (работа относительно небольших размеров: 79,5 х 66,3)[20] или его уменьшенным воспроизведением. Полотно Лагрене, написанное «для ... приема в санктпетер-

[19] *Некрасова Е.А.* Указ. соч. С. 102, 133.

[20] Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Живопись XVIII века. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2015. С. 373–374. Каталог № 374.

бургскую Академию художеств», явно несет в себе родовые признаки монументально-декоративной живописи, способной украсить стену обширного интерьера (ее размеры 390 х 284)[21]. Общей для обеих композиций является профильная форма портретного изображения главной героини, предполагающая известную отчужденность от зрителя, что вполне соответствует концепции аллегорической или исторической картины. В «Аллегории на основание Академии художеств» используется знакомый с петровских времен мотив: «изображение изображения». Минерва многозначительно экспонирует скульптурный медальон с портретом императрицы — своего рода памятник ее покровительству искусствам.

На полотне Лагрене императрица воспринимается как статуя, подобная высекаемой здесь же фигуре Петра, что определенно связано с коннотациями ликования по случаю возвращения петровской России[22]. В сравнении с «экспрессиями» аллегорических и мифологических фигур замедленно величественные жесты Елизаветы Петровны вполне достойны коронационного портрета.

Собственная традиция исторического полотна в России во многом формировалась в рамках живописной команды Канцелярии от строений. Опыт монументально-декоративной живописи, умение использовать образцы, известная универсальность метода вместе с готовностью выполнять любые запросы заказчика — все это оказалось полезным для создания станковой картины. В этом процессе, однако, полной ясности нет. Вместе с тем трудно не согласиться, что полотна М.И. Пучинова и Г.И. Козлова, открывающие историю академической живописи, «были написаны в полном соответствии с традициями картины, сложившимися к тому времени в Канцелярии от строений»[23]. Матвей Иванович Пучинов (1716/20? 22? 24? — 1797), подобно другим живописцам Канцелярии от строений, сложился как мастер в сфере монументально-декоративной живописи. Среди немногих русских художников середины столетия был послан за границу — в 1750-х гг. был в Риме. Видимо учился у известного римского мастера Помпео Батони. Его картина «Беседа

---

[21] Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век. Каталог. Т. 1. СПб., 1998. С. 101. Каталог № 221.

[22] *Уортман Р.* Указ. соч. С. 149.

[23] *Моисеева С.В.* Историческая живопись мастеров Канцелярии от строений в собрании Государственного Русского музея // «Золотой осьмнадцатый...» Русское искусство XVIII в. в современном отечественном искусствознании. Сб. статей / Под ред. Т.В. Ильиной, М.А. Костыря, Е.В. Ходаковского. СПб., 2006. С. 156. Заслуживает внимания и обоснование в этой статье потребности в изучении до- и внеакадемической линии развития исторического полотна во второй половине XVIII в. Также см.: *Моисеева С.В.* «…К лучшим успехам и славе Академии». С. 25–33.

Александра Македонского с Диогеном» (не позднее 1762 г. ГРМ), за которую он получил звание академика, представляет собой синтез опыта росписи царских дворцов и римских уроков. Заложенное во всесоединяющем ритме волнообразных линий монументальное начало подчиняется разумно, по классическим правилам построенной композиции, каркас которой был явно подсказан произведениями П. Батони. Умело скомбинированные рокайльные тона не только дань эпохе эстетических наслаждений, но и стремление сделать известный смысловой акцент, противопоставить расцвеченную славу Александра Македонского аскетическому монохромному бытию философа-киника. Полотно по размеру (217 х 148), колориту, в котором преобладают зеленоватые тона, орнаментально-декоративной организации плоскости напоминает шпалеру. Причастность к шпалерному производству становится важной частью творческой жизни Пучинова–живописца. Этот пример лишний раз подчеркивает единство устремлений разных сфер русской художественной культуры в деле становления исторической картины.

Гавриил Игнатьевич Козлов (1738? — 1791) тоже прошел школу Канцелярии от строений, что, видимо, дало импульс универсализму его творчества, простирающегося от плафонной живописи до эскизов росписи вееров. Размашисто написанное полотно «Отречение апостола Петра» (не позднее 1762 г. ГРМ), положившее начало его достаточно успешной академической карьеры, было создано по гравюре, воспроизводящей картину французского мастера Ж. Стелы[24]. Подобный метод усвоения опыта мирового художественного наследия всячески приветствовался Академией, особенно на этапе ученичества, и весомость подобных работ ничуть не уступала самостоятельно инвентированным, особенно на первых этапах формирования исторической живописи. В этом находила отражение существенная и насущная потребность отечественной школы: стать частью общеевропейского художественного процесса.

Среди факторов, способствовавших становлению исторической картины, было, естественно, и коллекционирование. Ко времени основания Академии художеств полотна западноевропейских мастеров с историческими, аллегорическими, мифологическими, библейскими и евангельскими сюжетами можно было встретить не только в императорских собраниях, собрании Академии художеств, но и у целого ряда частных лиц. Среди них нужно прежде всего назвать коллекцию куратора Академии художеств И.И. Шувалова[25]. В описях, этих

[24] *Воронов М.Г.* Гавриил Игнатьевич Козлов. Л., 1982. С. 22.

[25] См.: *Малиновский К.В.* История коллекционирования живописи в Санкт-Петербурге в XVIII веке. СПб., 2012.

своеобразных каталогах XVIII столетия, можно увидеть немало имен выдающихся живописцев — Рафаэля, Веронезе, Рембрандта, Рубенса и др. И хотя впоследствии выяснялось, что не все они были написаны прославленными мастерами, значение этих имен как авторитетных для современников было чрезвычайно велико.

Несмотря на значительный опыт национальной школы в обращении с исторической тематикой в монументальной живописи и близкой ей аллегорической станковой картине, создание отечественного полотна «исторического большего рода» происходило с опорой на другую традицию, которую можно было бы назвать академической. Важное место на первых порах отводилось возможности перенимать опыт других европейских школ, где эта традиция уже сложилась. Не случайно первыми руководителями живописного класса в Санкт-Петербургской Академии художеств были французские мастера. Список открывает член Парижской академии Луи Жозеф Ле Лоррен, затем следуют Жан Луи Де Велли и Луи Жан Франсуа Лагрене Старший. С 1762 г. наступает черед итальянцев Франческо Фонтебассо и Стефано Торелли, который был первым руководителем открытого в 1763 г. класса исторической живописи[26]. Однако уже в 1759 г. в качестве младших преподавателей в Академию принимают русских живописцев А.П. Лосенко, К.И. Головачевского и И.С. Саблукова, прошедших выучку у дворового мастера П.Б. Шереметева — И.П. Аргунова[27]. На первых порах такой состав педагогических сил был оптимальным. Русские преподаватели одновременно набирались опыта у европейских коллег и принимали активное участие в непосредственном обучении воспитанников Академии.

В самой Академии по мере ее развития укреплялись и позиции исторической живописи, особенно после принятия «Устава» 1764 г. В документах при перечислении различных «видов» живописи исторический занимает, как правило, первое место: «Художество живописи разделяется на историческое и портретное, на виды баталий, зданий, развалин, морские, деревенские, зверей, плодов, цветов, птиц, рыб и проч.» (1766)[28]. Складывается отчетливое и ясное представление о том, что должно входить в сферу интересов исторической живописи. В конце столетия это будет решительно сформулировано в «Кратком руководстве» И.Ф. Урванова: «В историческом большом роде употребительные предметы суть различныя деяния челове-

[26] *Моисеева С.В.* «…К лучшим успехам и славе Академии». С. 29.

[27] См.: *Селинова Т.А.* Иван Петрович Аргунов. 1729–1802. М., 1973. С. 150–156.

[28] Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Под ред. П.Н. Петрова. Ч. 1. СПб., 1864. С. 157.

ческия, касающияся до священной или светской истории, или до баснословия; к чему присовокупляются также предметы служащие к объяснению деяний». И здесь же декларируется отличие от других «родов»: «Сей род назван большим потому, что он заключает в себе важнейшия события, и требует гораздо большаго знания, нежели другие роды, и к нему принадлежат предметы всех прочих родов»[29]. Все обучение в Академии художеств было построено таким образом, чтобы наиболее способных воспитанников направить именно по стезе исторической живописи. Они, разумеется, должны были уметь и знать больше, нежели другие учащиеся. Уже с первых лет существования Академии стала складываться практика заказа воспитанникам, выпускникам, преподавателям и претендентам на академические звания исторических полотен, которые в основном и хранились в ее стенах.

* * *

Итак, становление в России исторической картины вряд ли случайно приходится на период расцвета абсолютизма. Будучи органической частью государственного мифа, она была вызвана к жизни прежде всего официальным заказом, порой теснейшим образом связанным со «сценариями власти». Именно актуальная на протяжении столетия идея государственной пользы, так или иначе, объединяет все названные явления, которые можно рассматривать как истоки «исторического большого рода» живописи.

References

Ageyeva O.G. *Yevropeizatsiya russkogo dvora. 1700–1796 gg.* [Europeanization of the Russian Court, 1700–1796]. Moscow: IRI RAN, 2006. 264 p.

Kaganovich A.L. *Anton Losenko i russkoye iskusstvo serediny XVIII stoletiya* [Anton Losenko and the Russian Art of the Mid-18th Century]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii khudozhestv SSSR, 1963. 320 p.

Kovalenskaya N.N. *Russkiy klassitsizm. Zhivopis'. Skul'ptura. Grafika* [Russian Classicism. Painting. Sculpture. Graphics]. Moscow: Iskusstvo, 1964. 704 p.

Kovalenskaya N.N. *Istoriya Akademii khudozhestv i yeye rol' v razvitii russkoy khudozhestvennoy kul'tury* [History of the Academy of Arts and Its Role in the Development of Russian Artistic Culture] // *Iskusstvo*. 1940. № 1, pp. 9–35.

Kosolapov B.A. *O proyektakh monumenta Petru I v Petropavlovskom sobore i rabote nad mozaichnoy kartinoy "Poltavskaya bataliya"* [On the Projects of the Monument to Peter I in the Peter and Paul Cathedral and the Work over the Mosaic Picture of "The Poltava Battle"] // *Sovetskoye iskusstvoznaniye*. 83. Vyp. 1(18). Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1984, pp. 266–282.

[29] [*Урванов И.Ф.*] Краткое руководство к познанию рисования и живописи историческаго рода, основанное на умозрении и опытах. С. 39.

Moiseyeva S.V. *"…K luchshim uspekham i slave Akademii": Zhivopisnyye klassy Sankt-Peterburgskoy Akademii khudozhestv XVIII – pervoy poloviny XIX veka* ["…To the Best Successes and Glory of the Academy": Painting Classes of the Saint Petersburg Academy of Arts in the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2014. 216 p.

Moiseyeva S.V. *Istoricheskaya zhivopis' masterov Kantselyarii ot stroyeniy v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo muzeya* [The History Painting of the Masters of the Chancellery of Buildings in the Collection of the State Russian Museum] // *"Zolotoy os'mnadtsatyy…" Russkoye iskusstvo XVIII v. v sovremennom otechestvennom iskusstvoznanii. Sbornik statey* ["The Golden Eighteenth…" The 18th-Century Russian Art in Modern Russian Art Studies. A Collection of Articles] / Ed. by T.V. Il'ina, M.A. Kostyrya, E.V. Khodakovskiy. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006, pp. 155–162.

Malinovskiy K.V. *Istoriya kollektsionirovaniya zhivopisi v Sankt-Peterburge v XVIII veke* [History of Collecting Paintings in Saint Petersburg in the 18th Century]. Saint Petersburg: Kniga, 2012. 536 p.

Nekrasova Ye.A. *Lomonosov-khudozhnik* [Lomonosov, the Artist] / App. and Ill. Selection by Ye.S. Shteynera. Moscow: Iskusstvo, 1988. 144 p.

Ryazantsev I.V. *Skul'ptura v Rossii: XVIII – nachalo XIX veka: Ocherki* [Sculpture in Russia, the 18th – Early 19th Centuries: Essays]. Moscow: Zhiraf, 2003. 544 p.

Selinova T.A. *Ivan Petrovich Argunov. 1729–1802* [Ivan Petrovich Argunov, 1729–1802]. Moscow: Iskusstvo, 1973. 208 p.

Strigalev A.A. *"Gorod Solntsa" Kampanelly kak ideal miroporyadka* [Campanella's *City of the Sun* as the Ideal of World Order] // *Kartiny mira v istorii mirovogo iskusstva. (S drevneyshikh epokh – k Novomu vremeni)* [Pictures of the World in the History of World Art (From the Most Ancient Epochs to the Modern Period)] / Ed. by V.P. Tolstoy. Moscow: NII teorii i istorii izobrazitel'nykh iskusstv RAKh, 1995, pp. 77–97.

Vereshchagina A. *Khudozhnik. Vremya. Istoriya: Ocherki russkoy istoricheskoy zhivopisi XVIII – nachala XX veka* [Artist. Time. History: Essays on the Russian History Painting of the 18th – early 20th Centuries]. Leningrad: Iskusstvo, 1973. 130 p.

Voronov M.G. *Gavriil Ignat'yevich Kozlov: Zhizn' i tvorchestvo* [Gavriil Ignatievich Kozlov: Life and Work]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1982. 115 p.

Wortman R. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. T. 1. *Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I* [From Peter the Great to the Death of Nicholas I]. Moscow: O.G.I., 2002. 608 p.

Yakovleva N.A. *Istoricheskaya kartina v russkoy zhivopisi* [History Painting in the Russian Painting]. Moscow: Belyy gorod, 2005. 657 p.

Yevangulova O.S. *Sud'ba problemy realizma v otechestvennoy literature o russkom iskusstve XVIII stoletiya* [The Fate of the Problem of Realism in the Russian Literature on the 18th-Century Russian Art] // *"Zolotoy os'mnadtsatyy…" Russkoye iskusstvo XVIII v. v sovremennom otechestvennom iskusstvoznanii. Sbornik statey* ["The Golden Eighteenth…" The 18th-Century Russian Art in Modern Russian Art Studies. A Collection of Articles] / Ed. by T.V. Il'ina, M.A. Kostyrya, E.V. Khodakovskiy. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006, pp. 63–68.

Zhidkov G.V. *Zametki o russkoy istoricheskoy zhivopisi* [Notes on Russian History Painting] // *Iskusstvo*. 1939. № 2, pp. 59–87.

Поступила в редакцию
13 июня 2018 г.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АНТИЧНОСТИ В МИРОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ» (МГУ, 31 января 2018 г.)

SCIENTIFIC CONFERENCE "ECONOMIC HISTORY OF ANTIQUITY IN THE WORLD HISTORIOGRAPHY" (MSU, January 31, 2018)

31 января 2018 г. на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась очередная, третья по счету (первая проходила в ноябре 2013 г., вторая — в январе 2016 г.) конференция «Экономическая история античности в мировой историографии», посвященная памяти профессора Василия Ивановича Кузищина (1930–2013) — выдающегося исследователя экономики античного мира, в течение нескольких десятилетий возглавлявшего кафедру истории Древнего мира исторического факультета МГУ.

На открытии конференции с приветственным словом выступили декан исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова профессор И.И. Тучков, заместитель декана по научной работе доцент Д.А. Андреев, член-корреспондент РАН, профессор Л.И. Бородкин.

На **пленарном заседании** конференции участники заслушали два доклада. *С.Ю. Сапрыкин* посвятил свое выступление анализу неопубликованного граффити из поселения Ак-Кая (Вишенное) в Восточном Крыму. В докладе был сделан анализ термина «хореты», который вычитывается в этой посвятительной надписи. Автор доклада пришел к заключению, что под этим словом скрываются жители позднескифского поселения — общинники, обитавшие в этом укреплении. К ним относятся упомянутые в надписи люди, имена которых прочитываются в двух последних сохранившихся строчках граффити.

М.Д. Бухарин в докладе «Описание экономического уклада примитивных народов в работе Агафархида Книдского "Об Эритрейском море"» пришел к выводу, что анализ экономического уклада примитивных народов Африки используется Агафархидом Книдским как инструмент, а не как собственно предмет исследования. Агафархид предстает перед читателем в большей степени философом, чем историком или географом. Он и сам не претендует на большее: «… на правдивое же написание истории мы не отваживаемся», — заявляет он. Тем не менее, в его сочинении немало информации, ис-

ключительно важной для реконструкции экономической истории красноморского бассейна.

Далее работа конференции проходила в четырех секциях.

На заседании секции **«Теория. Методология. Историография»** (председатель — А.В. Махлаюк) было сделано шесть докладов. *С.Г. Карпюк* в докладе «Мозес Финли: организация помощи СССР и экономика древности» рассмотрел влияние работы историка в американских организациях по оказанию помощи Советскому Союзу в 1942–1947 гг. на его труды (прежде всего, на «Мир Одиссея» и «Экономику древности»). Документы из московских архивов свидетельствуют о глубокой вовлеченности Финли в деятельность «Помощи России в войне» и «Американо-русского института», его многочисленных контактах с советскими дипломатами. Вопреки преобладающей точке зрения, именно практика работы в организациях по оказанию помощи повлияла на представление о роли дарения в работах М. Финли.

В докладе *И.Е. Сурикова* «Полис, эмпорий, монета: к современному состоянию одного важного круга проблем политико-экономической истории античности» были сформулированы две принципиальные идеи, имеющие прямое отношение к экономической истории античности. Первая заключается в том, что не следует противопоставлять друг другу (как нередко делается в историографии) категории полиса и эмпория, поскольку они относятся к разным сферам: эмпорий — к экономической, полис — к политической. Вторая заключается в том, что наличие собственной монетной чеканки является не необходимым, а только достаточным признаком полисного статуса поселения.

А.В. Махлаюк (Нижний Новгород) в докладе «Теоретические модели и эмпирические исследования по экономике древнего Рима в новейшей историографии» остановился на анализе использования идей и подходов новой институциональной экономики в изучении экономической истории римского мира. Именно это теоретическое направление, ставящее во главу угла характерные для того или иного общества социальные институты (включая культурные традиции, обычаи, «правила игры»), поведенческие стереотипы и т. п. факторы, способствовало преодолению разрыва между сферами экономики, политики и культуры и позволило по-новому подойти к объяснению экономического роста в обществах прошлого. В 2000-е гг. новая институциональная экономика становится основной теоретической моделью для обобщающих трудов и многих конкретных исследований по экономической истории Рима. Опубликованные в 2000–2010-е гг. труды не только существенно расширили и конкре-

тизировали наши знания о специфических путях развития римской экономики, ее отдельных отраслей и региональных комплексов, но дают основания говорить о начале пост-финлианской эры в изучении античной экономики, об определенном преодолении противоположности «примитивистских» (субстантивистских) и модернистских («формалистских») концепций.

В докладе *В.А. Квашнина* (Вологда) «Социально-экономическое развитие римской civitas периода средней Республики в новейшей зарубежной историографии» на примере работ П. Эрдкампа была показана эволюция взглядов на социальный состав римской общины, проблемы аграрной истории III–II вв. до н.э. и т. д. Особое внимание было уделено такому важному аспекту жизни civitas, как цели и направления римской колонизации Италии, социальный и этнический состав колонистов, проблемы мобильности и юридического статуса населения колоний, что в итоге позволило прийти к ряду важных выводов о римском обществе эпохи классической Республики.

Б.С. Ляпустин в докладе «Этапы экономического развития древнего Рима в контексте теории М. Вебера» отметил, что, отталкиваясь от экономического определения М. Вебером докапиталистического города как рыночного поселения, где функционируют экономические центры двух типов — крупные господские ойкосы и местный рынок рядовых жителей, можно выделить этапы экономического развития древнего Рима, который первоначально возник как сельское поселение. Реформы Сервия Туллия положили начало формированию рынка, расцвет которого пришелся на конец III — конец I вв. до н.э., когда крупное хозяйство римской элиты в городе и деревне выступало самым платежеспособным потребителем товаров и услуг. Переориентация фамилий элиты в эпоху Августа на приобретение товаров из провинций привела к их уходу с местных рынков, которые стали угасать, и постепенному превращению поместий в экономические центры, что и стало главной причиной перехода римской экономики к натуральным формам в эпоху домината.

Е.В. Ляпустина выступила с докладом «Собственность и гражданство».

На заседании секции **«Экономика. Право. Власть»** (председатель — И.А. Гвоздева) было представлено восемь докладов. Заседание открылось докладом *И.А. Гвоздевой* «Pertica — экономическая категория эпохи принципата», в котором было предложено рассмотреть категорию “pertica” как самостоятельную единицу экономики Рима эпохи принципата. Если в конце Республики были сформированы особые экономические типы (виллы) в хозяйственной жизни Рима, то в начале Империи можно говорить о существовании территорий

со своей особой экономической структурой, обеспечивающей существование этих хозяйственных типов в их границах.

М.В. Дурново в докладе «”Семьи” рабов и senatus consultum Claudianum 52 г.» пришел к выводу, что основная задача senatus consultum Claudianum состояла в защите собственнических прав рабовладельцев на пекулии их рабов, и выражалась эта защита в признании обоснованным стремления господина завладеть потомством и имуществом «семьи» своего раба, а осуществлялась она посредством изменения правового статуса членов этой «семьи».

В докладе *Е.И. Соломатиной* «Формы политической власти в архаическом Лесбосе и их экономическая составляющая» была представлена традиционная реконструкция процесса политического развития и смены форм власти во второй половине VII — начале VI в. до н.э. в архаической Митилене: от олигархии Пенфилидов до череды сменяющих друг друга единоличных правителей. Автором также были привлечены данные археологии по архаическим полисам Лесбоса, трактуемые как виды престижной демонстрации расходуемого богатства правящих элит и свидетельствующие об отличии митиленской аристократии в выборе объектов демонстративного потребления и престижных трат.

Доклад *В.А. Конюхова* «Immunitas и формирование ius Italicum» был посвящен immunitas как основному компоненту ius Italicum, что было обосновано прежде всего Ф. Хинриксом. В докладе была уточнена аргументация данного автора и показан континуальный характер изменений содержания понятия ius Italicum.

М.Н. Кириллова в докладе «Способы использования ager publicus во II в. до н.э.: земельно-правовой аспект» обратилась к анализу известного фрагмента из первой книги «Гражданских войн» Аппиана, в котором содержится описание способов использования общественной земли. Его трактовка событий долгое время пользовалась доверием исследователей, однако в последнее время этот материал подвергается пересмотру и уточнению. Автор доклада обратила внимание на то, что Аппианом описываются отнюдь не все возможные способы использования общественной земли, основной акцент сделан на использование земли в римской колонии. Проблема оккупации общественных земель колонии была актуальна в эпоху Аппиана; о том, что она была актуальна и во II в. до н.э., свидетельствует анализ межевых камней гракханской комиссии.

В докладе *Г.В. Ускова* (Ярославль) «Экономические причины политики переселения кочевых племен в римской Северной Африке II в. н.э.» была рассмотрена политика оттеснения отдельных племен кочевников Северной Африки от плодородных земель, а также от

римских колоний и муниципиев, которую проводили императоры династии Антонинов. Автор показал, что освобожденные плодородные земли отдавались городам, либо на них создавались императорские и сенаторские поместья. По мнению докладчика, подобные действия имели под собой не только политические, но и экономические основания, поскольку активная сельскохозяйственная колонизация региона, проводившаяся римскими властями во II в., требовала значительных земельных участков и, следовательно, переселение кочевников являлось одним из средств романизации.

Доклад *Е.В. Новоселовой* «Идеологические аспекты экономической политики в государстве инков» был посвящен актуальной теме экономики крупнейшего государства древней Америки. Проанализировав наиболее часто упоминаемые в письменных источниках инкские экономические практики, автор пришла к выводу, что экономика в инкском государстве была неотъемлемой частью не только государственной политики, но и идеологии верховной власти.

Завершил работу секции доклад *В.А. Головиной* «Скарабей Уах'а и II письмо Хеканахта», предметом которого стали два известных памятника ММА: серебряный скарабей Уах'а и II письмо из частного архива заупокойного жреца Хеканахта (сохранившее оттиск скарабейной печати). Оба памятника традиционно датировались эпохой XI династии, несмотря на стилевое несоответствие датировки типу их базового (спиралевидного) дизайна. Недавняя передатировка обоих памятников более поздней, XII династией (Дор. Арнолд и др.) устраняет это несоответствие, но также заставляет с осторожностью использовать привычный тезис о XII династии как времени расцвета Египта, его «ренессанса», что противоречит содержанию II письма Хеканахта, описывающего страну в состоянии страшного голода.

На заседании секции **«Торговля. Финансы. Налоги»** (председатель — В.В. Дементьева) было сделано восемь докладов. *А.В. Стрелков* в докладе «Аристотель и греческие трапезиты» остановился на взглядах Аристотеля на природу денег. Философ полагал, что деньги возникают в результате соглашения между людьми как техническое средство для облегчения обмена. В силу этого Аристотель считал противоречащим природе получение дохода ростовщиками путем взимания процентов.

В докладе «Эйсфора в договорах об аренде священной земли в Аттике (IV в. до н.э.)» *Е.В. Булычева* пришла к следующим выводам: 1) судя по данным надписей об аренде священных земель, сумма этого чрезвычайного налога устанавливалась в соответствии с оценкой стоимости арендованного имущества; 2) налогоплательщиками

могли выступать как частные лица, так и целые коллективы — демы и религиозные сообщества; 3) за порядком внесения эйсфоры устанавливался специальный административный надзор. В целом докладчик отметила, что в связи с завершением Пелопоннесской войны в полисе существовали определенные финансовые трудности. Чрезвычайный налог, введенный во время Пелопоннесской войны, постепенно превращался в постоянный, что вызывало у некоторых граждан недовольство. Систематическое взимание эйсфоры требовало поиска новых форм ее сбора. В такой ситуации обращение власти полиса к объединениям граждан, занимающихся экономической деятельностью, представляется вполне закономерным.

И.Н. Коровчинский в докладе «Надписи Ай-Ханум и импорт оливкового масла в Греко-Бактрию» проанализировал надписи на сосуде с оливковым маслом из сокровищницы дворца в Ай-Ханум и пришел к выводу о том, что дефицит масла, отраженный в этих надписях, одна из которых датирована ок. 147 г. до н.э., может быть соотнесен с захватом Мидии Парфией после 148 г. до н.э. Именно Парфия могла установить блокаду товарообмена между своими противниками — державой Селевкидов и Греко-Бактрией — по прямому пути через Мидию, что привело к большой нехватке в Бактрии данного продукта, импортировавшегося туда из Средиземноморья.

В докладе *В.В. Дементьевой* (Ярославль) «Снабжение Рима хлебом: Остийская провинция квесторов (III в. до н.э. — I в. н.э.)» были рассмотрены дискуссионные вопросы функций квесторов в Остии и времени появления данной провинции (сферы деятельности) низших республиканских магистратов. Докладчиком были приведены сведения источников о том, что с созданием при Октавиане Августе должности praefectus annonae магистратский статус quaestor Ostiensis не был упразднен; остийская квестура продолжала сохраняться до преобразований, осуществленных императором Клавдием. Автор пришла к выводу, что данные квесторы обеспечивали снабжение хлебом Рима при поставках зерна через порт Остию. В этой сфере квесторы отвечали за покупку зерна, его хранение в Остии и транспортировку в Рим, т. е. осуществляли контроль всех звеньев обеспечения города привозным зерном.

Доклад *Ю.С. Веселовой* (Ярославль) «Взаимодействие римских mercatores с племенем бригантов в рамках amicitia (конец I в. до н.э. — I в. н.э.)» был посвящен торговым контактам Римской империи с племенем бригантов в тот период, когда еще не произошло окончательной колонизации Британии. Римские предметы появляются на территории бригантов еще до начала покорения Британского острова Клавдием. На основании вещественных источников (монеты,

керамика, предметы из стекла, строительные материалы) автор доклада проанализировала экономическое взаимодействие mercatores Римской империи и племенной элиты бригантов, охарактеризовала его особенности, а также факторы, на него повлиявшие.

В докладе «Сбор налогов и пошлин в провинции Дакия (107–167 гг. н.э.)» *Н.А. Филимонов* (Ярославль) отметил, что Дакия была включена в состав провинций Римской империи одной из последних, и это обусловило ряд особенностей в формировании в ней системы налогообложения. На основе эпиграфического материала автор проанализировал виды налогов в данной провинции, а также выяснил роль таможенных станций в системе сбора пошлин в римской Дакии, выявил особенности их местоположения, охарактеризовал основные функции и структуру, привел доказательства в пользу того, что граждане римского происхождения имели преимущество при сборе таможенных пошлин.

В докладе *А.В. Сафронова* «Торговые пути внутри и вне мира майя» были рассмотрены вопросы формирования и функционирования торгово-коммуникационных путей у древних майя с конца I тыс. до н.э. по XVI в., как между отдельными городами майя (внутренний рынок), так и между областью майя и сопредельными регионами (дистанционная торговля). В частности, была предпринята попытка определения направления таких путей, исходя из археологических находок, расположения источников ресурсов и особенностей географии региона (с помощью методов ГИС-моделирования).

Д.Д. Беляев в докладе «Торговля и торговцы в обществе майя в классический и постклассический период» рассмотрел письменные и изобразительные свидетельства о функционировании торговли. Были проанализированы различные виды торговли, отраженные в словарных материалах XVI в., проблемы определения социальной роли торговцев, ее трансформации от классического к постклассическому периоду, идентификации богов-покровителей торговли в иероглифических текстах и иконографии.

На заседании секции **«Хозяйство. Быт. Человек»** (председатель — В.М. Строгецкий) было заслушано восемь докладов. *Б.Е. Александров* в докладе «Экономика старости в Сирии позднебронзового века», опираясь на данные архивов Эмара (XIV–XIII вв. до н.э.), рассмотрел основные способы материального обеспечения престарелых людей в обществах древней Сирии. Как и в других социумах архаики, в Эмаре отсутствовала государственная или общинная система поддержки этой категории лиц. Главным источником их обеспечения становились собственные активы, а также активы ближайших родственников, детей. Повседневный уход и управле-

ние имуществом были также возложены на младшее поколение. Согласно источникам, старые люди могли устраивать свою жизнь и другим способом — обязав заботиться о себе должников или рабов (которым после смерти господина гарантировалось освобождение). Предметом особой заботы в завещаниях из Эмара являлась судьба жены после смерти мужа-патриарха. Ее существование в старости обеспечивалось за счет наделения статусом главы домохозяйства («отца и матери дома» в терминологии источников).

В докладе *И.А. Ладынина* «Общество Позднего Египта в свидетельствах древнегреческих авторов V–IV вв. до н.э.» были рассмотрены сведения Геродота, Платона, Аристотеля, Исократа, Дикеарха Мессенского, Гекатея Абдерского (в передаче Диодора) и Страбона об организации общества древнего Египта. Докладчик показал, каким образом в этих свидетельствах отразилась трансформация египетского общества, произошедшая после падения Нового царства, на протяжении XI–VII вв. до н.э.

В.М. Строгецкий (Нижний Новгород) в докладе «Классический древнегреческий полис: формирование политических и социально-экономических отношений. Особенности комментария к „Экономике“ Аристотеля» отметил, что важнейшей мыслью Аристотеля, касающейся управления полисом, т. е. городом-государством, является следующая: управление полисом предусматривает многих правителей, т. е. демократию, а управление хозяйством основывается на частной собственности и предусматривает в основе своей прежде всего единовластие. Главная воспитательная роль раздела сочинения Аристотеля о приоритете частной собственности и частного права заключается в том, что таким образом формируется хозяин и гражданин, способный приобретать имущество, содержать его в порядке и использовать наличное имущество надлежащим образом.

В докладе «Мясо в рационе афинянина» *В.С. Ленская* рассмотрела вопросы, связанные с употреблением «красного мяса» (мяса коров, овец, коз, свиней) афинскими гражданами. В большинстве случаев афинянин употреблял это мясо на многочисленных общественных праздниках, во время которых происходили жертвоприношения и раздачи мясных порций всем участвовавшим гражданам. Другим способом приобретения мяса афинянином являлась покупка его на рынке; только таким способом могли получить мясо метеки, редко участвовавшие в полисных праздниках и лишенные бесплатных мясных раздач. При таком раскладе граждане ели мясо гораздо чаще, чем метеки, в чем можно усмотреть, в частности, своеобразную заботу государства о своих воинах, которые должны были постоянно поддерживать физическую силу и выносливость.

В докладе *Т.Б. Гвоздевой* «Панафинейские амфоры: слава и деньги» была отмечена особая специфика наград атлетов на Панафинейских играх в Афинах. С одной стороны, оливковое масло в призовых панафинейских амфорах являлось сакральной, почетной наградой, подобной венкам на панэллинских играх, с другой стороны — известны случаи продажи амфор с целью обогащения.

В.С. Кореняк (Ярославль) в докладе «Экономическое развитие Беотии в V–IV вв. до н.э.: хозяйство платейского полиса» отметил, что каждый из беотийских полисов имел свои хозяйственные отличия, не был исключением в данном отношении и полис Платеи. В докладе была сделана попытка проанализировать особенности экономической жизни региона в целом, выделить специфику Платей, а также проследить влияние географического фактора на ориентацию хозяйственной деятельности.

В докладе *В.В. Хапаева* (Севастополь) «Изменение экономического уклада византийской Таврики в VI–VIII вв.» было представлено влияние глобальных климатических изменений на экономику византийской Таврики. Автор пришел к выводу, что аридизация климата в период климатического пессимума раннего Средневековья привела к сворачиванию товарного производства хлеба и винограда в Крыму. Наступление во второй половине VII в. климатического оптимума, характеризовавшегося глобальным потеплением и увлажнением климата, привело в VIII в. к возрождению товарного хлеборобства и виноградарства.

П.Н. Лебедев в докладе «Книга как предмет престижного потребления в Римской империи во II в. н.э.» отметил, что в Римской империи во II в. совместное обсуждение книг и участие в процессе книгообмена позволяло обозначить свою принадлежность к узкому кругу избранных на фоне расширения слоя имперской элиты. Этими обстоятельствами объясняется престижность обладания книгами и их высокая стоимость. Лукиану из Самосаты принадлежит одно из первых произведений, посвященных покупке дорогих книг с целью демонстративного потребления.

* * *

Вечером 31 января, после завершения работы секций, все участники конференции вновь собрались вместе на торжественном заседании, посвященном памяти профессора В.И. Кузищина. В воспоминаниях учеников и коллег Василия Ивановича звучали слова благодарности замечательному ученому и педагогу.

***М.В. Дурново**, кандидат ист. наук, преподаватель каф. истории Древнего мира исторического факультета МГУ*